

ГЕОРГИЙ
ПОРОТОВ

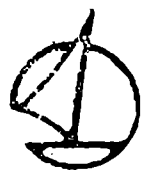
НА
ОКОЛИЩЕ
РУСИ

**Георгий
Поротов**

**НА
ОКОЛИЦЕ
РУСИ**

**КНИГА
ВТОРАЯ**

**Дальневосточное
книжное издательство
Камчатское отделение
Петропавловск-Камчатский
1981**

Камчатское село Мильково накануне больших социальных перемен: организация комсомольской ячейки, создание колхоза, борьба с кулачеством, ликвидация остатков банд, прятавшихся в лесах,— таким показывает его писатель Георгий Поротов во второй книге «На околице Руси».

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

НА ПЕРЕПУТЬЕ

ГРАММОФОН

После школы Акиндин с Мишкой да безграмотный Палька объединились в артель и стали в складчину рыбачить и промыслять зверя. Зимой скопили пушнинки, съездили в областной центр Петропавловск, хорошо отоварились и понакупили родным богатые подарки.

Перед отъездом решили ради любопытства побродить по городу. Идут они около Култушного озера, довольные, веселые от ядреного дня. Снег под ногами скрипит — за версту слышать! Сердце стучит, выстукивает: скоро домой, домой... И вдруг наблюдательный Палька заметил мужика. Куда бы они ни пошли, мужик за ними, что зверевая собака за соболем. Палька на ходу шепнул ребятам. Внимательно присмотрелись к мужику: ростом не вышел — черешок, в стеганке и ватных штанах, на голове — тряпишная шапчонка, на ногах — латаные катанки. Уши длинные, личико бойкое, что мордочка у мышонка. Глаза серые, цепкие, так на ребят и нацеливаются, не отпускают. Палька сплюнул:

— Не вор. Я этого одуванчика издавека на нюх взял.

— Ну? — не поверили друзья. Они знали его как замечательного охотника, удивлялись его везучести на промысле, даже верили на слово, что он зверя, еще не видя, по запаху узнает. Но тут человека!

— Не верите — не надо. Он каюр. Бедный. Собаки худые.

Парни зашли за сопку. Глянь: мужик туда же.

— Чего тебе надо! — резко обернулся к нему Акиндин.

— Ребятунки, — засмутился мужик. А глазенки так и бегают, так и цепляются за парней. — Извините... видите ли...

— Видим, — оборвал Акиндин.

— Знаете ли...

— Знаем, — усмехнулся Мишка.

Мужик неловко переступил с ноги на ногу и страдальчески улыбнулся.

— Я недавно сюда приехал. Устроился в заготпушнине.

— О! — воскликнул Палька. — Я там тоже с Гаврилой работал. Знаешь Гаврилу Мальцева?

— Извините, не знаком.

— Ха! Он тут на съезде выступал. Его вся Камчатка знает, один ты не знаешь! Говори: ты каюр? Собаки худые?

— Да. Откуда вам известно?

— Ха! — обрадовался Палька. — Кислой воняешь, далеко унюхал. Рыбу плохую в яму клал и мало. Болтушку-опану собакам делаешь, от нее они худые и не сильные.

— Верно, я собачек кормил, да вас и увидел... не переоделся. Так вот: приобрел собачек, всяких... корма мало... С охотой еще на Амуре познакомился, пристрастился... А на Камчатке охота в ватной-то одежонке. Ветер ее насквозь прокалывает. Вы, я вижу, в добрых краях живете. меховая одежда на вас — красота! Продайте, а?

— Продай! А мы с голым пупом домой поедем? — сострил Палька. — Всю дорогу босой ногой снег топтать? Ай-ай!

— Зачем же так, я не хочу вас раздевать, — огорчился мужик. — Может быть, у себя достанете да перешлете мне по почте. Я, конечно, заплачу... А знаете что, ребятушки? — оживился он. — Пойдемте ко мне пообедаем! Я тут недалеко... Прошу, уважьте.

— Ну как, ребята? — спросил Акиндин.

— Брюхо пустое. Пойдем! — за всех ответил Палька. Ребята обхлопали торбаза от снега и вошли в избенку. В доме их встретила удивленным голосом дородная хозяйка:

— Ой, Вася! Кто етта?

— Охотники. Ребята из долины Камчатки. Приготовь-ка, Марьюшка, нам на стол. И... — он вопросительно посмотрел на Пальку. — Вы, ребятушки, как насчет? — щелкнул хозяин по кадыку.

— Ты что нас к этой завел? — качнул головой Акиндин в сторону бутылки. — По-купецкому торгуешь? Идемте, ребята!

Хозяин бросился к двери и намертво встал крестом.

— Ради бога, не уходите. Не со злым умыслом ее предложил — по гостевому обычаю. Я сам, ребятушки, непьющий. Для лекарства держу ее, проклятую. Марьюшка, не молчи, зови их к столу.

— Дорогие гости, не обижайтесь на него, — тоненьким голосом пропела толстая хозяйка. — Он у меня добрый. Приехали-то мы сюда из-за любимого сыночка,

сильно уж без него скучаем — один он у нас. Здесь на побережье, на погранпосту служит. Ради него с Амур-реки сюда перебрались.— Хозяйка взяла Акиндина за рукав кухлянки.— Прошу, сынки, разденьтесь.

Они сели, и хозяин тут скрылся за печкой. Вскоре он появился в рубахе и штанах из чертовой кожи. Весь в черном, он теперь стал напоминать маскарадного юрко-го чертика. Он весело кивнул хозяйке:

— Заведи-ка, Марьюшка!

Хозяйка открыла небольшой ящик, покрутила ручкой, приставила к ящику огромную сверкающую трубу, и вдруг все запело.

Друзья с изумлением уставились на музыкальный ящик. Им теперь было не до еды.

— Здорово! — воскликнул Мишка.— У нас в Мильково такого ни у кого нету. Вот бы наши удивились!

Бронзовых пластинок было немного, и хозяевам пришлось прокрутить их дважды. Палька настырно полез к хозяину:

— Я бы три кухлянки отдал за твой говорящий ящик! — и сдернул с вешалки пеструю кухлянку.— Бери!

— Что ты, что ты! — смущенно отмахнулся тот.— Я, ребяташки, щас поговорю с женой.— Марьюшка, пойдем-ка посоветуемся,— шепнул он дородной подруге.

Немного погодя хозяин вернулся к гостям сияющим. На вытянутых руках поднес к столу играющий ящик.

— Примите от нас, Рудовых, граммофон. И, пожалуйста, пришлите мне кухлянку и торбаза.

— Бери, хороший человек! — протянул в ответ ему Палька пеструю кухлянку.— Двойная она, можно в снегу спать.

— А ты-то как?

— В фуфайке под камлейкой доеду*! Еще тебе пришлю.

Мужик передал граммофон Пальке и неловко взял кухлянку.

— Спасибо. Вторительно будете в городе — заходите. Рудовы мы, запомните.

Палька нес граммофон, как новорожденного ребенка, и под скрип вечернего снега напевал эвенскую песню:

Соберем все силы для веселья!

Нургынэк, нургынэк...

* К а м л е й к а — легкая накидка. Надевается поверх одежды для защиты от ветра и снега.

Так случайно был приобретен граммофон. В дороге они сообща договорились подарить его старикам — Андрею Бобрякову и Гавриле Мальцеву.

Старики приняли граммофон с великой радостью. Но когда в трубе возвестило о конце мира сего, Мальцев перекрестился и зло посмотрел на Пальку, затем, не сказав ни слова, хлопнул дверью. Но любопытство к музыкальному ящику брало свое, притягивало, как соболя к приманке. И вскоре он снова зашел к Бобряковым, якобы поговорить о предстоящей рыбалке. Акиндин осторожно завел граммофон. Гаврила вытерпел горлающую пластинку. А на завтра подставил раковиной ухо к ревущей на всю избу трубе. Обвыкся. Ему даже понравились эти тревожные и дикие голоса. Однажды, слушая граммофон, напомнил Бобрякову:

— Помнишь, Андрей, как мы конца миру дожидались? — И тут он с тихой грустью начал вспоминать: — Лежим и мучаемся с тобой на высоком балагане. Вдоволь юколой запаслись, в мешках сухари с чаем. А баты на пятры* подняли, около нас наготове лежат. Вот нагрянет всемирный потоп. Ждем, дрожим. Помнишь?

— Как же. Помню. Такой страх, паря, не забывается. Рад бы забыть, да все в памяти воскрешается. Говорили тогда: давным-давно какой-то француз предсказал светопреставление, а его земляк Лаперуз... Так его, што ли?

— Так-так, во-во! Он и есть — Лаперуз.

— Значит, Лаперуз-то и привез эту страшную весть к нам на Камчатку, дескать, вы тут сильно-то не засиживайтесь, ждите в 1886 году, через сто лет, конец миру. Оповестил и сам на корабле ушел в море новые земли искать, людей предупреждать. А в каком-от месяце ждать наводнения — не сказал. Весь предсказанный год люди мучились в ожидании потопа. Всю рыбу пропустили. Подвел он нас тогда крепко.

Гаврила почесал переносицу и заключил:

— Сейчас я соображаю так: по ихней вере, вере католической, никак правильно не можно предсказать, а только можно наговорить всякую чушь. Сам знаешь: в то время на Камчатке начальствовал иностранец, он, конечно же, был на стороне враля. Вот теперь пластинка-то и смеется над нами, дураками.

* Пятры — настил из жердей перед входом в балаган, куда складывают хозяйственные вещи.

Прознав про Гаврилову забаву, охотники втайне приклеили ему кличку Архангел. Гаврила Мальцев как-то узнал об этом, обиделся, да разве попрешь супротив народного слова. Так и стал он Архангелом. Свыкся...

НА РЕКЕ-КОРМИЛИЦЕ

К углу яра, образуемого склоном лога и берегом Антоновки, причалил грузный бат, почти до края борта наполненный свежим хайком*. Почуяв рыбный дух, на яру взახлеб залаяли ездовые собаки. Тут их летний стан. Более двадцати лохматых линяющих псов звенят цепями возле корыт с водой и беспокоятся. Палит их, беззащитных, нещадно солнце, и не дают покоя алчные комары. Собаки остервенело роют норы, пытаясь облегчить свои муки, спрятаться от летнего зноя и комарья.

Невдалеке от собак — ямы для квашения рыбы. В полуверсте от них, близ берега, бронзовеют лиственничные избы рыбаков. Все тут рассчитано по-хозяйски: собаки — рядом, корм для них — сделай всего лишь шаг, дом — вот он! Одна неприятность: когда открываешь ямы зимой и достаешь кислую рыбу для собак — зловонный дух долетает до изб и крепко ударяет в нос. Но, как говорят каюры: «хотя и вонько вдыхать, зато собацкам благодать». А собачки для камчадала — полжизни.

Старики — Гаврила Мальцев и Андрей Бобряков, — опираясь на шесты, поднялись на берег и молча уселись на траву. На их головах от комаров повязаны длинные белые платки, на поясах в деревянных чехлах — ножи. Их лица обветрены до черноты. Тут же, у ног, в закопченном ведерке сотворили дымокурчик.

Сидят они на берегу, как на пустынном острове, и с нетерпением кого-то ждут с реки.

— Цо, паря, еще обождем Пальку или начнем выкидывать? — заговорил с хрипотцой круглолицый, с приплюснутым носом и выпуклым лбом Гаврила. Он в яркой клетчатой рубахе — «голландке» и старых парусиновых штанах. — Цыц, вы, горластые! — закричал он в сторону собак.

* Х а ё к, хайко (камчадал.) — кета, рыба лососевой породы.

— Не терпится им. Не спросили Пальку, до обеда пойдет к запору или после? Рыба у нас в бату сварится... Не слышно, не видно на реке,— поднес ладонь ко лбу и стал внимательно взглядываться вдаль Бобряков. Узколицый, в выцветшей синей рубашке, он годами чуточку постарше Гаврилы, а потому с правом решающего голоса.— Давай-ка я начну рыбу выбрасывать наверх, а ты подправь-ка ямы да нутро у них травой обклади, без нее ямы сильно обваливаются. Ой, да цыц вы! Собакам-та сейчас кинь, вишь, проголодались.

— Ладно.

Гаврила и Андрей приплавляли рыбу для закладки «на кислую», но ее не хватит и на одну яму. Ямы сделаны большие, емкие. Вот и ждут Пальку Ичангу, квартиранта Гаврилы Мальцева, с остальным уловом, а тот, видать, замешкался: может быть, заговорился на рыбалке.

Андрей Бобряков осторожно спустился вниз, взял на корме саяк — саженную палку с гнутым наконечником из толстого гвоздя — и, протыкая ею рыбину, стал выбрасывать их на берег.

Гаврила Мальцев кинул каждой собаке по рыбине, налил в деревянные корыта воду, потом, нарезав ножом озористый — буйный — шеломайник, который вымахал выше человеческого роста, взялся им уделывать яму под кислую. Вскоре к нему поднялся Андрей, и они вдвоем быстро сбросили накиданную рыбу и опять уселись на берегу подле дымокура в ожидании Пальки.

Вот наконец-то слышались гулкие удары шестом по бату. Из протоки на Антоновку медленно вышел груженный бат. На его корме стоял незнакомый батовщик. Андрей пригляделся к нему и затревожился:

— Гляди, паря, этот сразу же при выезде на Камчатку опрокинется. Ей-богу, перевернется! Вои как правит бестолково. Все эти наезжие — беспечные и бестолковые люди. Без подвязов* плывет. Ох, утонет-от?

Гаврила вскочил.

— Дурак он, что ли, так-то ходить? Сколько их тонет — все Камчатка не научит! Эй, ты! — закричал он батовщику. Сдернул с головы платок и пошел им размахивать.— Сюда плыви! Слышишь, сюда!

* Подвяза — сухие жерди, привязанные к бортам для устойчивости бата на воде.

Батовщик неумело причалил бат к берегу. Удивленно уставился на кричащих:

— Чего вы? Чего случилось?

— А ничего,— ехидно усмехнулся Гаврила и спустился вниз.— Куда бы без подвязов-то? Микижу* кормить? На горной воде, паря, не шутят. Однако ты и ходить-то совсем не умеешь, поди коленки, как у зайца, трясутся, оттого и шест, куда попало тычешь. Жить, поди, тебе надоело? Сидел бы себе да посиживал в конторе.

Батовщик виновато улыбнулся.

— С вечера не подумал о подвязках, а утром времени не было,— сознался он.— Понадеялся: уж до Кырганика-то как-нибудь доплыву, а там ожидает меня местный товарищ из Ключей.

— Не дождется он тебя,— нахмурил лицо Гаврила.

— Как не дождется? Человек он надежный.

— Надежный-то он, может быть, и надежный... Я тебе вот что скажу: выйди-ка из бата, покамест живой, поговорим.

Батовщик с Мальцевым поднялись на берег.

— Здравствуйте. Кузнецов я, Николай Николаевич.

— Здорова! — ответили рыбаки и по очереди пожали протянутую мягкую руку.

Бобряков пыливо оглядел незнакомца, словно редкого зверька, поинтересовался:

— Далеко ли на кривом-то бату собрался плыть?

— На озеро Ушки. Там рыбозавод открывать собираемся. Мальков думаем выращивать.

— Воон оно как! — протянул рыбак и недоверчиво покачал головой.— На Большой реке у Большерецка тоже такой завод выдумали, что-то теперь о нем не слышно.

— Наверное, не довыдумали,— подмигнул напарнику Гаврила.— Выдумщики-та не довыдумали.

— Разрушился он,— вздохнул Кузнецов.— Да и малое число рыбы шло на нерестилище. Решили мы новый завод на Ушках открыть, там обильный заход поздней красницы, хайка и кижуча**. Все, что надо для развода, там есть: добрая чистая вода, корм для мальков... Одним словом — хорошее место!

* М и к и ж а — хищная речная рыба из породы лососевых.

** К р а с н и ц а, к и ж у ч — рыбы лососевой породы. Сейчас красницу называют красной или неркой, это не совсем верно, ибо красная рыба — породы осетровых.

— Нам-то, паря, об этом не толкуй, мы сами без лехторов знаем,— ухмыльнулся Гаврила.— Видели, родники со дна озера выходят, и лощеной рыбы — кибарей* действительно много там, оттого и дивно медведей близ озера околачивается, жирок нагуливают. Угощайтесь,— протянул он на широкой, как весло, ладони берестяную табакерку с лемешинкой. Ни у кого не было такой табакерки и не будет, хотя она и старенькая. У всех они костяные, а у Гаврилы берестяная, для него очень памятная.

— Извините, не умею закладывать за губу, не научился пока,— отказался Кузнецов.— Лучше я покурю.

— Как знаешь. У нас только старые бабы курят да парнишки, каналы, тайком затягиваются. Купцы, вон, важно прошку, табак, похожий на пыль, нюхают—чихают, носы прочищают. Нам же, рыбакам, подавай лемешинку. А моя лемешинка знатная! Хорошую махорку Палька из города привез, и губа добрая на пепел попала. Попробуй-ка мою смесь. Мужик — и не закладываешь. Ну, бог с тобой. Значит, микиляшек из икры выводить задумали? И большая прибыль пойдет рыбе?

— Если все благополучно выйдет, то в год до 30 миллионов икринок оплодотворим и мальков, по-вашему микиляшек, выведем.

Гаврила, не понимая, много это тридцать миллионов или мало, передернул плечами, но поцокал языком.

— Но-но. Ипонцы, едри их за ногу, обрадуются, с превеликим удовольствием к Устью на шхунах приплывут за вашей собственно выведенной рыбкой.

— Не беспокойтесь. Нынче на побережье пограничная охрана стоит, при ней не больно-то наворуются!

Гаврила вспомнил:

— То-то мне заведующий заготпушнинаой говорил, будем встречать отряд из Усть-Камчатска. Только когда? Вот память дыровата! — постучал себя по лбу кулаком и уже добродушно предложил:— Вы возьмите у нас подвяза. Ты как, Андрей?

— Пусть берет. Куда они нам? С веревкой, правда, у нас скудно — из крапивы вьем, всего лишь на год ее хватает, так что не обессудь. Этта на бату уже подгнившая, так ты ее побольше намотай.

— Спасибо. У меня есть пеньковая. Могу поделиться.

* К и б а р ь (камчадал.) — рыба, отметавшая икру.

— Не надо, для себя побереги,— отказался Андрей Бобряков,— в глуши-то где найдешь? Давай сплывай, да осторожнее держись на воде. Больше веслом работай — глубина большая на реке. Вперед посматривай, нет ли коряг.

Они помогли привязать к бортам сухие жерди и, окрестив, простились:

— Ну, с богом.

Только отплыл от мыска Кузнецов, а из проточки уже второй бат выглянул. Широкий, длинный — он не нуждался в подвязках, хотя и сидел в воде глубоко. Таких батов мало встречается: слишком уж много времени он отнимает при обработке. Кроме того, не всегда можешь отыскать в топольнике подходящее дерево.

— Мотри, Гаврило Викентьич, это точно Максим Красильников с племянником на своем красном бату на Машуру поплыл,— определил Андрей Бобряков.— Тоже тяжело нагрузились.

— Ну эти не перевернутся — всю жизнь на воде. Поди, опять в нашлавке (так крестьяне окрестили амбар кресткома) помощь машуровской бедноте везет. Беспокойный мужичок Максим, все бы шевелился. И племянника на свой манер воспитывает. Заметь, не для себя старается — людям доброе в жизни хочет сделать. А уж башковитый!

— Вот бы его к нам священником.

— Он же безбожник.

— То-то и оно-то — безбожник. Жалко, хороший, умный человек и на те — в бога не верует... Доброго здоровьичка, Максим! — крикнул вниз Бобряков.— Ишь как нагрузился!

— Здравствуйте, здравствуйте! — ответили снизу. — С племянником зерно в кресткоме получили, попробуем на Машуре хлебушко вырастить. Завоз-то к нам плохой, неважный, короче говоря — хреновский! — засмеялся Максим.— В глуши-от живем, с медведем за лапу здороваемся.

— Мучаетесь вы там? Затопляет вас?

— Затопляет. Как мышей в норах, заливают. Весной в гости друг к другу на батах приплываем. Никак упрямых земляков на другое, высокое место не переманю. Долдонь им хоть каждый день про это — не прошибешь, уперлись. «Не перейдем никуда, укоренились мы», — и весь тут-ка разговор.

— Остановись-ка, Максим,— попросил Гаврила.— Впереди тебя плывет какой-то Кузнецов, не тутошний он. На бату совсем не умеет ходить, дак ты уж, земляк, его до Кырганика не оставляй одного, не то утонет по глупости человек, а для Камчатки он вроде бы нужный работник.

— Немного знаю его. С добрыми намерениями человек.

— Ну с богом, Максимушка!

Не успел скрыться за кривуночком реки Красильников с племянником, как из проточки вынырнул новый бат и пошел ходко, сразу видать, что он без груза.

Приложил Гаврила черпаком ладошку ко лбу, прищурил глаза, и от внутреннего смеха мелко задрожали его крепкие плечи, нос вздернулся кверху, открыв круглые ноздри.

— Господи, помилуй! Диво-дивное на реке — баба на носу веслом правит!

Пригляделся повнимательней Бобряков к плывущим, изумился:

— Дак это же старуха-директорша на корячках стоит. А бат ведет вроде бы Фенька Коршунов? Ну да, он и есть, бездельник! Все на рыбалках трудятся, а они со старухой для развлечения днем Антоновку оседлали. Ишь как, бездельники, вырядились!

Гаврила прицокнул языком.

— Ноне молодые поганятся: лицо от иконы отвернули — на юбку чрезмерно заглядываются, она у них теперь вместо образа, прости, господи. Вон Дорка сплавил на остров девчонку сосланного поляка и обрюхатил, от родителей оторвал. До поздна-от парочками шляются, в потемках прячутся.

— Конечно, гулять можно, но не до брюха же... Куда ты? — закричал Бобряков плывущим.— Утопишь ведь бабу. Посади ее на задницу!

На великое удивление старикам директорша встала во весь жердинный рост и погрозила пальчиком.

— Я, батенька, выплыву — не по таким еще рекам каталась. И Феодосию помогу выбраться на сушу, коли перевернемся. Но он не даст мне искупаться. Пристанька, — попросила она батовщика.

Фенька причалил к мысу, стесняясь стариков, лицо на реку повернул, стал проволоку в бату скручивать.

«Только бы отца не попрекнули,— подумал он,— тот сгоряча тяжелую руку поднимет».

Баба гордо сошла на берег, сильно оттолкнула ногой бат и помахала уплывающему Феньке.

— В гости жду с медвежатинкой! После-зав-траа!— протянула она напевно и, как паук, широко расставляя ноги и вытянув по сторонам руки, легко вскарабкалась на крутой яр. Подошла к старикам и поздоровалась:

— Здравствуйте, истинные хозяева Камчатки!

«Здоровается, как когда-то в Казенке Сусяк здоровался,— подумал Гаврила,— наверное, они от одного корня».

— Не дадите ли мне к обеду рыбки? — вежливо попросила она.

Гаврила сходил к яме, принес холостого хайка — самца и кинул на траву.

— Нате,— буркнул он под нос и глянул вверх.

Солнце накрылось медвежеватой тучей, и зябкая тень легла на землю. По реке потянул свежий ветерок, сморщив гладь реки. О чем-то таинственно зашуршали тальники. Директорша нахмурилась.

На излучине реки показался бат Пальки Ичанги. С выпяченной грудью парень сидел на корме и ладно правил веслом. Он гордо глядел вперед.

— Не расскажете ли вы, уважаемые...— глядя на вершины мрачных заснеженных гор, что-то хотела спросить директорша, но рыбаки шагнули к обрыву.

— Нет,— отрезал Бобряков.— Видишь, нам некогда. Директорша гордо выпрямилась и, бросив недовольно рыбину, направилась в селение.

Солнце снова вышло на чистую синь небосвода и улыбнулось Камчатке.

Гаврила, увидев квартиранта, обрадовался, потер ладонь об ладонь (такая привычка у него выработалась, когда приходило много покупателей к разъездной лавке заготпушнины). Палька же, увидев его, ошалело заорал:

— Не смей! Глуши их, Гаврило! Это же Гаврило-архангел конец миру трубит! — И тут парень приставил трубкой ладони ко рту и грубо загудел: — У-у-у!

Гаврила схватил шест и погрозил Пальке:

— Я тебе, тундровый стервец, покажу такого Гаврилу-архангела, сразу научишься уважать старших! — И уже тихо Бобрякову:— Ловко, каналья, голосом выде-

лывает, что твоя труба.— И чтоб услышал Палька: — Но огреть его шестом, Акиндиныч, все же придется!

Ичанга подплыл к берегу, но не стал выходить из бата.

— Гаврила Викентийч! — задрал он голову кверху.— Я вам срубил добрую губу на лемешину, с северной стороны березы росла. Ах, славная!

— Ох, и лукавый ты, Палька, что твоя евражка. Может, с южной срубил? Живо выкидывай рыбу на берег, надо домой идти!

— Ах, новую голландку надел, наверное, граммофон пойдете заводить?

— Цыц, горластый! Не твое дело, куда пойдём!

Кидает Палька рыбу на берег. На груди поблескивает пятиугольный значок: в лучах восходящего солнца сверкают буквы «МОПР», а ниже этой надписи—спадает с земного шара цепи капиталистического рабства.

Палька — комсомолец. В нынешнем году стал еще и мопровцем. Самолично убил трех медведей и всю выручку отдал МОПРу для оказания материальной помощи томящимся в тюрьмах жертвам капитала. Поднаторел в грамоте. С большим трудом Акиндин с Мишкой научили его читать и писать. И теперь Палька тайком от хозяина Гаврилы почитывает его «Евангелие», хотя и ничего ему там непонятно, но зато получает наслаждение в звучании слов: «Моя мать — дух святой — взяла меня за волосы и перенесла на гору Фаорскую». Хорошо Пальке живется, друзья кругом.

Кидает Палька рыбу да стариков подзадоривает:

— Вас двое, я — один. Ну-ка, ну-ка кто кого!

— Ты, безбожник, чертова душа, не раскидывай рыбу по всему берегу! — сердится Гаврила.— Ишь ты: кто кого!

Заложив рыбой яму и забросав ее землей, старики отправляются домой, а Палька, напевая: «Ай да комсомольцы, ай да молодцы!», уходит на бату к друзьям.

К закату солнышка у изгороди Андрея Бобрякова собираются кучки любопытных. Навострив уши, они жадно ждут, когда раздадутся звуки граммофона. Наконец из рубленых сеней на улицу вылетает женский взволнованный голос:

— Папа, ты слышишь? Они говорят — с ума сошел ты! Уходите! Трубач, уходите.

— Чичас он, чичас, люди, затрубит он,— не умолкая, верещит вдовушка Гагариха.— Слушайте...

— Цыц ты, сорока! — обрывает ее голос Исая Дедова — соседа Бобряковых. Цыцнул он, и сам вытянул шею до предела.

И правда, в ответ на мольбу женщины зарокотало:

— Не надо! Глуши, Гаврило! Светопреставление! Конец миру. Труби-и...

— Вот-вот, вот она! — радостно задергала плечами Гагариха.

— Господи, до чего мы дожили! — осенил себя крестом мимо проходящий дьячок Агафангел.— Ох, дела мирские...

ДЕЛА МИРСКИЕ

Нынче вода в Мильково пришла малая, спокойная. Мирно плещется под высоким яром Антоновка, не тронула она и этой весной ветхую избенку Агафангела. Может быть, река устала от постоянного буйства, а может быть, просто не захотела возиться с мелочной работой. Кто ее знает — природу-то! Так что остался дьячок Агафангел при старом своем хозяйстве. Близ хлопотливого лета вернулась к беспечному мужу Секлетикея с ребятенками. На недоуменный взгляд подруги Марии Бушуевой ответила с тяжелым вздохом: «Жить-то надо... Детишки у нас...».

Возвратилась и, не сказав ни слова, ни полслова, тут же принялась раскапывать уснувшую без хозяйки землю. Раскопала, подняла грядки, раскидала по ним овощные семена. Вырастила на лабазе капустную рассаду. На радость матери детишки усердно помогают, дают подсобку ей. И спорится работа в натруженных руках. Вот уже и огородишко под картофель приготовила, клубни на проращивание в избе по полу рассыпала.

Лежит Агафангел на скрипучей кровати, одной рукой придерживает толстенный в деревянном переплете псалтырь, другой — поглаживает жиденькую бороденку. Вид у него — «занят и не троньте». Но грохотание картошки заставляет приподняться.

— Ой, расхозяйничалась, матушка! — бросает он с кровати ворчливое слово.— А вода — она не спросит те-

бя, милая, как пойдет берег ломать, подмывать. И вдруг я избу на другое место перенесу? — И вопросительно глядит на беспокойную жену.

Секлетикея как стояла у дверей с ведром картошки, так и села на порог.

— Ой, пресвятая дева Мария! — простонала она. — Девять лет около воды дрожали — не переехал, и на тебе — «вдруг»! Да тебя скорее самого Антоновка в Кырганик унесет, чем ты с места сдвинешься. Ты-от от безделья сейчас на меня ропщешь.

— Не срами меня. Не богохульствуй. Всегда ты мне поперек да поперек, как бревно на дороге! — соскочил Агафангел с кровати. — Знаю: во всем здесь богомерзкая Тонька Подкорытова виновата. Виновата! Эта проклятушая бабенка вас вольности научила. Научила и перепортила. Детей у нее нету, нету — бог не дал, вот на-легке-та и шарахается по избам, дурехам трудиться мешает. Мужик не колотит, не щуняет — под стать ей, сам такой...

— Зато ты у бога вымолил плодливость на детишек.

— Ой, гляди, Сика, бог-от тебя накажет.

— Бог-то первым тебя накажет, — встала с порога Секлетикея. — Это уж точно, накажет.

— За что, непослушная? Отвечай.

— Скажу. За божью тварь!

— Но-о-о! Я никого никогда...

— Слышишь: корова в пригоне томится, голос тебе подает. Жалко смотреть на бедную! Гулять ведь хочет. Неужто твоей голове непонятно — гу-лять! Хоть бы с Нилом поговорил, умаслил. После отработали бы за быка, где хозяин скажет: на огороде ли, на сенокосе ли. Чего молчишь-та? Мотри, Агафангел, останемся нынче без теленочка и без молочка. Детишки вон малые, что они нам опосля скажут?

Агафангел схватил с постели псалтырь и погрузился в глубокое чтение:

«Познати на земли путь твой, во всех языцех спасение твое. Видиша...», — зашлепали его губы.

— Ой, пресвятая Мария, коровка мычит — сердце разрывается! — шептание мужа перекрыл крик жены. — Не хочешь, Агафангел, пасти, так зелень бы ей в пригон бросил. Тем более, рядом она — на поляне. У меня руки отнялись от огорода, а ему хоть бы что!

В избу заглянула Мария Бушуева.

— Ругаетесь вы, цо ли?—с усмешкой посмотрела она на хозяев. Шагнула за порог и поклонилась: — Бог в помощь. Здравствуйте.

— Здравствуй, Мария! — поклоном на поклон ответила хозяйка.— Его вот прошу коровку к быку сводить.

— Коровку, коровку,— передразнил жену Агафангел и положил книгу на кровать.— Без твоих ехидных слов хотел уже идти, так нет. же — без трескотни не может обойтись. Ты бы лучше сказала, где чего искать: где веревка, где яства?

— Ты, Агафангел, в своем доме не чужой, сам знаешь, где чего лежит. Не таки уж богачи, чтоб не отыскать среди барахлишка веревку. Жарена — вон на печке в сковородке, веревка — там, в сенях на стенке.

— Еду мне пусть Елька принесет на косогор,— кивнул куда-то в бок Агафангел, зло сдернул пиджачишко со стены и покосился на гостью.— Люди от безделья, што ли, днем-то в гости ходят?.. Пошел я.

— Иди с богом.

Агафангел направился к двери и споткнулся о ведро с картошкой.

— Ни пройти, ни проехать. Незванные вдобавок на пути торчат.

— Не к вам я,— огрызнулась Мария.— Вот к ней!

— Грубиянка! — откликнулось уже в сенях.

Под яром застучали о борт бата.

— Принимайте! — крикнули снизу, и у крыльца шлепнулись два крупных хайка. Это старики Андрей Бобряков и Гаврила Мальцев не забывают своего бедного земляка. Возвращаясь с рыбалки, они никогда не проплывут мимо его избы, каждый день у Агафангела свеженькая рыбка. Осенью одевают баранинкой да утятинкой, зимой — медвежатиной и кижучем. «Настоящие христиане, каких уже редко встретишь!» — говорит о них при народе дьячок.

Агафангел накинул на рога коровенки крапивную веревку и потащил скотинку пастись за село.

Он привел ее на чистую поляну, окруженную березками и кустами шиповника, снял с рогов веревку и было уже приготовился надолго тут расположиться, как из березняка выскочил здоровенный бодливый бык Нила Плотникова. Пожелав остаться живым и невредимым, пастух нырнул в кусты и спрятался за стволом толстой сучковатой березы. Немного погодя, ради мучившего

любопытства, он выглянул из укрытия и на свою превеликую радость увидел, как согнулась под быком коровенка.

— Слава пресвятой богородице Марии. Обгулялась-таки. Без всякой отработки обгул ее обойдется! — перекрестился и тут же с опаской оглядел окрестность. «Слава тебе, господи, никогошеньки не видать!» — мысленно воскликнул он, а вслух произнес:— Завтра еще разик на это самое местечко приволоку кормилицу для верного зачатия. Теленочек будет. Молоко чадушки пьют и я...

Сладко улыбаясь от нахлынувших мыслей и задрав к небу голову, Агафангел неосторожно приблизился к рогатистой паре. А когда он, отуманенный счастьем, опустил свой взор с небес на землю,— ужаснулся: в пяти шагах от него бык выгнул мускулистую шею и налил кровью глаза.

— С нами крест...— только и смог сказать Агафангел, мигом развернулся, почувствовав холодок под сухими лопатками, из которых, словно у ангела, выросли крылья. Вспугнутый пастух прошумел по шиповнику и тяжелым глухарем взлетел на первый сук березы.

— ...и пресвятая богородица — наша заступница! — молитвенно закончил он фразу, и крылья тотчас отпали, а тело налилось каменной тяжестью. «Переждем,— утешал он сам себя,— когда-то же утихомирится страшнорогий кавалер?»

Немного придя в себя, Агафангел осторожно перелез на следующий сук березы, решив оглядеть окрестность как можно подальше. «Не дай бог, придут за быком,— невесело подумал он,— увидят и невесть какую небылицу потом наплетут сорочьи языки...» И тут перед глазами причудилось насмешливое лицо Марии Бушуевой.

— Тьфу тебе! — плюнул он.

Настороженное ухо уловило частый треск сухих сучьев и тяжкие вздохи. Выскочили ребяташки.

«Чегой-то они так?» — вытаращил глаза Агафангел.— Эй, кто вас? От кого вы? — крикнул он сверху.

— Беги! Утоновцы на Кирпишной! — прокричали они на бегу.— Ой, мно-о-о-го!

Агафангел быстренько влез на третий сук березы, глянул в сторону Кирпичной и ахнул: по чистой травя-

нистой тундрочке ползли во множестве вооруженные люди в незнакомой ему одежде.

Наблюдатель жалобно посмотрел на мирно пасущихся корову с быком, сполз по стволу и ударился в бег. За кузней Феди Мальцева он наскочил на нарядную толпу, возглавляемую Дмитрием Подкорытовым. Мужики шли степенно, комсомольцы строем, с оружием. Впереди их девки несли на подносе каравай — хлеб-соль.

— Ползут, яко черви по кислой яме! — торопко оповестил Агафангел толпу и, оглянувшись на бегу, докричал: — Держитесь, ребята, сейчас я подмогу вам дам!

Подкорытов пожал плечами, мужики тоже удивленно переглянулись, а девчонки захихикали.

Агафангел влетел в святую обитель, сбил с ног подвернувшегося на пути кругленького попа Мазура и лошадиным цокотом простучал огрубевшими торбасами по крутой лестнице на колокольню.

«С ума сошел!» — испугался священник и кинулся к двери.

Над Мильково тревожно забасил Большой колокол. На его призывной звон сбегались обеспокоенные тревогой люди, которым сверху Агафангел бросал:

— Вооружайтесь, христиане! Нечисть из лесу ползет!

Бьет. Старается. Видно, вспомнил Агафангел, как в 1904 году, будучи еще молодым пономарем, он собирал на площадь земляков-дружинников, чтоб идти защищать побережье от японцев.

Собирается, накапливается народ у церкви, а внизу повеселевший Мазур стоит подле директорши, подбадривает звонаря:

— Бей, духовный брат! Созывай христиан на бой! Дьявольщина прет!

И гудит напряженно колокол.

ОСТРЫЕ ШАПКИ

Будоражит мильковчан колокол. А в это время в Мильково входит вооруженный отряд пограничников из Усть-Камчатска. Замыкает отряд караван вьючных лошадей. На конях сидят ребята-добровольцы из долины, за плечами у каждого — новенькие винтовки. Пока они одеты по-обычному, по-домашнему, но дух красноармей-

ской дисциплины вселился и в них. Из-за малочисленности населения местных в армию не брали. Это были первые посланцы Камчатки.

В середине каравана плетется кучка оборвышей. Впереди нее шагает высокий, заросший черным с проседью волосом хмурый детинушка. При подходе к селу он останавливается и, скорчив лицо якобы от страшной боли, начинает растирать левую ногу.

— Давай, давай двигай! — кричит на него с низкорослой пегой лошади загоревший до черноты паренькамчадал. — Цо встал? Двигай, не то пулю влуплю. Все, гадина, зыркаешь и зыркаешь по сторонам!

— Не кричи, ради бога, Ваня. Ногу ушиб об валежину, — отвечает с оханьем детинушка.

— Я тебе «ушибу»! Какой я тебе Ваня? Петро я. Вспомни, как ты у брода взялся удирать. Тоже нагнулся, будто бы ногу натер. Хитрый! Теперь меня не проведешь! Двигай! Кому говорю!

Детинушка разгибает спину, зло глядит на всадника горящими черными глазами-углями.

— Э-эх, Петя! — скрипит он крепкими, как у лошади, зубами, но теперь уже не лезет вперед, остается позади кучки арестованных.

У входа в село красноармейцев почетно встретили представители волревкома и комячейки. Пионервожатая Уля Мальцева в сопровождении подружек поднесла красному командиру Янсену каравай.

— Примите, дорогие наши гости, бойцы Красной Армии, от мельковских крестьян наш хлеб-соль.

Аркадий Плотников, секретарь комячейки, выскочил вперед и стал что-то показывать Уле руками. Она заметила его знаки и, покраснев, добавила:

— Испекли его наши комсомольцы. Они передают вам...

Тут вся молодежь в один голос выкрикнула:

— Комсомольский пламенный привет!

Янсен принял каравай.

— Спасибо вам, делегаты от мельковских крестьян, спасибо вам, комсомольцы, от всего отряда красноармейцев!

К Янсену подошел, прихрамывая, заместитель предревкома Дмитрий Подкорытов.

— Ждали мы вас... У нас неделя обороны с привлечением всех граждан. Поможете нам...

— Конечно,— ответил Янсен.

Сквозь ликующую толпу пробрался Гаврила Мальцев и протянул Янсену руку.— А тебя я сразу узнал. Тогда в городе видел. Помнишь: проезжал на коне в Халактырку, а ты у меня документы взялся проверять? Откуль они у меня? И так, што ли, не видно, что я камчадал. Здорово!

— Значит, пропуск потребовал? — Янсен улыбнулся.— Ну, здравствуйте, товарищ Мальцев.— И он крепко пожал Гавриле руку.

— А что у вас так благовестят? — обратился он к Дмитрию Подкорытову.

Дмитрий пожал плечами.

— Не пойму. Сегодня не служат. Не ко службе быют в колокол. Что-то здесь не чисто...

И тут он увидел бегущую по улице жену. Антонида, запыхавшись, испуганно заговорила.

— Митя, у церкви охотники с ружьями собираются. Поп Мазур с Агафангелом говорят им, что утоновцы из лесу идут. Пойдете, стрелять начнут!

— Пробежал тут Агафангел, словно зад ему скипидаром смазали. Кричал: «Сейчас подмогу пришлю! Пожгут, яко черви!» Спутал он вас, товарищ Янсен, с утоновцами, лесными бандитами.

— Так-так, мы тоже не сообразили: на подходе к селу вздумали проводить учение,— нахмурился Янсен.— Давай что-то вместе предпринимать.

— Мое предложение такое,— решительно сказал Подкорытов.— Мы — мельковчане, пойдем туда и все разъясним, а вы, товарищи бойцы, пока здесь обождете.

— Согласен,— поддержал Янсен.— Я, конечно, пойду с вами. Рудов! — выкрикнул он.— Отведите отряд в лесок и будьте начеку. Без моего приказа никаких действий не предпринимать. Арестованных свяжите и не спускайте с них глаз. Остаетесь за меня.

— Есть отвести в лесок! — ответил шустрый, поджарый красноармеец.

Пока дошли до церкви, к ним пристало много любопытных баб и детей. На площади делегацию окружили вооруженные крестьяне.

— Вы чего это выдумали вооружаться против своих! Ведь это к нам красный отряд пришел с Устей! Наши защитники! — крикнул Подкорытов.

— Кто его знает, чей это отряд!

— Покажи его нам!

— Ишь ты... глаз... замажь!

Подкорытов внимательно осмотрел людей.

— Где Мазур?

Мужики огляделись по сторонам. Стоят в недоумении. Приостыл их воинственный пыл.

— А где Агафангел?

Из церковных дверей на крыльцо вышел смущенный дьячок.

— Ты чего стравливаешь нас, как собак? — грозно спросил Подкорытов.

— А я тут при чем... Мне ребятенки наврали, — вздернул головой Агафангел. — Ей-богу, православные, соврали они, — с испугу перекрестился он. — А если бы взаправду утоновцы?

— Надоели эти утоновцы! Пакость под боком — и мы терпим! — взорвался Гаврила Мальцев.

Лицо Янсена было серьезным.

— Это хорошо, что у вас по боевой тревоге все село собирается, — похвалил он милюковчан. — Сразу видно, в обиду себя не дадите. Я командир охранного отряда красноармейцев Янсен. Мой отряд сейчас за селом. Там же находятся схваченные нами разбойники-утоновцы.

— Нам бы с песней гостей! — воспользовался моментом Подкорытов. Заметив рядом стоящего гармониста Дорку, обрадовался. — Ну-ка, Дормидонт, тащи гармошку. Не все тебе на вечеринках наяривать, девиц развлекать. Давай-ка, паря, послужи обществу.

— Ради такого дела — я мигом! — крикнул польщенный вниманием охотников Дорка. — Чего тут — дом близко.

— Вы стройтесь, охотники, — подсказал Гаврила Мальцев. — А вы, представители всякие, встаньте вперед их, кабы красноармейцы, чего доброго, не посумлевались. Таким манером, как на крестном ходе, и пойдем.

Люди стали строиться в колонну. Подкорытов попросил секретаря комячейки:

— Ты, Аркадий, беги туда, предупреди отряд, что мы идем. Они тебя уже знают.

— Да пусть выходят навстречу, — добавил командир. — Постой-ка, я лучше напишу им. — Он что-то быстро набросал карандашом на тетрадном листке и передал Аркадию. — Передашь Рудову. Ну что, товарищи, готовы?

У рывины за селом охотники встретились с красноармейцами. Отряд пограничников шел навстречу с развернутым знаменем.

К Янсену подошел красноармеец Рудов, кивнул в сторону оборвышей и что-то тихо ему прошептал. Командир посоветовался с Подкорытовым и решили утонцовцев поместить под стражей в кузне Феди Мальцева и заброшенной избе Астапчука. Арестованных увел конвой из местных ребят-добровольцев.

Три раза прошли по Партизанской улице охотники с бойцами погранотряда и остановились на площади около церкви, где собралось все село. Подкорытов вбежал на крыльцо.

— Граждане мильковчане! — взволнованно обратился он к народу. — К нам с Устей пришел красный отряд. Все вы помните, оттуль в двадцать втором приходил в Мильково партизанский отряд, чтобы защитить народный съезд Советов от белогвардейцев и всякой разной сволочи, которая цеплялась за старую, ненавистную трудовым народам власть. Сегодня пришли пограничники, чтобы показать нам, воочию дать убедиться, что на побережье есть защита от врагов, от воровских хищных банд. А мы когда-то в лихую годину бросали все, собирались тут, у этих трех тополей, и уходили защищать наши рыбалки от японцев, отстаивать с ружьем родину — Камчатку. Отрывались от семей, упускали рыбу, бедствовали. Теперь у нас есть на побережьях защитники — пограничники. Просим командира Красного отряда товарища Янсена сказать нам слово!

По площади прокатился одобрителный шум.

На крыльцо легкой походкой поднялся Янсен. Ему было лет за тридцать. Невысокий. Лицо небольшое, заостренное книзу, тонкий прямой нос, под ним скобкой, цвета махорки, усы. Взгляд серых глаз острый, как медвежий коготь. Телом сухощав, но одежда на нем сидит плотно, пригонисто.

— Вылитый соколик, — прошелестели бабы.

К Янсену поднялся Рудов со знаменем в руках и два бойца. Они встали рядом с командиром.

Андрей Бобряков толкнул в бок Гаврилу.

— Молодцы. Как он, паря, их друг от друга отличает в такой одинаковой одежонке: шапки у всех острые, суконки сшиты на один манер, ружья одной системы, даже, как я заметил, походка у всех сходная. Они что в

речке красноперые гольцы. Чудно, ей-бо. Ой, чудно!

— На то он, однако, и командир, дабы знать каждого бойца. Этта так, на первый взгляд они кажутся одинаковыми, а приноровишься — все разные. Палька баил: ламут каждого оленя знает в огромном табуне, а тут ведь человеки. Давай послушаем его.

— Трудящиеся долины Камчатки! — обратился командир к мельковчанам. — Для несения службы пограничной охраны на побережьях Охотского и Берингова морей сформирован Камчатский пограничный отряд. Конечно, владельцы японских рыбозаводов на Камчатке встретили представителей рабоче-крестьянской армии враждебно. Еще бы: жили-поживали и рыбку даром брали, а тут на тебе — по шее! Они поняли, что их хищничеству на русской земле пришел конец. Прямо скажу, не скрывая: пограничникам Камчатки приходится нелегко. Нам предстоит проложить первые дозорные тропы в глухой тайге, в холодной ветреной тундре, на обрывистых берегах у моря и крутых склонах сопок. А враг пользуется любой нашей промашкой. Волком рыщет. Не нравится ему наша власть. В декабре прошлого года ликвидирована банда, которая сплела свое осиное гнездо в самом Петропавловске. Упрочение Советской власти на Дальнем Востоке, рост нашего камчатского рыболовства, усиление контроля за японскими арендаторами вызвали сильную антисоветскую кампанию японских предпринимателей, которые привыкли бесконтрольно хозяйничать у берегов Камчатки.

— Всю жизнь пакостили нам! — выкрикнул Гаврила. — И дружиной ходили против них и стрелков посылали на побережье. А нас мало! Откуда помощь возьмешь?

Командир Янсен подошел к Дмитрию Подкорытову. Они о чем-то пошептались. Заместитель предревкома обратился к людям:

— Граждане! Сегодня вечером в комсомольском клубе имени Карла Либкнехта гости проведут беседу о новой крестьянской жизни. Все на сельский сход! После беседы наши дорогие красноармейцы покажут со сцены представления с музыкой и песнями.

— Пойдем? — спросил друга Гаврила.

— Как уж не пойти? Люди-то, вишь, как сплачиваются? Людская веревочка закручивается, — ответил Андрей Бобряков.

Янсен с Подкорытовым спустились с церковного крыльца и направились к дому волревкома. На Партизанской улице по переулку им перешла дорогу Ключева. Подкорытов окликнул ее:

— Анна Викентьевна, можно вас на минуточку?

Та остановилась и стала разглядывать Янсена.

— Я слушаю.

— Сказывают, когда звонил Агафангел, то вы стояли около попа Мазура. Чего он кричал?

— Я, уважаемый Дмитрий Егорыч, не псаломщик, чтобы в людском гвалте различать отдельные голоса. Право не знаю... не разобрала.

— Интересно совпадение фамилий,— уставился Янсен острыми глазами на Ключеву.— У нас на деревне когда-то был священник с такой же вот фамилией — Мазур.— Тут он заметил, как Анна Викентьевна вдрогнула. — Но его убили...

— Извините, меня уборщица Аннушка кличет,— заторопилась Ключева.

Янсен покачал головой.

— А говорите, что слух у вас плохой.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Еще далеко до заката над комсомольским клубом имени Карла Либкнехта на длинном шесте затрепыхался красный ситцевый флаг, созывая народ на сельский сход. По Партизанской улице потянулись мильковчане к длинной веселой избе.

После отъезда на Большую землю молодежного вожака Володи Подкорытова комсомольцы Милькова, Кырганика и Верхнего навозили из Едомы на нартах березового леса и сделали к клубу пристройку. И до того длинное строение, теперь вытянулось еще вдвое. Когда Нила Плотникова осмеяли со сцены за скопидомство:

Бык у Нила злой и жмот,

Так, задаром не скакнет... —

тот обиделся и в отместку прозвал клуб «избой-кишкой», и это название укрепилось.

Однажды из Козыревска приехал в Мильково художник-самоучка. Его попросили нарисовать плакаты. И с той поры со стен клуба складно кричало:

«Даем наказ тебе — чистоту держи в избе!»

«За селом держи собак прилежней — будет меньше грязи и болезней».

Был нарисован и пролетарский кулак с надписью: «Лорду в морду!»

Многие из сельчан, проходя около клуба, заглядывали туда ради любопытства — посмотреть необычные «картинки».

Сегодня клуб наполнялся людьми густо. Стоял гомон. Раздавались голоса:

— Иди сюда поближе, сват, побаим!

— Кум, у те лемешинка есть?

— Дева-мацька, к нам, к нам!

— Куда, Дорка, приклеился? Мое тут-ка место, ступай наперед к своим касамольцам!

— Я комсомольцем был да сплыл.

Пожилые охотники с Андреем Бобряковым да с Гаврилой Мальцевым устроились у печки — есть куда высосанную лемешину выплевывать. Бабы с Антонидой заняли углы — им непривычно сидеть среди мужичьего общества. Красноармейцы встали вдоль стен, чтобы не занимать скамейки.

В избу-кишку степенно вошли «крепкие мужики» во главе с Нилом Плотниковым и Илларием Потаповым. Они огляделись, вежливо поздоровались и шуткой согнали с первого ряда комсомольцев:

— Рано еще вам перед нами спинами торчать. Старших требуется уважать, товарищи касамольцы!

И сами накрепко уселись на первые скамейки.

Дмитрий Подкорытов объявил:

— Граждане, сейчас перед вами выступит с докладом о новой жизни на Камчатке командир Янсен.

— Товарищи, — начал Янсен, — я буду говорить, а вы мне встречно задавайте вопросы. Согласны?

— Говори, — согласились на первых рядах.

И тут отворилась дверь, и в клуб ворвался грохот бубна. Подкорытов поднялся из-за стола и произнес взволнованно:

— Товарищи, нас пришли приветствовать юные коммунары!

Ребятишки в белых рубашках, в красных галстуках выстроились вдоль сцены. Родители глазели на своих детей, не узнавая их. Подтянутые, послушные голосу вожатой Ули, они замерли в ровном строю.

— Как пограничники! — вслух отметил Гаврила и

горделиво добавил: — Моя племянница командует.

— Одинаковую одежонку раздобыли! — подметил Андрей Бобряков. — Красиво получилось.

Пионервожатая волновалась: она их вывела впервые. Перед этим ребяташки наловили капканчиками мышей и шкурки сдали в заготпушнину. Их отоварили сатином и полотном. А комсомолки сшили пионерскую одежду. Глядит на народ Уля, беспокоится: «Как примут?»

Колюшка Плотников первым смело шагнул вперед и пронзительно прокричал в притихший зал:

По тундре, тайге и по спинам горным

Вы проложили свой первый след.

Вам, пограничникам, смелым дозорным,

Все пионеры вскинули руки над головой и разом закончили:

Наш пионерский камчатский привет!

На сцене и в зале захлопали в ладоши. А тут с улицы вбежали дети с букетами в руках и начали подносить их красноармейцам и добровольцам отряда. Впервые на селе такое. Торжественно. Непривычно.

Колюшка встал в строй, а вперед выдвинулся Котька Карпухин. Он бойко выкрикнул:

Жизнь будет у нас еще светлее,

Когда свалим с плеч богатея.

Илларий Потапов наклонил голову через брюхо и опалил парнишку шепотом:

— В штанишки, паря, не накладывай!

Один за другим вспыхивали над чутким залом задорные детские голоса, заставляя волноваться родителей, которые никак не ожидали от своих сорванцов, что они будут послушны тихоне Уле, и не могли понять, как это они научились так складно кричать. Даже Федька Дедов и тот заверяет:

Мучил кошек, бил собак —

Настоящий был босяк.

А теперь вы мне поверьте —

Настоящий пионер я!

Отговорив свое, пионеры разом повернулись к двери и под бубенный грохот и одобрительный гул публики стали выходить из клуба. Янсен, глядя им вслед, произнес:

— Замечательно! Еще один ответ на вопрос, где наше будущее. Вот оно! — Янсен откашлялся. — Товарищи! Всякая революция лишь тогда чего-нибудь сто-

ит,— говорил наш вождь и учитель Владимир Ильич Ленин,— если она умеет защищаться. Как только установилась Советская власть на Камчатке, в Петропавловск прибыл из Владивостока на пароходе «Ольга» отдельный дивизион войск ОГПУ для несения пограничной службы. Как раз по прибытии нас грабители приготовили «подарочек»: в городе были украдены триста шкурок соболя на двадцать тысяч рублей.

— Ого-го! — воскликнул Гаврила Мальцев.— Ну и как вы?

— Через неделю преступники были пойманы.

— О-о-о!

— С нами идут добровольцы, и в первой же проходке по долине они показали себя настоящими бойцами и активистами. Многие из них сейчас на репетиции, готовятся к выступлению. Ну, если что непонятно, задавайте вопросы.

— Много непонятного,— за всех ответил Нил Плотников.— У крестьян да и вообще у всех камчадалов поневоле возник вопрос.— Сделал многозначительную паузу. Зал насторожился. ИллариЙ достал прошку, сунул в нос и чихнул.

— Какой вопрос? — не вытерпел Янсен.

— А такой: у нас на Камчатке раньше для камчадалов никаких налогов не существовало. Так я, люди, говорю?

— Та-ак! — ответили неровно с разных сторон.

— Слышите? Не вру. А теперь пошто-та решили обкладывать. Ответьте.

— Три года хозяйничали на Камчатке белобандиты, они увезли с собой много пушнины, увели все суда. Здесь без всякого контроля работали иностранцы: вылавливали рыбу, опустошая реки; собирали горы пушнины, опустошая леса. А рассчитывались с населением гнилым товаром да спиртом. Трудно нам, товарищи. Куда ни кинь взгляд — везде нужда сидит с протянутой рукой: того дай, другого дай. А где сразу-то все возьмешь? Вот поневоле и встал вопрос перед новой властью о сборе продналога. Товарищи, не шумите... Половина полученных сумм правительство оставляет на месте на покрытие ваших нужд; остальное идет на содержание Красной Армии и на общественно-государственные нужды. Считайте, каждая копейка есть бревнышко для постройки разрушенного хозяйства.

— Мы его не разрушали,— засуетился на скамейке Полуэкт,— а копеечку тоже жалко: даром не дается. Не платили мы раньше ни копеечки!

— Так-так,— повысил голос Янсен.— А что, по-твоему, с камчадалов царское правительство не брало ни «копеечки» податей? Ну-ка ответь нам.— Он вытер белым платочком вспотевший лоб и острым взглядом проткнул струхнувшего Полуэкта. (Тот после рассказывал, что у него после этого два дня глаза болели, мол, нечеловеческий у «соколика» взгляд).— Видите ли — не платили,— наседали на Полуэкта,— а давали тебе даром: и губернатора Мономахова, к слову сказать, который удрал с ясачной пушниной, и уездного начальника Леха, и попа-авантюриста Астапчука с прислугой, и разных там чиновников-хапуг, одним словом, полный позолоченный набор царских слуг. А те старались: ясак с коренных жителей в руках с плетью собирали, себе подушный налог и дорогие подарочки через старосту принимали. Как же им не стараться в свое удовольствие? Грабили население, ограждали Камчатку от просвещения и вообще от культурного развития. Ведь недаром удравший с награбленным мехом губернатор Мономахов докладывал царю, что народ камчадальский грамоте не способен и что на Камчатке газет, слава богу, нет... Ты говоришь, не разрушал?..

— Ладно уж человека-то косить. Не со зла он — по недоразумению высказался,— вступился за брата Илларию.— Не кипятитесь. Вы нам лучше ответьте: как-то продналог-от мы не поровну платим.

— Как?

— А так,— ответил Илларию,— одни платят больше, другие — меньше. Где же оно, равенство, — коммунизма-то?

Вопрос пришелся по душе впереди сидящим, и они широко заулыбались, зашевелились.

Докладчик нервно почесал наморщенный лоб.

— Попробуем разобраться. Раньше бывало так: кто побогаче был — платил мало, кто победнее — платил много. Так ведь? Нехорошо получалось. Наш новый закон учитывает не только имущество и доход, но и самый способ жизни плательщика. Так вот.

— Значит, лодырь пошел на поощрение? — засмеялся Илларию.— Наш каюр старается держать упряжку

ровной, чтобы путаницы не было. Ленивых собак вообще изгоняют из упряжки!

— Ты, Илларий, не путай людей с собаками,— вскочил Подкорытов.— Все ты понимаешь, только тебе хочется народ с толку сбить да всем свою волю навязать. Ты каюрскую повинность не нес, чиновников по чужим квартирам на дармовое пропитание подсовывал, у хребтов на охоте не мерз, на церковных сенокосах горбушой-косой не махал. Не трудился, а богател. За счет чего? А?

Ему ответил Нил:

— Дмитрий, ты нас позвал на сход не ради того, чтобы оскорблять друг друга, а задавать командиру и вам, представителям власти, интересующие нас, граждан Милькова, вопросы. А если будешь затыкать нам рот, то и нечего тут делать,— встал он.— Не след тебе такое говорить на сходе.

— Я, Нил, не оскорбляю Иллария. Зачем же бедных обзывать лентяями? Не от лени они стали бедняками— сам понимаешь. Им сейчас бы объединить разрозненные силы в одну большую артель. Вот об этом и наметили разговор вести.

— Что-то новенькое...

— Теперь, Нил, все новенькое,— вставил слово Исай Дедов.— И все же Иллария надо властям прижать, чтобы нас с собаками не сравнивал! Хватит ему за старенькое хвататься!

— Продолжайте,— попросил Дмитрий Янсена.

— Конечно, в Мильково больше половины семей живет крепко, это видно по хозяйствам. Да и вообще у вас рыбалка под боком, скот сытый, подсобные огороды всегда от голода спасут, охотничьи уголья богаты зверьем; оттого всегда лучшие товары в долину идут. Есть чего вам на отоваривание сдать, есть чего вам и на стол поставить...

— Так ничего не дается, как вы думаете, уважаемый нацальник! — перебил его тоненький голосок купца Коршунова.— Илларий тут-ка прав. Кажется, Ленин сказал: «Кто не работает — тот не ест».

— Ты-та много работаешь? — подскочил Исай Дедов.— Перекупаешь товары да нас надуваешь!

— А ты чего не возьмешься торговать?

— Хе, я неграмотный.

— Ну тогда и помалкивай!

Янсен наморщил лоб.

— Вы меня не поняли, товарищи. Я хотел дальше сказать, что у вас тут жизнь более обеспеченна, чем у соседей — оленных людей, ламутов. Помочь бы им. Обмен кое-чем сделать. У них есть оленина, шкуры. Вам, поди, для одежды нужны шкуры?.. Обоз бы им направить, а?

— Дорога туда трудная, больше расходу сделаешь для себя, чем прибыли. Собак в горах загубишь, — ответил Нил Плотников. — Оленей мы бьем диких, они нам за так и мясо и шкуры вдоволь дают. Чистая выгода. А насчет обмена — ламуты с обменом к нам сами приезжают.

— К тебе одному, — не унимался Исай Дедов.

— Простите, как вас по имени-отчеству? — спросил Янсен Нила.

— Нил Данилыч, — приосанился Плотников.

— А вы разборчивый человек, Нил Данилыч!

— Безразборчиво жить — можно все ухайдокать.

По клубу прошел одобрительный шумок.

— К примеру скажу: в огороде баба не прополет сорную траву — овощ ухайдокает; мужик с улицы от снега торбаса не очистит — ухайдокает, опреют они. Да все можно ухайдокать: дом, бат, запоры, сенокос, жену... Не защити рыбу в Устьях — жизнь в долине может ухайдокаться.

— Этого мы не допустим! Но не дадим и вам жить по старинке. Жизнь в новую колею направим. Надо нам разобраться, почему одни живут бедно, а другие богато, как одни других, по-вашему, ухайдокивают.

— Конечно, конечно, товарищ командир! Вы от власти, а известно: власть — это сила, ей можно подчинить любого. Мы, как под ветром тальники: в какую сторону ветер, туда и кланяемся. Отучить от старого вы сможете, об этом и говорить не стоит. А научить нас жить по-новому вы сможете? Ясно, как божий день: завтра вы уйдете. Кто же будет показывать нам, как жить по-новому? Я знаю: учений очень много, но все они на бумаге или в разглагольствованих. К примеру...

— Вы политик?

— Упаси господи! Ошиблись. Я — аграрий. Это вон Николай Колесов политик. Он у нас тут первый коммунист на селе завелся, говорит богато, живет — бедно. Ты помолчи, помолчи, Николай, не встревай раньше вре-

мени. Когда мне что-то будет непонятным, я тебе задам вопрос. Так ведь договорились? Так вот: еще пращур мой был прогрессистом, его сюда сослала Екатерина Вторая. Прибыл он с группой крестьян из Сибири, учил их огородничеству, землеройству на дикой земле. Теперь все понимают: огород — добрая пособка рыбаку-охотнику. Когда-то у жителей Камчатки на столе стояла гольная рыба, а вот прилежно отнеслись к землематушке, и к рыбке картошечка поставлена. Картошка, считай, половина всего продукта. Без нее немислимо жить. Это, сказывают, на Большой земле буйствовали против картошки. А тут не буйствовали, знай, растили да за обе щеки уплетали. Пращур хорошую память о себе оставил, вон на угоре еще видны следы его пашен. Анисовая пашня, которой по сей день пользуемся всем селом, его, пращура моего. С огородом мы всегда сыты.

— Не всегда, Нил Данилыч! Не всегда,— возразил Дмитрий Подкорытов.— При заморозках, бывало, бедствовали. Конечно, ваша семья всегда жила с картошкой, на ней вы богатели.

— Пстой, Дмитрий! — поднял руку с растопыренной пятерней Нил.— Ты в святые не лезь. Я картошку в яму всегда влишке закладываю. Хлопнет по огороду заморозок — мне не страшно. Да и заморозок никогда меня врасплох не заставал, я его от огорода по ночам дымком отгонял. В неурод вас семенами снабжаю. Придете с просьбой — не оставлю ближнего в беде, всегда помогу.

— Помогаешь! — едко поддакнул Дмитрий.— После вдвойне взыщешь.

— Это по-божески, по-божески. Затраты, уважаемый, надо оправдывать.— Нил поднял палец.— Да ты-та знаешь ли, что такое хозяйство? Молчишь!

Раздался резкий голос возмущенного Андрея Бобрякова:

— Встали друг перед другом и орете. Опосля доругаетесь.

На первом ряду примолкли. Андрея Акиндиновича все уважали. Он зря голос никогда не повысит. Видно, вывели его из терпения.

Янсен улыбнулся, подтолкнул локтем Подкорытова. Тот направил свой взгляд на задние ряды — к охотникам.

— Я думаю вот о чем: надо нам заводить коллек-

тивное хозяйство: затевать большой огород, делать вместительную хранильную яму под семена...

Бабы обрадовались, зашумели. Они знают, чего стоит работа на огороде в одиночку. Мужики задумались. Они знают: отдаться огороду — значит рыбалку запустить. А без рыбы — голод.

Неохотно поднялся Андрей Бобряков.

— Земля дернистая да кустарником поросла. Чистых полей нету поблизости. Много ли лопатками накопаешь? Проваландаешься с землеройством — рыбалку с охотой запустишь, — заметил он.

— Об этом-то, Андрей Акиндиныч, с нами и хотел поговорить беседчик. Бабы, пожалуйста, потише там.

«Крепкие мужики» достали черные кожаные карты с мелкой махоркой-прошкой и, угостив друг друга, пошли чихать на разные манеры, сопровождая каждый чих возгласами: «Будь здоров!».

Янсен терпеливо переждал чихание, затем достал из планшета бумажку, видимо на ней была записана какая-то памятка, посмотрел и начал говорить:

— Товарищи, настала пора коллективных хозяйств, и мне, как очевидцу такого хозяйства, хочется поделиться своими впечатлениями, высказать свое соображение. Недавно на Хуторе, подле Николаевки, уволенные в запас красноармейцы-пограничники организовали первое на Камчатке коллективное хозяйство и назвали его колхозом имени Шестнадцатого партсъезда. Это добровольное объединение! Пограничники не поехали домой на материк, остались тут, на Камчатке, чтобы показать пример в строительстве новой крестьянской жизни. Добровольно влились в единую семью, в колхоз!

— Видишь, куда заехала! Вот она, те сами, а нас — силой! — осклабился в усмешке Полуэкт. — Силой думаете туда запихать?.. Глаз... замажь... — и трижды махнул рукой. — Так жили, эдак живем и будем по-своему жить!

— Полуэкт, не дундонь! — поднял голос Подкорытов. — Никто тебя туда не тащит. Сначала дослушай, потом говори.

— Бывшие красноармейцы, — продолжал Янсен, — или, как их сейчас называют, колхозники, обществом строят себе дома, закупили сообща семена. Об их примере узнали наши моряки. В Балтиморе, американском порту, они сговорились на свои личные деньги купить

нашим первым колхозникам что-нибудь памятное, сделать хороший подарок, трактор «Фордзон»! Понимаете?

— Это чей-то? — раздался недоуменный возглас.

— Как вам пояснить... Такая машина, за которую можно подцепить плуг, нет—даже два, три и пахать!

— Какой плуг? — с интересом спросил Андрей Бобряков.— Нам, старикам, пояснее бы?

— Подобие сохи. Во множество раз лучше сохи. Он железный, с таким блестящим отвалом.

Янсен разгладил вытащенную из планшета бумагу и прочитал:

«Вы, члены единой трудовой семьи, собранные со всех уголков Союза, здесь, на далекой окраине, помогаете строить новый крестьянский быт — коллективное хозяйство. Желая помочь вам в вашей трудовой работе, передаем вам приобретенный нами в Америке на наши трудовые сбережения трактор. Пусть этот скромный и нужный подарок послужит залогом того, что рабочий класс Советского Союза под руководством ВКП(б) идет рука об руку с беднейшим крестьянством и помогает строить новую, светлую, нерабскую жизнь»,—Янсен положил бумагу в планшетку и достал другую.— Видите, товарищи, с каким замечательным зачином началась коллективизация сельского хозяйства на Камчатке!

Открылась дверь, и в клуб вошли трое неразлучных друзей: Акиндин, Михаил и Палька. Молча встали у стенки возле красноармейцев. Они только что вернулись с летника и, узнав о приходе пограничного отряда, направились прямо в клуб.

Гаврила поманил пальцем квартиранта:

— Иди сюда, мы потеснимся.

— А вот как ответили морякам первые колхозники,—помахал бумажкой Янсен,—слушайте: «Вы принесли подарок первому красноармейскому колхозу на Камчатке в тот момент, когда наш колхоз в нем имеет острую нужду... Мы все как один заверяем, что никакие трудности не смогут поколебать нас в строительстве социализма».—Он вопросительно посмотрел на охотников.—Пора бы в долине начать коллективизацию? Как вы на это смотрите, товарищи крестьяне?

Тишина.

— Молчите? А вами давно доказано, что овощи родятся на Камчатке, и родятся хорошо. Так зачем тогда, спрашивается, завозить издалека порченые продукты? И

опять вопрос: крохотные у вас хозяйства. Нужна коллективизация. Не мешало бы в долине сделать опыты с выращиванием хлебного зерна! Что вы, товарищи, скажете об этом?

Аркадий Плотников, явно подражая Янсену, достал из папки бумагу, посмотрел на нее и встал.

— Мы, комсомольцы, с несоюзной молодежью уже несколько лет ведем опыты на своем приклубном огороде. Можете посмотреть и убедиться. Сеем пшеницу, ячмень, овес, и все вызревает. Картошку, если взять из расчета по площади, то мы получаем больше, чем Нил Плотников.

— Слушай, Аркадий, не смеши, ради бога, людей! — подал голос Илларий Потапов. — Твой огород меньше, чем загон для коров. Насчет выращивания всякой всячины вставляю слово: вон Александр Карпухин умудрился яблоню да всякую материковскую дереву с ягодой возле дома растить, так он и нянчится с ними, как баба с лялькой. Александра не охотится, не рыбачит — за деньги телеграфную линию стережет. Столбы без ног — не убегут... Не мешай, Карпухин, о другом хочу предупредить. Если мужики за бабий огород возьмутся — конец охоте и рыбалке! Пстой, Карпухин...

— Ты меня, Илларий, не задевай! — прорвалось у Карпухина. — Повластвовал — и хватит! Правильно военный человек говорит: пора по-новому жить нам.

— Гляди, выискался учитель!

— Ты говоришь, столбы не убегут. А вот проволока убежала. И знаю, для чего украли.

— Для чего?

— Петли на медведя из нее делать! Это же варварство!

— Знаю только, что камчадал на такое не способен. Выдумываешь, Александра. Не оскорбляй!

— Не выдумываю. На старших вину не кладу, но молодежь может...

— Верно говоришь! — слышался возмущенный голос Андрея Бобрякова. — Вчера с Гаврилой Викентьевичем видели на Антоновке, в бату одном была проволока. Еще дамочка одна прокричала этому батовщику, чтобы он возвращался с медвежатиной. Твой касамолец, Аркашка!

— Кто? Скажите, мы его накажем.

— Нет уж. Мы с ним по-стариковски поговорим, по старинке накажем.

Аркадий испугался за своего товарища. Ребятам иногда на охоте старшие в поучение рассказывали не так уж давнишнюю историю, приключившуюся с Пантюшкой.

Для размножения зверья мильковчане заповедали в Валагинском хребте благодатное охотничье угодье. Никто его не охранял, но изредка наведывался нарочный от общества. Охотники строго соблюдали неписаный закон. Но как-то староста заметил, что в лавку американского купца зачастил непутевый Пантюшка. Дознался. Оказывается, тот приносил в обмен на товары богатую пушнину. Решили проверить. И Пантюшку уличили в злостном нарушении вековой традиции. Собрался сход, а виновник не явился. Не было его и дома. Ушел Пантюшка в горы. Тогда сход решил поймать его и при народе высечь, чтобы другим неповадно было. Лет пять беглеца не встречали. И однажды охотники наткнулись на его стоянку у горячих ключей. Пантюшку трудно было узнать: своим обликом и одеждой он походил на лесное привидение, но был во здравии и силе. Завидев людей, он скрылся.

Андрей Бобряков кивнул Карпухину:

— Продолжай, Александра.

— Медведь в петле звереет, опасен. Не дай бог, порвет петлю — бед немало натворит. Да и корова может попасться.

— Верна, Александра! — подпрыгнул Палька. — Кабалан, по-вашему медведь, помнит долго, ой долго, кто его ранил. Потом со смертью придет к обидчику, так говорил Бурбак-шаман, станет возле юрты караулить.

— Вот, Палька, кабалан-медведь тебя и станет караулить, — пугнул парня Виктор Михайлов.

— Ай-ай! Я плохо не делал!

— Кто же допоздна по речкам шатается?

— Виктор Анисимович, так не шути! — заступился за друга Михаил. — Сам на себя посмотри!

— Смотрю, паря, зеркало купил.

— Перестаньте там грызться! — брякнул колокольчиком Подкорытов. — Говори, Карпухин.

Карпухин недовольно посмотрел сначала на Пальку, потом на Виктора.

— Эти со своим спором мне мысля оборвали. Дель.

ное вы, Дмитрий, надумали. Правильно сегодня докладчик говорил: вперед требуется смотреть. Теперь ты меня, Иллари́й, не перебивай. Я видел паровоз, а ты — нет!

— Хорошо ты стал видеть, дальнотзорный какой! — хмыкнул Иллари́й.

— Да, был слепым, как твоя сука Сунька, которую ты Пинигину сплавил за двух здоровых кобелей. Ряби́ков, спасибо ему, покойничку, научил меня, как зрячим стать. Товарищ командир, возьмите в дорогу моего сына Кешку, пусть он на Хуторе у колхозников поучится на диковинной машине ездить. Полезная она, наверняка.

— Так-так, верно подметил, товарищ! Трактор используется и на поле, и на лесопилке, и помогает он новые дома строить. Очень полезная машина в сельском хозяйстве. Насчет сына вы правильно делаете — возьмем! — Поймав глазами Нила Плотникова, Янсен кивнул ему. — Хороший подан пример! Отстаёте от земляков, уважаемый «аграрий».

— Извините, на словесах — да, пока отстаю, — обидчиво произнес ему в ответ Нил. — От имени прогрессивных кругов населения должен сказать: мы будем участвовать в передовых идеях развития землеройства, но надо сначала посмотреть жизнь хозяйств на Большой земле, воочию убедиться в их выгоде, дабы не обмишуриться. Да жаль, туда можно добраться лишь на пароходе, а эта штука, как известно вам, ходит на Камчатку один раз в год. Канительная история.

— Действительно, мы с вами тянем канитель... Коль речь зашла о пароходах, скажу: пароход, на котором привезли трактор, назвали по-камчатски — «Орочон»!

— Это я! Я! — обрадовался Палька.

— Чего ты? — дернул его за подол рубахи Гаврила. — Говори, чего — «я»?

— Я! Я — ороч, орочон. Так мы зовем себя, мы — ламуты. Ороч — это олень! Вот!

— Правильно! — кивнул парню в знак согласия Янсен. — В честь твоего народа и был назван моряками закупленный пароход.

— Ы-о! Верна! — дернул Палька Гаврилову бороду. — Совсем незнающий ты!

— Сядь, не мельтеши! — хлопнул Гаврила парня ладошкой по задку. — Без тебя знают люди, кого как называть!

Охотники засмеялись. А Палька, польщенный вниманием самого командира, горделиво сел на место, выпятив грудь, на которой блестел МОПРовский значок.

Янсен продолжил:

— Пароход «Орочон» будет все время курсировать от Владивостока до Петропавловска. Об этом сказал капитан судна, товарищ Ушаков.

Зал притих. Встал Николай Колесов.

— Я хочу, чтобы мои земляки вперед смело глядели. Наш народ пока — темнота.

— Не чернее тебя! — кто-то негромко съязвил из первых рядов.

— Пора нашим головам просветлеть. Вон даже священнослужители подают рапорты о снятии сана.

— Кто? — удивленно выкрикнул Гаврила Мальцев.

— Да хотя бы петропавловский священник Архангельский.

— Еще кто?

— Священник из Толбачика — Минаев, — дополнил Янсен. — Он отказался от духовного звания. А знаете почему?

— Знаем, — тонко засмеялся Коршунов. — Под вашим ружьем «Отче наш» не запоешь.

— Напрасно вы клеветеете, — посуровел Янсен. (Коршунов скорчился на скамейке и его не стало видно за чужими спинами.) — Многие начинают понимать и среди церковников, где правда. Но есть и такие: во дворе викария работники ГПУ откопали мешки с народными денежками. Черная братия Меркулова втихомолку в свое время их зажилила... А здешний проходимец Астапчук-Утонов? Приют в церкви нашел, в лесу банду против Советов собрал. Рудов, — крикнул Янсен в сторону красноармейцев, — приведите пойманного бандита, того, бородатого!

Рудов с двумя красноармейцами вышел из клуба.

— То-то вижу: знакомое лицо, а сразу признать не смог, — удивился Подкорытов. — И все старается за спины других схорониться, спрятаться от нашего глаза.

— А что, это Утонов? — теперь удивился Янсен.

— Он, кажется? Ну да, он!

Зал ожил. Весело заговорили. Стали приглашать красноармейцев сесть на скамейки. А ИллариЙ достал часы «Павел Буре», посмотрел на них, постучал большим ногтем по крышке. Янсен заметил и стал говорить:

— Видите, граждане? Вон где ваши враги. Здесь такие бандиты зазря не станут околачиваться. Приведут — полюбуйтесь красавчиком да поспрашивайте, чем он занимается?.. Мы, товарищи, сегодня говорили о коллективном хозяйстве как о новой форме, необходимой крестьянину. Давайте, мильковчане, делайте почин в долине. Это вам необходимо. Я уполномочен довести до вашего сведения, что охота на соболя закроется лет на пять...

Тут зал встревожился. Заработал, словно вулкан.

— Как закроется?

— Да вы там в уме ли?

— Говорил, говорил — и обрадовал!

— Без соболя нам погибель!

— Неправильно это! Ишь глаз... замажь...

Гаврила глянул на друга, с сокрушением покачал головой.

Андрей Бобряков встал.

— Рвется, Викентьич, наша веревочка. Идем.

Тут дверь в клуб отворилась, и голос Рудова ударил, как выстрел:

— Товарищ командир! Арестант бежал!

Шум смолк.

ТЕНЕТА

Солнышко хитро подмигнуло мильковчанам и нырнуло с Черной сопки в падь, расплескав по небу малиновые брызги заката. Закурились крестьянские избы. Закучерявилась печная труба и над школьной пристройкой. Это затопила печку директорша Анна Викентьевна.

В дверь, соединяющую пристройку с коридором школы, коротко постучали.

— Входи, входи, дорогая Аннушка.

Директорша, пригнувшись, тихонько открыла дверь. На нее глянуло довольное круглое лицо уборщицы Аннушки, оно походило на вытащенную из духовки пареную репу-маслянку.

— Ох и накухарничалась! Куда варенье поставить?

— А вот в сени, дорогуша, на табуретку.

Уборщица, разомлевшая от печной жары, обтерла рукавом тающее лицо, обернула тряпкой руки, тяжело подняла ведерный луженый таз со свежим вареньем из

жимолости и, неловко переставляя короткие ноги, поковыляла в сени.

— Вы уж осторожнее с ним, Викентьевна, не забудьте — сразу с плиты принесла. Пряники поставила в кабинете на стол остывать. Печка в классе еще не прогрела, дак надо поглядывать.

— Спасибо, родная. Спасибо, Аннушка. Не держу больше — идите домой. За печкой сама посмотрю. Как выйдете, то не вешайте замок на двери, я изнутри закрою.

— Варенье удалось густое, запашистое. Кушайте на здоровье. Пойду домой, огород меня ожидает — пырейник овощ заглушил.

— Иди, иди, матушка.

Проводив уборщицу, директорша принесла пряники и взялась хлопотать у печки. Случайно она взглянула в затемненный угол комнаты и застыла в изумлении. Там под потолком ходил крупный мизгирь — паук-крестовик — и плел паутину.

На крыльце по закрытым на крючок дверям кто-то мелко постучал. Анна Викентьевна насторожилась, но открывать не пошла. Обождала. Стук повторился, но теперь уже беспокойно и настырно. Она взяла книгу и села у окна. На высокой завалинке затрещали доски. К стеклу приклеилось жирное лицо попа Мазура. Он стоял на корячках и что-то шептал ей толстыми губами. Резко махнув ему рукой, директорша вышла в сени и отбросила крючок. Поп скатился с завалинки и грузно вошел в комнату.

— Не завалинка у вас — гора.

— Отъелся, боров!

— Года-годики катятся, Анна Викентьевна, они даром не проходят, на тело ложатся.

— На тело? Хм. Шевелиться надо тебе, кабан! Что там? Да быстрее.

— Дайте отдышаться. — Мазур осторожно присел на табуретку, но жгучий взгляд Ключевой вмиг поставил его на ноги.

Батюшка плаксиво известил:

— С радостной вестью, Анна Викентьевна. Торжествуем: нашего-то Утонова посадили...

— Как? Да ты еще смеешь!..

— Посадили острошапочные, но он сбежал!

— Ох! Как только твои проповеди слушают прихожане? Дальше!

— Заперли нашего в избе... А изба — его, старая. С ним были еще двое лесных братьев, но ненадежные — так он о них отозвался. Утонов-то им говорит: «Братцы, спущусь в подполье по нужде, кстати, мои друзья, может, какую-нибудь едешку там упромыслию». Спустился, а там у него потайной лаз.

— Чего красной девкой расцвел?

— Как тут не возрадоваться? На глазах охраны исчез, как дым!

— Где он?

— У меня в картофельной яме отсиживается до темноты.

— Не найдут?

— Там трава густая да высокая — полынь с крапивой. Ямы совсем не видно. На всякий случай сверху старые дрова набросал. Не найдут сто лет — будьте спокойны. Они дураки.

— Сам ты дурак. А что догадался — молодец, — по добрела Ключева.

Отец Мазур легко вздохнул и сладко потянул носом:

— Хорошо у вас пахнет в доме, благовонно. У меня с утра во рту — ни росиночки.

— Не отощaeшь. Успеешь еще... Байки разводить некогда. Слушай!

— Весь на слуху, Анна Викентьевна.

— Передай ему: Советы думают на пять лет закрыть охоту на соболей, об этом сегодня проболтались в волревкоме. Так пускай лесные братья бьют соболей и плохие шкурки подсовывают неугодникам нашим. Попадутся с ними — нам на руку. И еще: пусть у охотников перекупают пушнину и контрабандой вывозят на восточный берег.

— Все?

— Нет, батюшка. Где схоронил ты наше церковное добро? Что-то не оповещаешь. Аль некогда? Или душка какая? — ее наигранный голос вдруг звякнул медью. — Зачем тайком вывез из лесу?

— Не сердитесь, пожалуйста. Отвечу с превеликой правдой.

— Говори!

— Как на духу говорю, — перекрестился поп. — Нашу-

пали его там офицеры, да и знала наша братия ненадежная. Пришлось...

— Знаю.

— А теперича лежит надежно.

— Не юли, наглец, у меня нет времени выслушивать болтовню...— цыкнула Ключева.

— В церкви они, в святой. Вот крест! — огородился от нее поп дрожащими руками.— Близь клироса под престолом дверка имеется, дак если ее открыть — будет под полом большой рубленый склеп. Сбоку, на восток, в стенке под плахами заделана вторая дверца. Ежели сорвать боковые плахи, они березовые, а весь склеп лиственничный, потом отвалить дерно — покажется дверца на внутренних замках. Открыть ее — там потайничок.

— Ключи...

— Вот они. Мать наша, заступница, не оставляйте меня тут. Я — с вами... Есть еще в лесу камчадалские реликвии. Не покидайте, ради бога, завтра вам все добро отдам.

Анна Викентьевна вышла в сени и быстро вернулась. Мазур приложил руки к груди.

— Не покидайте...

— Не ной, никто тебя не собирается покидать, и выбрось из головы дурную мысль. Ты нужен нам всегда. Я должна была знать, где спрятаны наши ценности и надежно ли. Кто знает про тот склеп?

— Господи, кому же, кроме вас, мне тайну открывать? Про склеп, конечно, знает Агафангел, но тайника он не найдет — я по ночам его копал и хорошо заделал потом.

— Ну вот и молодец!

Отец Мазур опять легко вздохнул и сладко потянул носом.

— Мастерница вы, мать-заступница, на всякую сладость. Дай бог вам ядреного здоровьица на нашу братскую радость... Бывало в ребячестве мать сварит такое же варенье или испечет такие же пряники, какие сейчас у вас... Оставит в сенях варенье, а я тут как тут! Присяду около варенья и гляжу на морщинистую поверхность. И мерещится она мне первозданной землей: где-то рядом господь бог отдыхает после праведных трудов. Я дышу не надышусь, запахи варенья щекочут ноздри, дразнят желудок. Эх, мать...

— Мать? Ты ее в гроб своим распутством загнал. Брата священника прикончил и документы спер... Иди. Он ждет тебя.

— Как ждет? — бросил испуганный взгляд Мазур.

— Да не бойся, антихрист, не твой брат, Утонов, — отвернувшись к окну Ключева, устремив задумчивый взор на Валагинский хребет.

Мазур вышел в сени, глубоко вздохнул и трусливо оглянулся на дверь. Затем вытянул вперед руку с распрямленными двумя пальцами, словно он хотел осенить себя двуперстием, по-староверски, но, видимо передумав, собрал все пальцы в ладошку-черпалку и гребанул из таза пахучее варенье. Нестерпимая боль искорежила его лицо. Он ойкнул.

— Что там? — донесся голос Ключевой.

Мазур от страха скувыркнулся с крыльца, и, словно подранок, вертанулся несколько раз на месте, и, беспрестанно махая обожженной рукой, неровной трусцой побежал к дому.

Обиталище директорши имеет два окна: одно глядит на школьный двор, другое — на реку Антоновку, с видом на Валагинский хребет. Обычно Анна Викентьевна в вечерние часы присаживается у второго окна и, глядя на ярко вычерченные предзакатные горы, тешится сладкой мечтой. В этот вечер она села поздновато, когда гранитная стена хребта стала сливаться с наступающей темнотой, и ее пугнула холодная мысль: «А что если никогда не удастся выбраться за хребет, за океан? Вся эсеровская верхушка давным-давно уже эмигрировала за границу. А мелочь тает и тает...».

— Нет, — упорно шепчут ее натянутые губы. — Выберусь, скоро. Деньги требуются туда, без них — нищета. Дела, творимые в борьбе, нужны — тогда примут со славушкой. О, будет расплата за годы, загубленные в ссылках!..

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

В веселой избе на сцене при тусклом свете двух керосиновых ламп разыгрывалась театрализованная картинка. За столиком сидел красноармеец, переодетый в поповскую одежду. Вместо бороды у него торчала банная мочалка. Он усиленно скреб в затылке и беспре-

станно ерзал на табуретке, стараясь рассмешить публику. Но та угрожающе молчала. «Священник» разводил руками:

— Куда же мне приписать пропитые прихожанские деньжонки? На ремонт росписи в церкви святой? — Он сбегал за кулисы и притащил большую амбарную книгу. — Сделал новый глаз разбойнику на кресте и расширил ему пальцы — 30 рублей. Раз! — записал он в книгу. — Обновил Понтия Пилата — 30 рублей. Два! Небеса увеличил и прибавил несколько звезд — 15 рублей. Три! Исправил огни ада, а дьяволу сделал лицо злее — 15 рублей — четыре! Высеребрил Иуде 30 серебрянников — 40 рублей — пять! Конец мира продлил, который весьма короток, — 15 рублей — шесть! Итого... — стал он подсчитывать.

Андрей Бобряков с Гаврилой Мальцевым поднялись со скамеек и направились к выходу. Лица их были мрачными и недовольными.

Гаврила обратился к другу:

— Благодичный с амбарной книгой — как эта?

Андрей Бобряков сурово промолчал.

За приятелями к выходу потянулись охотники. Проходя на улице мимо Гаврилы, Анна Викентьевна задержала шаг и возмутилась во всеуслышание:

— Грубая пропаганда. На глазах верующих оскорбляют их чувства. Так можно настроить народ против новых порядков. Низка культура в народе, но и не выше у тех, кто ее хочет нести в массы.

Гаврила остановился, изумленно поглядел на Анну Викентьевну и неожиданно низко поклонился ей при народе.

С Антоновки ударил ружейный голк. Прислушались. На реке отдавались крики красноармейцев. «Поди, опять устроили учение», — невесело подумал Гаврила.

На него наскочили с ружьями Акиндин с Палькой.

— Не забегал он в переулок? — выпалил Акиндин.

— Кто?

— Такой маленький, кругленький.

— Никого не видел.

— Тогда, Павел, к логотине быстрее!

Парни побежали на конец села. Гаврила удивленно посмотрел им вослед и перекрестился.

«Стреляют. Наверное, учение у красноармейцев, — подумала Анна Викентьевна, прогуливаясь недалеко от

школы.— Что-то с Утоновым? Благополучно ли ему удалось перебраться на ту сторону реки? А вдруг это в него стреляли! — ужаснулась она.— Все. Конец приходит лесному воинству. Да и, по правде сказать, толку от него мало. Но есть еще идеология, борьба умов. Ну-ну, скороспелые теоретики, посмотрим, каковы у вас лбы, чем они наполнены? О, нет! Я без боя не сойду со сцены. Старый корабль «Камчатка» тонет, но мне еще позавидуют на том берегу: я сойду с него последней. Ну что ж, преобразователи общества, арена готова!».

Взбудораженная тревожными мыслями о предстоящей борьбе с идейными противниками, директорша, как полуночная птица, кружила по сумрачной аллее вокруг за́мершей церкви. Холодные черемуховые ветки играючи хлестали ее по голове, но она как будто этого не замечала. Все ходила, кружила, нагнетая в душе своей фанатизм. И когда из зарослей бузины к ее ногам со стоном вывалился поп Мазур, она его зло пнула в бок.

— Ай-вай-вай! — взревел священник.

— Замолчи! Убью!

— Анна Викентьевна, я ранен,— заплакал Мазур.— Как верный пес, я ждал вас под крыльцом у дверей. Увидел, ходите около церкви, и пополз. Ай, как больно! Спасите...

— Не ной, стервец. Где Утонов?

— Бог помог. Я ему подсобил, а меня вот ранили. Посмотрите, на ноге дыра. Кое-как всяким тряпьем перевязал. Ох, нету моченьки терпеть.

Директорша нагнулась над Мазуром и ухмыльнулась. Правая нога попа была толсто обмотана женским нижним бельем.

— Где ж ты, батюшка, раздобыл такой перевязочный материал?

— В ограде у соседки... Они найдут меня. Ай, что мне делать? Помогите.

Анна Викентьевна, глядя на скиснувшего Мазура, призадумалась.

— Вот что, любезный друг, давай будем расставаться. Добирайся до берега к бату. Он тут, под яром. А я быстренько соберу тебе в дорогу.

— Если не дойду?

— Дойдешь! А не дойдешь — доползешь!

— С палочкой, пожалуй, дойду,— согласился поп.

Анна Викентьевна огляделась, свернула с аллеи и направилась к школе. Она постояла, послушала и затем уже отперла дверь и вошла в комнату. Не зажигая света, стала собирать в мешок хлеб, рыбу — все, что попадало под руку. Достала из шкафчика йод, бинты... И тут она почувствовала, как на нее навалилась душевная тяжесть. Директорша опустилась на стул. Лай соседских собак привел ее в чувство. Она зябко встряхнулась, схватила мешок и вышла на крыльцо. Под настилом зашуршало.

— Кто там?

— Это я тут. Ожидаячи вас, Анна Викентьевна, чуть-чуть богу душу не отдал.

— Я же сказала тебе, иди на берег.

— Боюсь,— простонал поп, вылезая из-под крыльца.— Не покаяться ли перед советскими властями? Они могут простить. Куда я с такой ногой?

— Так уж и простят грабителю, обманщику. Жди-надейся. А схлопотать пулю в лоб не хочешь?

— Вон священник из Толбачика — Минаев ушел из церкви, сам Архангельский тоже...

— Ты не Минаев и не Архангельский, ты — лжесвященник! Иуда, задумал нас продать?

— Нет. Продавать я никого не хочу. Где деньги спрятал, я сказал Утонову. Где наше общее добро — вам сказал. За Камчаткой на Варлатанке есть охотничья избушка, в десяти шагах от нее стоит береза толстая. Так под этой березой в яме спрятал сундук с иконами. Оклады у них золотые и серебряные. Все берите, только меня не оставляйте одного или позвольте пойти с покаянием.

— Хорошо. Сейчас ты переправишься на тот берег и ожидай меня около озера. Здесь, в мешке, провизия на несколько дней, в коробке бинты и йод. Сам себе сделаешь перевязку, ведь ты когда-то учился на медика. В революционеры рвался. А тут от царапины скис.

— Вы тогда меня втянули... захомутали... Ой, покаюсь перед ними, не так уж большая у меня вина.

— Тихо. Дня через два совсем уйдем отсюда. Потерпи, пока я лошадей переправлю через реку. Все будет хорошо. Иди первым к яру, я за тобой следом пойду.

И вновь оглядев неуклюжую фигуру Мазура, Анна Викентьевна остановилась, раздумывая: «Далеко не уйдет, поймают. После, конечно, всех выдаст... А покидать

Камчатку пока еще рановато». Поразмыслив, она спешными шагами направилась к дому.

Директорша зашла в комнату, приподняла в запечке половицу. На ее ладони при лунном свете блеснула холодная вороненая сталь. Она взяла в сенях ведро, положила в него мешок с припасами и зашагала к яру.

Внизу под берегом ухал над батом Мазур, пытаюсь стащить его с камней. Директорша спустилась к нему, и они вдвоем с превеликим трудом спустили на воду утлую посудину.

Мазур перекрестился:

— Слава богу, справились. Ходить на бату немножко умею.— Он взял в руки шест и сел на корму.— В тальники бы только заплыть, там уж не найдут...

— Заплывешь,— ответила Анна Викентьевна, приложив руку к его затылку.

Коротко щелкнуло, и Мазур тяжело повалился на дно бата. Директорша положила около него мешок, оттолкнула ногой бат на реку, зачерпнула ведром воды и неторопливо направилась домой.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОН

— Ты куда, Павел, в такую рань поднялся? — оторвал от подушки сонную голову Гаврила Мальцев.— Шебаршишь, как мышонок.

— Нам с вечера сказали явиться пораньше.

— Вы действительно похожи на мышей, такие же беспокойные: днем и ночью бегаєте, суетитесь и суетитесь. Еще, Павел, хочу спросить: ты почему мое Евангелие читаешь?

— Так.

— Просто «так» не делается. На икону не глядишь, а в святое писание заглядываешь.

— Больше не буду.

— Да мне-то что — читай, может быть, душой просветлеешь... Окрестить бы тебя, Павел Гаврилович?

Ичанга схватил со стола юколы с краюхой хлеба и на носках тихонько вышел из дома.

«Женить его пришла пора,— призадумался Гаврила.— А так, того и гляди, испортится без семейства Павел Гаврилович. Давно ли с улицы дикаренком подобрал, а вон уже — мужик-охотник. Жаль, стеснитель-

ный он: девок стороной обходит, как крапиву. А времечко-то не колода, оно кругленькое, без удержу катится, отбрасывает года, что костяшки на счетах у Коршунова. Глянь — и конец жизни. Помочь требуется парню. Но как? Когда-то самому отец приплавил из Ключей невесту. Славная была. На вечеринках таял перед ней, как весенний снег под солнышком. Все стеснялся да дичился, пока напористый Илларка Потапов с ней не обвенчался».

— О-хо-хо,— простонал Гаврила, доставая из-под изголовья берестяной колтон—давний подарок Кирьякии. Он нежно погладил его, как ладонь любимой, и открыл крышку. Лемешины не набралось и на щепотку. Тогда он слез с кровати, раболепно пошептал на коленях у икон молитвы, разжег в печке дрова и взялся готовить лемешину. Заломило в пояснице на непогоду. С вечера забыл натереть ее медвежьим корнем, а тут скоро к заутрене звон дадут. Ох-хо-хо,— вздыхает Гаврила,— после святого отца Иринарха нету в Мильково путных священников. Нынешние — ни богу свечка, ни черту кочерга, служат без душевного огня... И куда Павел так торопко убежал?

А Ичанга спешил в клуб имени Карла Либкнехта на срочное собрание. В клубе кто рисовал, кто в зале прибирался, кто во дворе на зиму дрова рубил, кто на клубном огороде сорняки выдергивал. Все заняты.

— Привет муравьям! — потряс над головой рукой Ичанга и схватился за топор.— Акиндин, на соревнования вызываю!

— Принимаю вызов, Павел Гаврилович!

Торопко застучали топоры. Поленница быстро вверх пошла!

Работу оборвал голос Аркадия Плотникова:

— Кончай, ребята! Прошу всех в клуб.

На сцене за столом сидели Дмитрий Подкорытов, Янсен, Николай Колесов. К ним присоединился Аркадий Плотников. Лица у всех мрачные. «Наверное, ночью не спали,— подумал Ичанга.— Когда не доспишь, всегда настроение паршивое. Они, поди, до самого утра совещались».

Дмитрий Подкорытов обратился к присутствующим:

— Товарищи, собрались мы сюда для решения очень важных, насущных для жизни села вопросов и потому

прошу вас отнестись к ним серьезно. Слово предоставляю товарищу Янсену.

Командир пограничников встал, одернул гимнастерку. Посмотрел на первые ряды — там не было «крепких мужиков». Вспомнив прошлый сельский сход, начал прямо с дела:

— Сегодняшняя ночь была беспокойной, суматошной, она доказала нам всем, так я думаю, что в долине появилась необходимость срочно создать орган для охраны общественного порядка и обеспечения безопасности населения от вражеских элементов. При выходе из Усть-Камчатска мне было поручено провести на местах такую работу. Рабоче-крестьянская милиция создается из людей, пользующихся доверием у трудового народа. Избранники в милицию должны быть честными, организованными, готовыми отдать все силы за власть Советов, для защиты завоеваний революции!

Товарищи представители советских и общественных организаций, а также посланцы от рыбацких артелей! Прошу ваше общее собрание рекомендовать своих представителей для работы в органах милиции.

— А сколько? — спросил Аркадий.

— Пока трех человек.

— Можно мне предложить? — встал квадратный крепыш с оспенным лицом, прозванный злыми языками «Саранный». Саранным в Мильково называют больного осеннего кижуча, на теле которого видны язвочки. Такую рыбу не едят, выбрасывают: дескать от нее идет болезнь — проказа.

— Давайте предлагайте, — попросил Янсен.

— Выломов я. Предлагаю от нашей партгруппы совместно с волревкомом на работу в милицию рекомендовать товарища Николая Колесова. Он у нас из местных первый коммунист. Тверд в убеждениях, как камень.

— Кто еще скажет о товарище Колесове?

— Доверяем! — первым подал голос Фенька Коршунов.

— Он толковый мужик, не боится супротив быстрин толкаться, — охарактеризовал Карпухин.

— Немножко привередливый, но сойдет, — согласился с ними шутник Виктор Михайлов.

— Да чего тут тянуть — ставьте! — сказали свое слово представители от рыболовецких артелей. В клуб они

пришли в броднях и рабочей одежде, думая сразу после собрания отправиться на рыбалку. Лето зиму кормит. И они боялись, как бы с лишними разговорами надолго не задержали.

— Еще кого рекомендуете? — повеселел Янсен.

Из-за стола встал Аркадий и вышел немного вперед.

— Мы от комсомольской организации рекомендуем в рабоче-крестьянскую милицию своих товарищей и уверены, что они не подведут нас в очень трудной и нужной работе...

— Говори, кого? — перебивает его нетерпеливый голос представителя рыбацкой артели.

— Акиндина Бобрякова и Павла Ичангу.

— Какого такого Павла? — раздается тот же голос из зала, только теперь удивленно.

— Все привыкли — Палька да Палька, а мы его называли Павлом. Гаврила Викентьевич прибавил ему отчество от своего имени. Так что вы...

— Да я не ради смеха задал вопрос, — защитился тот же голос из зала. — Говори скорей дальше, время-то идет.

— Оба комсомольца принимали уже участие в поимке белогвардейцев. Хорошие охотники. Врага встретят метко. Акиндин грамотный. Павлу придется еще позаниматься, поднять свой образовательный уровень. Мы ручаемся за них.

— Кто еще будет говорить? — спросил Янсен.

— Все понятно.

— Вожак лучше знает, кто как тянет.

— Все, что ли? — опять не вытерпел представитель рыбацкой артели.

Артельщики поднялись с мест и было уже направились к двери, как Янсен опять заговорил.

— Нет, не все пока. Итак, возражений нету против первых выдвиженцев в милицию, тогда до разговора с городом за главного поставим...

— Колесова Николая!

— Я думаю, в городе согласятся с вашим мнением... Следующий вопрос о всеобуче. Что это такое, поясню кратко: раньше военное дело служило для эксплуататоров трудящихся, то есть капиталистам и помещикам. Ружье служило им опорой в сохранении власти. Нынче же армия защищает рабочих и крестьян. Поэтому-то наша Красная Армия и называется — Рабоче-Крестьян-

ская. В армию должны идти люди подготовленные, знать не только винтовку, но и пройти школу политического воспитания, быть идейно убежденными, знать учение нашего вождя и учителя — Ленина. Они должны заниматься спортом, чтобы стать крепкими, выносливыми. Всеобуч обязан охватить всю молодежь и желающих пройти военное обучение.

— У нас в церковно-приходской школе Телятьевский учил ребят этакому...— подметил представитель рыбацкой артели Исай Дедов, но его тут же осадил представитель кресткома Савва Бобряков.

— Не путай, Исай, тут совсем другое дело, покрупнее.

— Но кто возьмется обучать? — озадачился Выломов.— Разве Иннокентия Коркина из Толбачика попросить или тутошнего Кирьяна Синаева?..

— Конечно,— добавил представитель рыбацкой артели Исай Дедов.— Они когда-то служили...

В зале загомонили. Старики вспомнили, что в 1904 году они тоже искали себе в учителя человека, который бы уже находился раньше при военных обстоятельствах.

Янсен достал из полевой сумки бумагу и передал Подкорытову. Обратился к присутствующим:

— Не надо никого просить для обучения военному делу, мы оставляем у вас временно бойца Рудова. Он может заняться учением настоящим образом. Я, как командир, даю рекомендацию: боец требовательный, знающий свое дело. Молодой, энергичный. И, добавлю, комсомолец!

— Пойдет! — обрадовался Аркадий.

— Верна! — поддержал комсомольского вожака Палька-Павел.— Мы его папу и маму знаем.

— Кто это «мы»? — поинтересовался Янсен.

— Акиндин Бобряков, Михаил Мальцев, я — Павел Гаврилович Ичанга. Хорошие у него тятка с мамкой, добрые.

— Вы моих родителей знаете? — не сдержав любопытства, подошел к Ичанге Рудов.— Видели их?

— Видели. Грибами нас угощали.

— Хорошие у нас грибы,— подтвердил Рудов.

— Граммофон подарили.

— Павел в обмен кухлянку отдал, подарил твоему отцу-охотнику,— стараясь завязать знакомство, вставил слово Акиндин.

— Еще пошлю ему меховую. Мы теперь друзья! — гордо закончил Ичанга и поправил на выпяченной груди МОПРовский значок.

Янсен засмотрелся на обрадованных встречей парней, не замечая нарастающего волнения в зале. Представители рыбацких артелей пересели на первые скамейки, поближе к двери. Подкорытов подергал за гимнастерку командира, тот опомнился и заторопился:

— Вот вам и смычка, товарищи! Осталось нам решить последний вопрос. Тут мы посоветовались и по праву поручили его передать на решение вашим выдвиженцам в милицию. Решайте, а мы пока сходим в ревком, чтобы связаться с городом. Приступайте, товарищ Колесов.

Янсен с Подкорытовым вышли из клуба. Все с любопытством уставились на нового докладчика, как бы вопрошая: ну-ну, что ты можешь нам сказать новенького? Но когда Николай Колесов поднялся со стула в тягостном раздумье, закусив нижнюю губу, догадались: этот напоследок припас для них неприятное.

— Товарищи представители советских организаций! — обратился он к присутствующим. — Красноармейцами на реке Антоновке пойман бат, в котором находилось тело попа Мазура. — Он увидел, как зал замер, насторожился. Артельщики перестали беспокоиться, необычайное событие выбило из головы мысль о рыбалке и заставило крепко сесть на скамейку. — Убит он был при загадочных для нас обстоятельствах. Выстрелили ему в затылок из мелкого оружия, но есть другая рана — на ноге от винтовочной пули... Мы подозреваем, он был замешан в черных делах и хотел удрать из Мильково, потому что в бату находились продукты. С какой целью его убрали с дороги? Наверное, он в шайке стал лишним, может быть, ненадежным. Главное, факт налицо, убили. Я так думаю: хватит, товарищи, давать приют в святой обители всяким проходимцам и бандитам. Ради безопасности пришла необходимость закрыть церковь. О чем и довожу до сведения мильковчан.

В зал словно плеснули кипяток. Люди всполошились. Небывалое дело! Заговорили.

— Будет очень сложно, — поводила головой из стороны в сторону Антонида Подкорытова. — Поймут ли верующие? С фальшивым лектором Склеем такое полу-

чилось, что активистам после на улице прохода не стало. Сколько времени потом кололи нас ядовитыми словами!

— Да ты чего этта, Николай, задумал? — забеспокоился Савва Бобряков. — Ко мне потом в крестком веревкой не затащишь верующих, и так они спрашивают, почему твой амбар называется кресткомом, а на тебе креста нет? Объясняю: «Так она же ваша, крестьянская лавка». А они мне: «Ну, тогда будем ее называть наш-лавка». Так и зовут. Я хоть и отошел от веры, но знаю, что другим веровать не возбраняется.

— Эк-ка, куда завернул! — сморщил брезгливо оспенное лицо Выломов. — Тут речь идет совсем о другом...

— Ты, Выломов, не морщись, — обиделся Савва. — У те в кооперативе одни лишь мыши вместо продуктов, и мы не морщимся!..

— Пойдите! — перебил их спор Колесов. — Савва, если не согласен, так дай свое предложение. Отбрыкнуться легче всего.

— Я соображаю так: если дело дошло до закрытия церкви, то нужно верующих предупредить и дать возможность хотя бы отслужить им заутреню. Так я полагаю.

— Верно, Савва, говоришь, — согласилась Антонида Подкорытова и кинула на первого начальника милиции вопросительный взгляд. — Но попа-то убили. Кто же отслужит?

— Это уж не наше дело, — махнул рукой Николай Колесов. — К обеду церковь должна быть закрыта.

— Какой быстрый, Николай! Ты поцо сразу таким стал? — удивленно расширил глаза Савва Бобряков.

— Каким?

— Приказательным, — ответил за Савву шутник Виктор Михайлов. — Или у нас правда, что человеку командовать другими — сладко. Мне Иллари́й Потапов рассказывал, когда его назначили старостой, то он будто бы почувствовал, как стал выше ростом, а все остальные люди — пониже его, даже высокие пригнулись. И всю ночь он учился приказывать. Жену Кирьякию называл «люди». Кричит ей: «Эй, люди, приготовьте обед!», «Эй, люди, вскопайте огород!». До того он возманился во власти, что Кирьякии закричал: «Эй, люди, косите батюшке сено. Всю траву на сенокосе у него за

один день уроните!» Сунул жене в руки косу-горбушу, и та в недоумении отправилась на батюшкин сенокос...

— Кончай шутить! — покраснел Николай Колесов.

— Без суточек-прибауточек по Камчатке не протолкаешься, — ответил ему Виктор камчадальской поговоркой.

Зал расслабился. Всем были знакомы эти слова, каждый из присутствующих не раз их повторял, толкаясь шестом на бату. Шеститься, то есть, толкаясь шестом, идти на бату против течения, — тяжелая работа. И без шутки, без веселого слова, быстро выдохнешься. Раньше хозяин, принявший на постой чиновника, должен был не только накормить, постель приготовить, но и позабавить: смешной случай или сказку рассказать, чтобы гостю тоска-червь грудь не точила. Вот и гуляют по Камчатке в великом множестве были да небылицы.

Колесов тоже подделался под настроение зала:

— У меня есть предложение поручить от имени собрания председателю кресткома, а также комсомольцам... нет, лучше несоюзной молодежи и... — он лукаво посмотрел на шутника, — ...и Виктору Михайлову оповестить всех верующих о закрытии церкви. Пусть сами миром попросят, кого там: Ивана Ворошилова, Агафангела или еще кого, и отслужат заутреню. Как вы?

— Согласны!

— Пойдем, Савва, — позвал председателя кресткома Виктор. — Нацальство шутить не любит.

Они первыми вышли из клуба. Михайлов с парнями сразу же завернули в первые избы, а Савва с неприятным извещением направился к самой крайней избе Гаврилы Мальцева. Еще издали он увидел мирно беседующих на пороге сеней хозяина с Андреем Бобряковым.

— Доброе утро! — смущенно поздоровался он и покраснел.

— Здравствуй, Савва, — ответили рыбаки.

— Рано принесли ноги председателя нашлавки, — потер кулаком поясницу Гаврила. — Уж не семена ли хочешь предложить? А у меня спина, паря, не загинается, до земли не дотянусь. Как стану семена сеять? Чего краснеешь, как девка на смотринах?

— Не семена пришел вам предлагать.

— А че тогда?

— Тяжелое слово принес вам.

— Ну? — разом встали старики.

Из двора Иллария Потапова на улицу с криком выскочил хиленький паренек Елька, сын Агафангела.

— Не я закрываю! Оне велели передать! — истошным воплем наполнил он улицу.

— Я тебе закрою! — стрелял ему в спину злой голос Иллария. — Я тебе пообманываю людей, враль эдакой!

— Не вру, не вру, ей-богу! — уходил голос Ельки в сторону комсомольского клуба.

— Чего он Ельку-то так? — сморщил в сетку лицо Гаврила и мгновенно разгладил.

На церкви заиграл перезвон трех колоколов.

— Рано сегодня заблаговестили, — удивленно вытянул лицо Андрей Бобряков. — Савва, если по делу к нам пришел, то говори, нам надо идти.

— Уважаемые Гаврила Викентьевич и Андрей Акиндинович, мне поручено собранием передать вам...

— Чего замолк? Договаривай уж.

— Ночью убили священника Мазура, а он, оказывается, и не поп, а смесь бандита с мошенником. Он, видимо, был замешан в нехорошем деле, хотел удрать из Милькова, но почему-то шайка прикончила его. В селе срочно создана милиция, которая объявила о закрытии церкви. Верующим разрешено отслужить заутреню...

— Ты, Савва, так не шути! — нахмурил грозно брови Андрей Бобряков.

— Я не шучу, чего велели передать вам, то и передаю.

— Кто, безбожник, службу без священника ведет?

— Попросите Ивана Ворошилова или кого там еще.

— Идем, Гаврила Викентьевич, я сразу усомнился в звоне, не к добру так рано зазвонили в три колокола. Да звон-то какой: при отце Иринархе только такой силой вызванивали. Агафангел нынче старается. Идем.

По улице к церкви спешили и старики, и дети, многие плакали. У Саввы заскребло на душе. Он шел к клубу и старался не смотреть на встречных. На полдороге его остановил Виктор Михайлов:

— Не ходи, паря, больше по домам, всех уже ребята оповестили. Ну и работенку нам задал Николай, теперь будем сидеть с тобой на собраниях потише мыши, не то еще похлеще нам на плечи взвалит, что и до дому не дойдем.

У клуба они встретились с Янсеном и Подкорытовым. Дмитрий спросил Виктора:

— Оповестили?

— Все знают.

— Тогда до окончания службы идите домой, а к закрытию,— он мотнул головой в сторону церкви,— подходите туда. Всякое может случиться.

К обеду в клуб забежали ребятенки-посланцы с известием: «Выходят!».

— Ну что ж, ребята, пойдем на первое крещение,— обратился к комсомольцам Колесов.— Поджилки не трясутся?

— Немножко внутри жутко,— сознался Ичанга.— Гаврила Викентийч бы не встретился. Неловко на глаза ему попадаться.

— Все ли взяли, комсорг?

— Кажись. Тесины во дворе у нас есть. Два молотка, топоры и гвозди из клуба возьмем. А больше чего брать,— ответил Аркадий Плотников и добавил:— Кто близко живет, на всякий случай прихватите еще чем-нибудь заколачивать.

— Берите больше гвоздей, заколотим все двери и окна,— подсказал Николай Колесов и смущенно попросил:— Вы идите пока без меня, я вас догоню. Если чего там верующие заартачатся — не теряйтесь. Я быстренько обернусь. Павел и Акиндин, вы сегодня на работе. Понятно?

Все комсомольцы и представители организаций направились к церкви. Там через арку на улицу выходили последние верующие. Но только комсомольцы вступили за тополями на широкий дощатый настил, как их опередил Гаврила Мальцев. Он взбежал на крыльцо и перед дверью широко расставил ноги и раскрестил руки.

— Не дам! — закричал он и ощерился, как затравленный зверь.— Не подходите, нехристи, не дам закрывать. Христиане, не дайте им осрамить священный храм!

Толпа верующих повернула течением назад. К Мальцеву поднялся Андрей Бобряков с охотниками.

— Акиндин, не смей! — остановил он сына.— Против отца, против села не иди! Слышишь?

— Мы тоже граждане села! А кто же мы? — вышел из толпы Дмитрий Подкорытов.— Послушайте нас...

— Митька, ты ее не строил. Мы этот божий храм своими руками воздвигали! — яро затряс лохматой головой Гаврила.— Мишка, племянник, стой! Палька, стой! Я тебе свое имя присовокупил, с улицы, гадены-

ша, на вред себе подобрал... Стой, изверг! У вас нет ни у кого права закрывать церкви!

— Есть право! — раздался сзади столпившихся на настиле верующих и комсомольцев голос Николая Колесова. Он был одет в военную форму: на голове — островерхая со звездой шапка, зеленая гимнастерка перехвачена на груди и у пояса ремнями. Галифе. Хромовые сапоги. И при нагане.

Нил Плотников зло повернулся к Колесову.

— То, что ты переоделся, Николай, это еще не право. Нас одеждой не запугаешь. Видим, переоделся, чтоб не зазорно было перед людьми своевольничать!

И тут Нил из-за спины выпустил Македоныча. Давно старик не был на людях. Забыли земляки его житейский мудрый голос, который не раз властвовал на сходах. Седой до желтизны, согнутый годами и нуждой, постукивая посохом по ступенькам, он поднялся на крыльцо. Вмиг присмирившую толпу ожег его старческий голос:

— Нет веры — кончились камчадалы! — сказал он и, дрожа всем телом, заплаканный, стал спускаться вниз.

Толпа колыхнулась. Заголосили бабы. Сурово сдвинули брови охотники. Комсомольцы приготовились прыгнуть с крыльца, и тут к ним бегом поднялся Николай Колесов.

— Есть право! — упрямо повторил он и схватился за наган.— Я не хочу пугать. Но!..— потряс он наганом.— Граждане, должен довести до всего общества: с сегодняшнего дня я и мои товарищи Павел Ичанга и Акиндин Бобряков являемся представителями рабоче-крестьянской милиции. По рекомендации собрания миловчан в области нас утвердили. Мои слова может заверить работник ревкома...

— Заверяю! — откликнулся снизу Подкорытов.— Из города нам позвонили в ревком об их назначении. Многие тут знают, что все они были нами рекомендованы.

— Знаем! Выбирали! — откликнулись представители организаций.

— Граждане! — обратился Николай Колесов к собравшимся верующим.— Долгое время место вашего святого храма являлось пристанищем для разного сброда, идущего против Советской власти. Вчера из-под ареста бежал бывший священник Астапчук, а на самом деле— авантюрист и проходимец Утонов. Он должен был пред-

стать перед судом народа за хищничество и разбой. Ему в побеге, вероятно, содействовал небезызвестный там святой отец Мазур, который был убит кем-то из их же шайки бандитов. Мне поручено до приезда представителя из города вести дознание. Вот почему, граждане верующие, мы должны закрыть церковь. Гаврила Викентьевич, не идите против власти. Опомнитесь.

— О-о-о! — простонал Гаврила Мальцев и опустил руки. Посмотрев на народ отуманенным взглядом, он, жалкий и опустошенный, спустился с высокого крыльца. За ним потянулись другие охотники.

При выходе на Партизанскую верующим встретила Анна Викентьевна. Она сурово посмотрела поверх толпы в сторону церкви и осуждающе произнесла:

— Как все же жестоко относятся власти к душевной вере! Можно было бы им не трогать народную святыню. Сочувствую вам, христиане... Буду заступаться.

Гаврила горестно глянул на нее и с поклоном промолвил:

— Заступись, матушка.

Когда верующие скрылись за домами, дробно застучали молотки, впервые вгоняя в церковь железные гвозди.

Мильково на миг утихомирилось, опустели улицы, дворы, словно вновь по Камчатке прошла холера или голод. И наступила гнетущая тишина...

Но вот на Аваче заржали лошади. Зашевелилось село. Проводники из Ключей и Усть-Камчатска седлали коней, приторочивали выюки. На поляне, покрытой сплошь золотистыми одуванчиками, сгруппировались бойцы, их окружили любопытные бабы и беспокойная детвора. В сторонке, у боярышника, деловито переговариваясь, стояли мужики.

— Левой! Левой! — донеслось от логотины, делящей Мильково на две половины.— Левой!

К поляне подходил строем отряд мильковских парней. Впереди браво вышагивал стройный Акиндин.

— Отряд, стройсь! — дал команду бойцам Янсен.— Смирно!

— Отряд, стой! — скомандовал своим парням Рудов и четким шагом подошел к Янсону.— Товарищ командир, бойцы всеобуча прибыли для проводов пограничного отряда!

Янсен оглядел прибывших, довольный их выправкой, кивнул Рудову. Тот догадался:

— Бойцы всеобуча, примкнуть к пограничному отряду!

Парни примкнули. Строевой подготовке их обучил еще когда-то Телятьевский. Так что все это им было не в новинку. А командиру было на удивление.

— Саша, встань-ка впереди да подними красноармейский дух на прощание! — попросил Янсен Рудова, и когда тот встал в строй, гаркнул:

— Всем слушать мою команду! Направо! Шагом — арш! Запевала, заводи!

— Красноармеец был герой,
На разведке боевой!

Да эх! —

завел строевую песню Рудов.

— Эй! Эй, герой
На разведке боевой! —

подстроили ее в походный шаг красноармейцы с мельковской молодежью.

На чистом местечке сделали небольшой привал.

Бойцы, скинув гимнастерки, кинулись к речушке ополоснуться и утолить жажду.

Янсен крикнул:

— Рудов, принеси мне воды! — Он осторожно сел под одинокой рябиной, осторожно вытянул правую ногу и стал ее тихонько поглаживать. Дала знать о себе старая рана. В восемнадцатом году белогвардейская пуля прошила возле бедра. «Сесть на коня бы?» — подумал он и тут же отбросил эту мысль. Вспомнилось: штурм Зимнего, схватки с бандами кулаков в Семиречье, война с басмачами...

Он встал, разделся до пояса и попросил подошедшего с ведром воды Рудова:

— А ну-ка, Саша, окати меня!

Похлопывая себя по мокрой груди, Янсен подошел к мельковским парням. В глаза ему бросилась статная фигура Феньки. Он оглядел парня с ног до головы и довольно потрепал его по плечу.

— Хороший строевик! Ну что ж, бойцы всеобуча, будем прощаться. Дальше нас провожать нет смысла — солнце клонится к хребтам. Нам-то до Верхнего осталось немного шагать, а вам возвращаться далековато.

— Товарищ командир! — обратился Павел Ичанга. — У меня к вам просьба пребольшущая.

— Говори, Павел, если под силу, постараемся выполнить.

— Передайте от меня, Михаила и Акиндина отцу Саши Рудова вот этот сверточек. Родители его в конце озера живут.

— У отца Рудова я обязательно побываю. Расскажу о боевой службе Саши и с удовольствием передам ему ваш сверток. А сейчас, товарищи, возвращайтесь.

Мильковские попрощались с красноармейцами и под строевую песню «Командир у нас герой» пошагали обратно.

Возвратились они в сумерки. Остановились на перекрестке улиц Партизанской и Поперечной, поломали строй и столпились. Расходиться по домам не было охоты. У каждого сверлило в голове: «Как-то встретят родители?» Глядя на понурившихся ребят, Аркадий подбодрил:

— Хуже смерти ничего не бывает, а за мандарой* съездить — ерунда. Кто хочет со мной в клубе ночевать — подходи!

К нему подошли Акиндин, Павел и Рудов.

— А ты, Саша, чего не идешь на квартиру к Подкорытовым?

— Завтра пойду устраиваться, сегодня уже поздно, неловко беспокоить.

Придя в клуб, парни распределили обязанности: Павлу с Акиндином — сотворить огонь и ужин, Аркадию с Рудовым — накопать картошки, сходить за водой и приготовить «царскую» постель.

Только они взялись за дело, как в клуб появился Дмитрий Подкорытов. Прямо с порога начал говорить:

— Жду-пожду квартиранта, а его все нет и нет. Дай, думаю, загляну на всякий случай в клуб, уж не заседают ли они тут в третий раз? — пошутил он и уже серьезно спросил: — Домашнего скандала боитесь, ребята?

— Решили ночь здесь провести, завтра у родителей горячка спадет, — ответил Аркадий. — Рудов захотел нам

* Мандара — выделанная шкура красного цвета от настоя ольховой коры. Наказанному ремнем обычно говорят: «Что, за мандарой съездил?».

компанию составить. Вас не хочет на ночь тревожить.

— Коль с вами, так с вами — его дело. Вы, наверное, правильно сделали, что решили здесь ночевать, лишний раз на глаза отцу не попадаться.

— По правде говоря, меня завтра отец все равно встретит словами: «Не в свои дела, щенок, вмешиваешься, перечишь обществу без всякого зазрения совести, прохвост эдакой!» Отныне это его любимая присказка.

— Чего на ужин-то есть?

— На клубном огороде несколько лунок подкопаем. Много ли нам надо, полведра. При подсчете урожая на учет возьмем.

— Э-э, так дело не пойдет, — помотал головой Подкорытов. — Павел, пойдем со мной. Лунки не трогайте до осени, не то урожай будет меньше ниловского, тогда он над вами посмеется. Давай, Павел, за мной, а вы, товарищ Рудов, приходите утром завтракать, не стесняйтесь.

Ичанга от Подкорытова вернулся с целой рыбиной и полным ведром картошки.

— Еще соль дали, еще чай дали — пируем! — поднял настроение у друзей Ичанга. — Ребята, на улице злой курил* поднялся, дождь нагонит.

— Пусть дует — нам не страшно! — распластывая чавычу, засмеялся Акиндин.

Аркадий с Рудовым сходили к роднику за водой: плотно занавесили окна, чтобы любопытный глаз не заглянул с улицы; притащили из кладовки широкий полосатый матрац, сшитый специально для физкультурных упражнений, постелили его на сцене и подошли к печке.

Аркадий протянул руки.

— Корми, Павел, рабочий класс!

— Потерпи. Сначала надо духов покормить, потом — секретаря, — отстранил протянутые к нему руки Ичанга и пошел возле печки ломаться телом в шаманском танце, затем схватил ведро с отваренной рыбой и картошкой, побрызгал отваром вокруг и рубанул рукой: — Готово! Налетай!

— А как доставать из ведра? — спросил Рудов.

— Надо нарвать травы да и вывалить на нее. Запах пойдет — во! — показал Акиндин большой палец и

* Курил — южный ветер, идущий с Курильских островов.

выскочил во двор. За ним бросились друзья. Темень поглотила их.

Павел зашел за угол клуба. Впотьмах он споткнулся о кучу сухой травы, упал, и тут его осенила догадка:
— Ребята, сюда!

Сильный порыв ветра ошалело застучал по крыше корьем. Две тени выскочили из-за угла и кинулись бежать по огороду.

— Стой! — заревел им вдогонку Ичанга.

— Держи их! — подскочили к другу парни.—Хватай!

— Вот, сволочи, хотели нас изжарить! — выругался Аркадий.— Хорошо, что вовремя вышли. Тише.

Но ничего не слышали ребята. Только на церкви под буйным ветром тяжело стонали колокола...

ЗАВИНА

...Стонали колокола.

А в это время на крыльце пустовавшей избы Астапчука сидел в молчании Фенька...

После проводов комсомольцев он не пошел домой, зная наперед, что его родитель, набожный и строгий мужик, не простит ему оставленной на произвол судьбы рыбалки. Сурово он вскинет лохматые, как волчий хвост, брови и хлестанет: «Бездеьем мучаешься, сучий сын!» Оконфузит так, что потом даже носа нельзя будет высунуть за двери — засмеют люди. Отец трудолюбив: хоть на сенокосе, хоть на рыбалке, дома ли — весь уходит в работу. А в страдную пору трудится от зари до зари. Много в прибыль помог ему и деньгами, и товаром, и просто славой младший брат, известный на всю долину купец, Карп Карпыч.

Есть что передать по наследству сыну, но строгий родитель серьезно предупредил Феньку: «Ослушаешься, сучий сын, голым по миру пушу!»

И Фенька, свернув с Партизанской в тихий переулок, впал в задумчивость. Его мучило: чем бы заставить отца уважать взрослого сына, расположить к себе? Внезапно осенило: взять да и крепко припугнуть родителя: «Ухожу из дома навечно, дальше под гнетом старорежимного отца жить невозможно. Пусть советские органы детально разберутся в наших отношениях. Я, как работник волревкома, не позволю обращаться со мной

как с работником по найму! И, между прочим, добавить: У нас говорят, что скоро зажиточных начнут раскулачивать и увозить куда-то на невыносимо холодный Север. А уходя, наемкнуты со вздохом: Эх, разделились бы по-родственному и сразу стали бы середняками... Мой труд в хозяйстве тоже ведь есть».

«Уходить, а куда?»—задал сам себе вопрос Фенька.

Построить новую избу в одиночку — и не мечтай. Лиственница растет от Милькова вниз по долине в верстах пятидесяти. А строевую березу одной нартой не навозить: снега глубокие, дороги убродистые, а груз тяжелый. Съедешь с одной стороны увала, а на другую—трудно подняться. Можно, конечно, из осинника строить, но... в таких избушках бедность ютится.

И тут он вспомнил: на берегу стоит заброшенная изба Астапчука. Если обратиться в волревком и попросить разрешения туда вселиться, то, само собой разумеется, своему каюру не откажут. Отремонтировать избу и жить самостоятельно. Считаться бедняком, хотя отец, наверняка, выделит пай, чтобы не попасть в кулаки. Приобретиться и можно жениться. Невеста на примете имеется...

Думы нарушили тревожные голоса:

— Еле-еле от них, паря, убежали. Как думаешь: не узнали?

— Где там в потемках узнать! Не беспокойся. Отдохнем на крыльце? Ой, тут кто-то есть. Кто?

Фенька узнал Дорку-гармониста.

— Я это, Феодосий,— ответил он. Спросил: — Чего так запыхались?

— Ветер в лицо дует, Феня. Тяжело бежать навстречу. Старуха директорша, кол ей в печенку, заставила меня с Гаврюшкой печки протопить.

Фенька пожал плечами.

— Кто же летом на ночь в селе печки топят?

— А ты спроси у Анны Викентьевны! — сжал кулаки Дорка-гармонист.— Пошли, Гаврюшка!—позвал он пригнувшегося к углу напарника. И они скрылись в темноте.

«Откуда Гаврюшка? — подумал Фенька.— Его как сироту комсомольцы устроили на квартире и платили за него. А он куда-то удрал... И вот объявился...».

Фенька задумался.

А на колокольне плакали колокола.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

КОЛХОЗ «БЕЗБОЖНИК»

БЕЗБОЖНИКИ

Молчит колокол на высокой белой церкви.

Гудит колокол с необтесанного березового столба на стыке улиц Поперечной и Партизанской:

— Ждем! Ждем! Ждем! — торопит колокол со столба людей на большой сход, на собрание.

— Идем! Идем! Идем! — радостно отвечает уполномоченный по коллективизации из города, бойко вышагивая впереди членов молодежной группы «Безбожник».

Он долговязый, веснушчатый. На нем кожаные тулупы с фуражкой и хромовые сапоги с блеском. Одним словом, как определили его наблюдательные сельчане, «весь он кожаный». Зовут его Николай Щерба, но камчадалы стали кликать на свой манер — Сцерба.

Широко шагает уполномоченный по коллективизации, за ним поспешает воспрянувший духом Союз воинствующих безбожников.

На бывшем доме раскулаченного Иллாரия Потапова под ветром полощется лозунг из красного ситца:

«Кто за колхоз?

Кто за кулака?»

Взбурлилось Мильково, что весной Антоновка. Думает мильковчанин, чешет в затылке: «В какую сторону податься?»

Активисты вынесли на прицерковную площадь длинный стол, накрытый красной скатертью. На край площади притабунились люди. Ждут.

Женорг Антонида Подкорытова попросила народ:

— Поближе к столу, там ведь не слышно!

Крестьяне двинулись на ее голос. Подошли и встали вкопано.

Уполномоченный нарочно громко кашлянул, как бы прочищая горло, и снял с косматой головы фуражку.

— Настала пора,— словно шашкой рубанул Щерба ладонью по воздуху,— сломать одряхлевшие устои и начать обществом строить новую равноправную жизнь. Везде там,— помахал он в сторону Охотского моря,— идет,— передохнул он и выпалил в толпу новое непонятное слово,— коллективизация!

— Это цо такое? — спросил кто-то.

— Это требуется поднять руку кверху, по-ихнему — голосовать,— ответили серьезно.

Бабы потянули вверх руки. Щерба помахал им, чтобы опустили, и продолжал:— Колхоз — новая форма ведения крестьянами социалистического хозяйства. Государство выделит земли в его пользование. Коллективизация...

Бабы опять подняли руки.

Из-за угла дома Иллария под барабанный треск вышла группа пионеров и направилась к площади. Рядом с ними шла вожатая Уля. Она теперь на все большие сходы приводила питомцев. Уля являлась членом Союза воинствующих безбожников, и Щерба самолично попросил ее подкрепить комсомольцев юными коммунарами. Проходя около толпы, пионеры запели:

Долой, долой монахов,
Раввинов и попов.
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов!..

— Ваша смена растет! — торжественно сказал Щерба.— Новая жизнь идет.

Долго не могла успокоиться толпа, а когда затихла, Щерба продолжил:

— Сейчас Аркадий Плотников познакомит вас с условиями вступления в колхоз. Предварительно об этом с вами агитаторы уже говорили. Но, видимо, знают не все. Так?

Молчание.

Аркадий, не торопясь, прочитал несколько листков, написанных от руки, и добавил от себя:

— Мы работали отдельными маленькими артелями, а если всем объединиться в один большой колхоз? Какая получится силища! Землю нам легко будет обрабатывать. Траву веселей косить. Собак сдадим, коров сдадим в колхоз...

— Ты, Аркашка, своих вошек сдавай, а мое не трогай! — перебил его отец.— Ишь, нашелся мне сдавала!

— Вы, Феофан Александрович, зачем на людях позорите взрослого сына, вожака нашей молодежи?! — заступилась Подкорытова.

— Не твое дело, Тонька! Одна рука у тебя сохнет, смотри и вторую-от скрючит! — выкрикнула жена Феофана.

Антонида с укором посмотрела на нее и на глаза непрошенно навернулась слеза. А та, радуясь своей победе, хотела что-то еще едкое сказать, но муж за-

крыл ей рот ладонью и больно толкнул локтем.

— Пишите меня в колхоз,— вышел вперед Исай Дедов.— И включите моих братьев — Амвросия, Серапиона, Антона, Ивана, Василия и сестрицу Варьку.

Аркадий записал в тетрадь Дедовых, о чем-то спросил Щербу и после вслух объявил:

— Двое отпадают: Василий работает в сельсовете, а сестрица еще мала. Чего еще сдашь?

— А им, окромя баб да себя, и нечего сдавать! Вахлаки они! — выкрикнули из толпы.

С двух сторон завязалась крепкая словесная перепалка.

Исай Дедов гордо развернул свою грудь, на которой блестела медаль за поход на японцев в 1904 году. В президиуме прочитали надпись на медали: «Да вознесет тебя господь в свое время».

Аркадий шепнул на ухо Исаю:

— Паря, спрячь медаль. Мы думаем колхоз назвать «Безбожник».

— Гы-гы-гы,— прогоготал Исай и дернул за рукав рядом стоящего Анисима.— Они думают назвать новое общество «Безбожник». Гы-гы!

Анисим отбросил в сторону нависшую огромную бороду (признак его ярости), обнажил нательный крест и выпучил на Аркадия глаза.

— Кааа-к? — прогудело словно эхо в колодце.

Аркадий мигом юркнул за спину Щербы. Затих. В памяти всплыло: в позапрошлом году по настоянию города Петропавловска в Мильково, как в сильно набожном селе, активистами был организован Союз воинствующих безбожников, которому предстояло немедленно включиться в антирелигиозную работу. Верующие новоявленный союз встретили в штыки и заставили примолкнуть его членов. На долгую крепкую память осталось Аркадию, руководителю СВБ, первое его поражение. Это случилось на пятый день организации Союза безбожников. Они вдвоем с заместителем Кирей Докучаевым отправились на летнюю рыбалку — Среднюю. Удобно расположившись на зеленом бережочке около дымокура, Аркадий попросил повариху сходить к заборам и известить рыбаков: дескать, пришли активисты побеседовать с ними о религии. Повариха ушла, Аркадий уткнулся в конспект беседы. Чего уж там повариха наговорила — бог ведает, но когда Аркадий ото-

рвал глаза от конспекта и глянул на прибрежную косу, то увидел шумно приближающихся к нему рыбаков. Они шли и грозились шестами. Невольно зачесалось под лопатками. «Ки́ря», — позвал заместителя. Нет Кири. Заместитель без оглядки отмерял третью часть версты. Аркадий вскочил. Рыболовецкая артель остановилась и, как по команде, дружно взяла шесты на изготовку: так когда-то их учил Максим Сотников ходить в атаку на японцев. «Ах ты-ы-ы!» — вместо «ура!» гаркнули бывшие дружинники и кинулись к бережочку. Вперед выделился Анисим. Он бежал, выдвинув левое плечо, и баял: «А-а-а!». Его бородища развевалась, как хоругвь. «Красиво! — вспыхнуло на миг в голове Аркадия. — Недаром Агафангел завидовал: «Мне бы бороду да голос Анисима — давно бы в городе дьяконом служил». Вспыхнуло в голове и потухло, теперь вместо красоты он видел грозную фигуру со злыми глазами, ничего доброго ему не сулящую. Аркадий спохватился и полез на высокий юкельник. До вечера стращали. А ночью осторожно спустился и через густой кустарник выбрался на дорогу, вдалеке от рыбалки. От обиды слезы выжало...

Вспомнил Аркадий тот случай и взяло зло. Вышел к Анисиму и разгорячился:

— Хватит, Анисим, нас крестом пугать! С крестами вы пошли в город против Советской власти. Под церковным крестом врагов Советов приютили! И сейчас грозишься крестом нашему новому почину!..

Плач, выплывший из-за угла избы, на время оборвал его неистовую речь. Все притихли. По Партизанской улице уводили в город раскулаченных, а вослед им трепыхался на ветру лозунг:

«Кто за колхоз?

Кто за кулака?»

Аркадий продолжил наступление:

— Да знаешь ли, Анисим, против кого ты идешь? — Аркадий ткнул пальцем в сторону лозунга.

Анисим еще раз отбросил с груди бороду, но вместо ярости пришел испуг, и он попятился к старикам.

Аркадия сменил Мишка:

— Помните, как вы на рыбалке чурались меня, сироту? Только старик Ивов по нужде взял меня в напарники. Довольно унижаться, я — за колхоз!

Парни, ободренные выступлениями товарищей, один

за другим пошли ораторствовать. Щерба только успевал их похвально похлопывать по плечу.

В конце дня комсомольцы организовали вечерку. Щерба отплясывал «Барыню».

Весело в бывшем кулацком доме. Молодежь пляшет, старики возле стен на скамейках сидят, разговаривают, старухи в окошки заглядывают, перешептываются.

Весело на душе у товарища Щербы: процент коллективизации — восемьдесят. Все почти тут, в колхозе. Сначала ерепенились: привыкли к частной собственности, боженьку боялись. Больше недели уламывал. Слово не поддались, а как вывесил на избе лозунг «Кто за колхоз? Кто за кулака?» — сразу сознание проснулось. Завтра выберем председателя, а сегодня:

Барыня ты моя,
Сударыня-барыня!

К утру притомились, стали расходиться по домам. А в обед с почты принесли срочный пакет. Распечатали, глянули, прочитали и... О, мать честная! — перегиб... «Головокружение от успехов». Позвонили — подтвердили. К вечеру снова собрались. Уполномоченный на собрании довел до сведения сельчан:

— Кто яро упирался, чтоб не идти в колхоз, — может выходить. Лозунг снимаем...

Старики и часть мужиков направились к выходу. Молодежь осталась. Подсчитали: почти в каждой семье крестьянина есть колхозники, значит, можно ставить приблизительную цифру коллективизаций — шестьдесят. По такому случаю — «Барыню»!

Барыня ты моя,
Сударыня-барыня!

Старухи дома крестились: «Этот Щерба непременно черт, господи, спаси! Вон какой косматый и прыгает без удержу два вечера кряду:

Барыня ты моя,
Сударыня-барыня...

На третий день организационной суматохи выбрали правление сельхозартели и дали название колхозу — «Безбожник», в честь его организаторов — членов Союза воинствующих безбожников. Первым председателем колхоза поставили Савву Бобрякова.

Щерба полушутя сказал ему:

— Так что, уважаемый, передавай амбар-нашлавку в собственность колхоза и сам принимай руководство!

Председатель взялся за работу с горением, на ногах с утра до ночи. Но вскоре случилось такое, что у Саввы опустились руки, а Щерба впал в растерянность: в Мильково организовалась вторая большая артель из стариков и ушедших из колхоза «Безбожник» верующих мужиков.

Выборный председатель новой артели Виктор Михайлов как-то при встрече на улице весело похлопал по плечу Савву:

— Вызываю на соревнованию!

Щерба кричал в сельсовете на Василия Дедова:

— Куда вы, власть, смотрите?

— А че?

— А то, что у вас под боком организовалась незаконная артель. Самовольство! Тут явный подрыв колхоза «Безбожник». И почему их поддерживает директор школы? Ее никто не уполномочивал. Ее функции — учить детей! Где милиция?

— У себя, наверное.

— Немедленно найдите председателя-самозванца и посадите! Учтите, я буду звонить в город!

Николай Колесов привел Виктора Михайлова в милицию и с зубовным скрежетом сказал:

— Ну вот что, паря, шутил, шутил и дошутился до каталажки. В годах уже мужик и все с заковырками, с поддевками...

— Слушай, Николай, жить все хотят. И верующие — тоже люди. Куда они теперь пристроятся после колхоза с названием «Безбожник»? В одиночку трудиться на рыбалке им не под силу. Я не сам себя придумал председателем — люди меня избрали. Да и не в названии дело, главное, что неплохо придумали: организовали большую рыболовецкую артель. Знаем наверняка, с рыбой будем, зимой — с общей пушниной. А «Безбожник» пошел в землеройство, всю рыбу упустит. Наша рыболовецкая артель...

— Незаконная артель. И ты незаконный председатель! Не путай! — вскипятился Колесов. И вся ваша затея... Не знаю как и сказать... но, одним словом, я вынужден тебя до выяснения и указания посадить.

И незаконный председатель Виктор Михайлов первым обновил каталажку. А через пять дней его выпустили. За стариков вступилась Анна Викентьевна, она позвонила в город и рассказала о воинствующем Щер-

бе. Уполномоченному, видно, сделали замечание. Вторую артель переименовали в рыболовецкую бригаду, и она должна была третью часть пойманной рыбы сдать в колхоз.

Савва, довольный победой, наедине спросил Виктора: — Ну как живется, соперничек?

Тот, не сдержав смеха, ответил:

— Если бы не ваш колхоз — славно бы мне жилось.

— Ну ты, паря, неисправимый человек.

Так началась в Мильково колхозная жизнь.

На нижнем конце села от избы покойного Еланцева до глубокой рытвины наметили большой общественный огород — поле.

У крутого лога, на околице Милькова, взялись строить конюшню и коровник с пригонами, а пока решили: на вечер весь скот разбирать по домам. Боязно отдавать насовсем скотинку в колхоз. Сосет под сердцем у первых колхозников: «Кабы не прогадать да без штанов не остаться». Чтоб не забывалось имя старого хозяина, коров и лошадей называли по-новому, роднее: председатель Савва Бобряков свою кобылицу Соньку переименовал в Савчиху, Корелины своего жеребца Пятака — в Корелина, Плотников Савватей мерина Красавчика — в Саввку...

Были лошади с кличками, данными сообща. Так, жеребец Буян раскулаченного Нила Плотникова стал Кулаком. В общественном пригоне бегала кобылица Купчиха...

Лошадей было много, но использовать их в работе не могли: ведь в Мильково на конях ездили только верхом.

И вот в июньскую пору с Устей приплавляли на бабах по Камчатке-реке хомуты и плуги, а пояснения, как ими пользоваться, — никакого. Председатель «Безбожника» Савва Бобряков в отчаянии.

Из города запросили:

— Как идет пахота?

Пришлось в сводке втрое увеличить то, что бабы лопатами вскопали.

Отвечают:

— Маловато.

Удлинили рабочий день — бабы взбунтовались, сказали: «К черту такая работа!» И один день не выходили копать. К счастью, комсомольцы, листая какую-то кни-

жку, нашли картинку, где женщина ведет коня с плугом, правда, плуг немножко не такой и именуется сохой. Но не беда!

Вытащили на колхозный огород плуг с хомутом и вывели на первый раз из общественного пригона старенькую кобылу Савчиху. Специально подобрали такую, чтобы не взбрыкивала. Ее старый хозяин Савва сверху распорол хомут пополам, приставил две половинки к шее послушной кобылы и туго стянул их ремнями. Пристегнули постромки...

Глянули: как на картинке!

Пионервожатая Уля взялась за уздечку, чтобы напрямиком направлять кобылу, комсорг Аркадий — за вожжи, чтобы подгонять старую, а Михаил Мальцев — за плуг.

— Ну, с богом! — сказал председатель колхоза «Безбожник».

Савчиха дернула с места, и поползла черная ленточка...

БЕСПОКОЙНЫЙ МУЖИЧОК

Трещит по всем швам старая мильковская жизнь. Селу словно стало вдруг тесно, и оно пошло расширяться по сторонам.

Колхозники взялись раскорчевывать лес, который уперся с левой стороны Милькова прямо в первые избы. Здесь, на околице, прошлой весной у одинокого тополя медведь-шатун задрал корову Андрея Акиндиныча. Нахальный зверюга даже не испугался орущих на него ребят-пастухов. Тут же и стал жрать добычу. Хозяин скотины на месте разбоя пристрелил медведя и поглубже закопал его в землю. Мясо таких медведей не едят, оно кишит червями. От них шатун вечно голодный, не ложится зимой в берлогу.

Андрей Акиндиныч пришел на корчевку. Присел у одинокого тополя. Призадумался. Есть ему от чего задуматься.

После Щербы вскоре в Мильково приехал еще один бойкий представитель от области. На постой он тоже встал у Андрея Бобрякова. В первый же день приезда привел его Акиндин и сказал:

— Папа, надо, чтобы он жил у нас.

— Надо, так надо,— ответил отец.— Нынче не родители, а дети указчики в дому...

Обиделся Андрей Акиндиныч на сына. Тот раз привел такого квартиранта, что в пору самому из дому уходить. На иконы смотрит искоса. Анна Яковлевна молится, а он туды-сюды бродит, своими хромовыми сапогами на всю избу скрипит: хиря-хирь, хиря-хирь. От такого скрипа аж зубная боль появилась. Все-то у него получалось не по-людски, как будто он специально делал всем на зло. Сядет за обеденный стол и стрекочет без умолку, что сорока, или подденет на вилку картофелину и пойдет размахивать, как псаломщик перед хорами. Лампа у него за перегородкой чуть не до утра горела, весь керосин сжег. Все по бумаге черкал, черкал, словно писарь. Для дела столько высиживал или для видимости, глядите, мол, какой я работающий. Выхвалялся, что земли-матушки подноготную знает, на какого-то агронома учился. Хотел себя в сельском деле показать, но начальство оставило в городе. Молоденький, а занозистый: слово не даст старшему вымолвить. Все-то он знает, все-то он видел. Нагрохотал тут и уехал...

Этот выглядит иначе: уважает старших и в разговоре не выпячивается, все больше слушает.

Перебирает Андрей Акиндиныч квартиранта по косточкам, хочет поглубже в него заглянуть: нужный он человек для Камчатки или же так себе, проходной.

И кажется ему, что мужик неплохой: иногда пособляет по хозяйству, работает на совесть. И уж больно смекалистый. Деньги за квартиру и стол хотел сразу за несколько месяцев уплатить. Не взял. Живи пока так, посмотрю, кто ты на самом деле есть. Лет квартиранту будет с двадцать пять. По всему виду — русский. Гаврила Мальцев, поглядев на него, так сравнил: «Подвижный, как горнок, любопытный, что евражка». Действительно, верткий! Во дворе вкопал два столба и сверху к ним приколотил палку. Вертится на этой палке по всякому. Павел с Анкидином за ним повторить хотят, стараются. Каждый божий день на восходе солнца выскочит полуголым во двор и пойдет всем телом ломаться. Танец не танец у него получается, но интересно. Прохожие у забора останавливаются посмотреть на его чудачества. Поломается — и холодной водой обольется. Собаку Аттая взялся разному делу обучать: ползать с

ним на брюхе, в зубах записки на работу Акиндины таскать. Говорит, умный пес. Конечно, это забавно, но сказал ему: «Испортишь ты у меня, чудной человек, Аттая. Собака должна ходить в нарте да на охоту». Вздыхнул квартирант, опечалился. Не камчадал он — не понимает, зачем собаку бог создал... И насчет любопытства верно Гаврила подметил: «Любопытный, как евражка». Все бы ему знать: какие коренья съедобные, какие — ядовитые; какие речки и тропы за рекой Камчаткой; сколько да куда верст; чем охотники питаются в лесу. По вечерам повадился в карты играть. Подсядет около Анны Яковлевны и наблюдает ее ходы. Жена мастерица в картежной игре, трудно ее обыграть, особенно в «шестьдесят шесть». А эта игра самая азартная в долине — до утра некоторые заигрываются... Не бездельника ли взял на постой? Не должно быть, Акиндин с Павлом перед ним вытягиваются, что перед важным чиновником, значит, где-то служит по ихней линии. Попросил он парней научить его ходить на бату. За два дня учения уже мог перебирать шест руками как с правой, так и с левой стороны бата. На третий день твердо стоял на ногах как на носу, так и на корме. Похвально. И тут на-ка тебе: вырядился в рваную замусоленную одежонку и переплыл на бату через Камчатку. Загадочный этот человек по имени Василий, по фамилии Фильянов.

Сидит, думает Андрей Акиндиныч о своем квартиранте.

А Василий Фильянов тем временем бредет по прибрежной чащобе. На нем кепчонка без козырька, пиджачишко непонятного цвета, под ним, на теле, латаная рубашонка и в дополнение ко всему этому — штаны бумазейные и старые торбаза из яловой кожи. На спине горбится холщовый мешок, в который насованы сушеная рыба — юкола, молодая картошка, репа-масленка, соль в тряпице и сухари. Вместо чайника поверх мешка восседает закопченная жестяная банка. В руках черемуховая палка. Порой останавливаясь, Фильянов три раза кричал по-кукушечьи, каркал по-вороньи, стрекотал по-сорочьи. Ответа не получал. А лес густой. Над головой ольха с черемухой сомкнули лохматые ветви, не пропуская на землю веселые лучи солнца. Пахнет терпкой прелью. Ни птиц, ни зверей. Кругом какая-то кладбищенская тишина. Случись что-нибудь с тобой —

не дозовешься людей, да и не найдут тебя. Ноги то и дело срываются со скользких валежин, заросших мхом. В какую сторону идти — бог его знает. От густоты деревьев сумрачной чаще не видать конца. В ней не хочется не только отдохнуть, но и подкрепиться едой. По листве защелкали крупные капли дождя. Неожиданно лесная тень сгустилась, и в небо словно выстрелили из невиданной огромной пушки. Жутковато. Грохот прокатился из края в край. Анна Яковлевна говорит, что это Кутха бат по камням с реки на реку перетаскивает. Ничего себе сравнение! А может быть, ительмены намеренно уменьшали в байках силы природы, чтобы перед ними не было страшно?

Начали попадаться березы, и лес поредел, но трава стала гуще и выше. А вверху все еще шел бой ветров. Невесело свесили ветви деревья. Помутневшие листья не радовали глаз. Обильная роса заставила Фильянова остановиться. Выбрав поветвистей березу, он натащил под нее гнилых березовых пней, вывалил труху и сделал себе лежанку. Возле нее развел костер. Разделся. Выжал верхнее белье и с торбасами повесил его сушиться на ствол дерева. Подкрепившись всухомятку юколой, прилег отдохнуть. Тепло, исходящее от костра, сладко проникало в озябшее тело. Обогрев один бок, Василий подставлял другой. Незаметно с теплом пришла дремота и погрузила его в глубокий сон. Очнулся Василий от сердитого крика:

— Не шевелиться, сука!

Больно в бок уперлась деревянная рогатулина.

— Я не шевелюсь. Упаси господи, ходить с пропоротым брюхом,— осторожно повернул голову Фильянов на голос.

— Молчи! — нервно взвизгнул корноухий.

— Мольчу. Цо тут против силы попрешь?

— Филипп, обшарь его! — приказал корноухий.

— Дак он же в одних подштанниках,— ответил ему мужик с выпяченной нижней губой. Убрав рогатулину от Фильянова, он засмеялся, как закашлял.— Ках-ках-ках, у него, Красавчик, кроме мужского нагана, там ничего нету! Ках-ках-ках.

— Запомни, осторожность в нашем деле никогда не бывает лишней! — осмелел корноухий и подошел к одежде Фильянова.— Фу-у-у, какая вонючая ворона попалась,— брезгливо сморщился он. Фу!

— В кислую яму угораздило...

— Молчи!

— Мольчу.

Фильянов посмотрел вокруг и заметил, что бродяг было всего трое. Жалкие представители лесного воинства: рубахи и штаны у них неумело сшиты из мешковины, отмеченной клеймами разных компаний, торбасы старые, заношенные, из грубой яловой кожи. И ружье одно на троих. «Разведка»,— догадался Фильянов.

Корноухий развязал его рюкзак и вывалил содержимое.

— Ого! — обрадовался он и тут же взялся жадно жевать юколу.

— Ты чего, Красавчик, один объедаешься?! А мы с Филиппом? — рассердился третий. Он был косоват глазами, но по тому, как держал в руках дробовик, можно было с уверенностью сказать, что этот — лучший у них стрелок.— Ну, кончай! — глотая слюни, вскипел он. — Кому говорю, слышишь?

— Где это видано, чтобы рррядовой командовал начальником ррразведки? — прорычал Красавчик.— Ты, Кондрррашка, бррррсь!

— Это ты брось! — вырвал у него из рук юколу Филипп.

Три рта в один момент отправили в свои утробы половину съестного. Икнув, Кондратий проурчал:

— Кто-то нас вспоминает,— и тут его взгляд упал на Фильянова.— Присоединяйся, парень, не то голодным останешься.

— Не смеет. Это наш трофей! — запротестовал Красавчик.

— Не шуми, начальник,— махнул Филипп на корноухого рукой.— Если мы принесем трофей на стан, то его Утонов отнимет, да еще и нас в чем-нибудь заподозрит.— Ешь, парень. Как тебя зовут-то?

— Василий. Вася.

— Васину еду надо прикончить,— предложил Кондратий.— У Утонова кобель Капитал больше жрет, чем мы втроем.

— Верно подмечено-с,— согласился Красавчик и незаметно сунул одну юколу в карман.— Вася, вскипяти нам чай! Нет, сначала картошку свари, потом чай. Попируем, братцы! — подобрел начальник.

— Давно бы так! — боком глянул на него Кондра-

тий.— Хватит корчить из себя главного. Все мы под грязной утоновской пятой. Нашелся начальник разведки! Учуял дымок — враг идет.— На такого же бродягу наткнулись. Разведка не такая бывает...

— Мне приказали.

— Не смей — «приказали». Сам хорошо знаешь: у нас не отряд — один смех.

— Утонов может узнать, тогда...

— Ты, проститучий барин, только посмей нашептывать! — щелкнул нижней губой Филипп.— Воронам на корм пойдешь.

— Вы не так меня поняли, друзья. О Васе нам требуется узнать. Все равно там чего-то придется говорить.— Красавчик достал блокнотик и карандашик.

Но его опередил с вопросом Кондратий:

— Вася, ты откуда?

— Я тут-ка, в Мильково жил. У богатого Нила в работниках ходил. Нынче его под пушкой мерять версты до Петропавловска повели. И меня посчитали за подкулачника, в каталажку хотели посадить, но я вовремя пятки смазал. Безродный я, ребята.— Фильянов тяжело вздохнул и взгрустнул.

— Но? — свел глаза к переносице Кондратий.— Так мы в какой-то мере приходимся родней!

— Постойте, постойте. Позвольте-с...— поводит указательным пальцем Красавчик.— Откуль у тебя репка, юколка, чаечик?

— Дак мне в казенку друг, другой работник Нила, тишком всякое приносит. Его посчитали бедняком и приняли в колхоз «Безбожник». Я хотел в этот раз мешок шоколадом набить, да сторож помешал...

— Не ври, допрошаемый! — вытянул лицо Красавчик.— Такую сладость можно только в ресторане пробовать!

— Охолонь, начальник. Зачем пугать парня? — обронил слова Кондратий и яро зачесался спиной о дерево.

— Скажи ему, Вася,— щелкнул губой Филипп,— а то он от нетерпежа давится.

— Но-но! Отвечай, допрошаемый.

— Дак сам остановил. Нонче кооператив приплавил на барже в казенку всякого разного добра: сукно, сапоги, ситец, сахар, соль, пряники, конфеты... Много-много всякого и, ей-богу, не вру: один шоколад потом из меня вытекал!

— У-яух! — сладко простонал Красавчик и, вытащив из кармана припрятанную юколу, взялся ее смачно сосать.

— Прикарманил! — боднул в его сторону Филипп. — Нехорошо делаешь, начальник! За такое бьют долго и больно.

— Ребята, как-то оно само собой получилось. Вы делите все, я согласен... Утонову не скажу. Вася, а нельзя ли там подзапасться?

— Конечно, можно! Я было там возле палаток неплохо устроился, но у сторожа Афоньки-раскоряки собака злая. Учужала проклятая. Почти новые штаны попортила стерва этакая. Сам-то криволапый в темноте стращал, что в следующий раз мою кожу дробью продырявит. А кому приятно такое? Скажите на милость.

— Нехорошо он делает, — повертел головой Филипп. — За такое бьют ой как долго и больно!

— Я и перебрался на другую сторону реки, — продолжал Фильянов, — да вот заблудился маненько...

— Стоп! Где бат взял? — насторожился Красавчик.

— Он у меня всегда был наготове, в тальниках прятал. А че?

— К слову пришлось, Вася. К сожалению, дружок, отпустить мы тебя не можем, придется немножко с нами пройтись.

— Да ты, Васек, не бойся! — вскинул на плечо ружьишко Кондратий. — Ребята, надо наших уломать на вылазку к складам. Без продуктов совсем худо стало. Пойдем, начальник, домой. Едишку прикончили, делать тут нечего. Утонову много не трепись, говори: встретили-де беглеца из Милькова, голодного, прихватили с собой для рассказа. О брезентовых палатках послаще пой — ты мастак в таком деле. К подходу брюхо подтянем — пай больше дадут.

Красавчик закончил писанину, смерил на вытянутую руку ладошкой промежуток от светила до стены Срединного хребта.

— Братва, в аккурат придем до темноты. Я — впереди, вы — за мной. Марш.

Шли не спеша, тяжело, как скотина с пастбища. Красавчик что-то беспрестанно жевал на ходу, и когда идущий за ним Филипп недовольно буркнул: «Под рубаху юколу сунул, гадина!», тот раскрыл рот и выплюнул кусок:

— Назад она вылезит!..

Вышли на поляну. Нанесло дымком. Дальше уже шла торная тропа. Чувствовалось поблизости становище.

«Наверное, ихнее жилье»,— подумал Фильянов. И тут словно из-под земли в ста шагах от него вырос огромный медвежатый пес и с глухим редким лаем бросился навстречу.

— Капитал, Капитальчик! — ласково задолдонил Красавчик.

— Влетай, Вася, в середку,— предупредил Филипп.— Капитал, тута-ка все свои!

Пес со всех сторон обнюхал Фильянова и встал в собачьем раздумье — кусать или не кусать незнакомца?

Красавчик сунул руку в торбас и извлек сухарик.

— На-ка, Капитальчик. Тебе гостинец от зайчика.— Он подбросил псине припрятанный на черный день хлебушек.— Э-эх,— вздохнул, услышав, как на зубах собаки приятно прохрустело. Капитал повернул к дому. А четверка двинулась дальше.

В низине около допотопных жилищ неуклюже бродили трое оборвышей. Тут же, у ручья, лениво горел костер. У котла хлопотал одноглазый мужик. Завидев дозорный отряд, он ударил по тазу. Из жилищ выскочили с котелками лесные бродяги. Они с любопытством рассматривали Фильянова, которого вели к самой дальней большой юрте. Но вход к ней преградил Капитал: он предупреждающе зарычал и лег у дверей. Вышел Утонов.

Красавчик залез безил:

— Вот Васю нашли. Бежал он из Милькова—подкулачник. Тут в блокнотике все написано,— протянул он Утонову свои записи.

— Ты и ты,— ткнул он пальцем в Красавчика и Фильянова,— заходите ко мне. Филипп с Кондратием, идите отдыхайте. Скажите повару, чтобы он вам дал полторы порции... Капитал, не трогай. Заходи, беглец.

Фильянов зашел в юрту. Посередине юрты вытянулся крепко сколоченный стол под зеленым сукном. У входа раскалилась охотничья печь. С одной стороны широкие нары, заваленные мешками, с другой — деревянная кровать с меховой постелью. Прямо над дверью приделана оконная рама. По бокам стола—скамейки. Чистота. Пахнет березовыми вениками.

«Чистюля», — отметил про себя Фильянов.

— Говоришь, беглец? — грузно опустился на скамью Утонов. — Порядочно накатал, Красавчик. Это хорошо, но еще лучше будет, когда сам беглец мне про все расскажет. Что-то гляжу на него и не припоминаю такого работника у Нила. Кто тебя послал сюда, Вася? Так вроде назвался?

— Вася я. Вася. Пошто не верите?

— Не верится — вот и не верим. Когда ты у Нила работал?

— Сначала я работал у Су-Лин-Туна. Он переехал в город и меня туда взял. Когда стал удирать, передал за долги Нилу.

— Кто приказчиком был у Су-Лин-Туна тогда в Мильково?

— Евгений Плотников. Да чего вы мне не верите? Там пугают, здесь не верят!

— Охолонь, охолонь, Вася. Где батишко-то оставил?

— У дикарских ям. В ручеек затащил и ветками закидал.

— Дикарских ям по Камчатке много.

— Напротив казенки. Те, что лесные бродяги раскопали. Говорят, серебряную посуду откопали. Я тоже хотел покопать...

— Не ври, Вася. Откуда у дикарей могла быть серебряная посуда? Тогда, выходит, они были цивилизованными, а вы дикарями. Дуй дальше.

— Если от дикарских ям переплыть Камчатку, попадешь на островок, я там в тальниках прятался. С островка до палаток недалеко. Лесисто идти и безопасно. Афонька худо караулит, только собака у него чуткая.

— Какой Афонька?

— Раньше называли в народе Казачок Кривые Ноги.

— Ну-ну, — хитро прищурил левый глаз Утонов и в сладкой улыбке застыл на миг. — Хе-хе. Выйди-ка, Вася, пока отсюда, — показал он рукой на дверь, — да подумай о грехе, содеянном тобой...

— Опять не верите?

— Верите — не верите!.. Иди к костру, скажи повару, чтобы тебя накормил. Да не болтай о нашем разговоре, бедняга.

Фильянов вышел из юрты и рахлябанной походкой подошел к огневищу.

— Накормить меня велели!

— Ох ты какой стал! — дико засмеялся толстолицый повар, обладатель отвислого живота. — Ишь чего захотел! Филипп, наломай-ка прутьев, мы его споначалу березовой кашей накормим. Я при губернаторе славно сек. Рубель за штуку давали.

— Сек да себе глаз-от и высек, — насмешливо подал голос Кондратий. Он подошел к Фильянову и похлопал его по плечу. — Вася необходимый нам человек, так что, Колобок, не трогай его — неприятности могут выйти. Понял?

— Не бери меня на «понял»! — огрызнулся повар. Но, глянув на улыбающегося Фильянова, мягче сказал: — Бери, парень, вон костяную ложку. Сам накладывай, а я должен еще накормить их, — мотнул он головой в сторону юрты Утонова.

Вытащив из котла рыбы головы, повар спешно покинул бродяг.

— Вынюхивать покатился, — нахмурился Филипп. — Ты, Вася, с ним осторожней. Палач. Тупой, что наш колун. Утонов возле себя его из-за силы держит.

— В любимчиках у него ходит, — дополнил Кондратий, — оттого и животина, как у беременной бабы. Поглянь, рыбы напластал много, а сварил мало — на соленье начальнику оставил.

Фильянов посмотрел на берег. Там, на песке, валялись кости от свежеспластанной рыбы. Тут же на жердях висел хайко, разделанный на юколу. На воде покачивался легонький плотик. «Хорошее место для стоянки выбрали бродяги, — определил он. — Речка богатая рыбой. Под боком, в заводях, поди, уток полно. Коль картошку подкапывают на обед, значит, огород завели, лешие...»

— На совет! — оборвал его мысли голос Красавчика.

— Хватит объедаться, по серьезному делу вызывают, — погнал от костра бродяг подошедший повар. — Потом почаете.

Недовольные, они кучкой двинулись к юрте Утонова. У костра остались вдвоем — Фильянов с поваром. Опростав миску с гольной рыбой, Василий уставился на любимчика Утонова. Тот по-вороньи каркнул и высунул ему язык.

— Васька-бедняжка, сперва помой посуду, да с песочком, чтобы, как луна, блестела, после чай приготовь,

потом на берегу лопаточкой поиграй — кости в землю закопай.

— Ты мне не начальник! Сам помой, сам приготовь, сам закопай.

— Врешь, парень. Красавчик передал тебя мне в работники на сегодня, а может быть, и навеки веков. Подчиняйся! Аминь.

Фильянов стаскал посуду к речушке. На первой же миске он заметил нацарапанную фамилию хозяина. Пометки были и на ложках. Стараясь не привлекать внимания повара, Фильянов зашел за береговой выступ и, грохоча посудой, начал вычитывать надписи: «В. Зах.», «Л. Пуп», «Моя Расторгуй»...

«Ишь ты, — усмехнулся Фильянов, — оказывается, в бродячей артели на мелочишках стоит печать частной собственности... Постой, постой... Расторгуй... да уж не тот ли церковный служка, которого разыскивают по Камчатке милиция и церковники... Этот...».

— Ты чего тут рассматриваешь, Васенька? — упал сверху ехидный голос повара. — Али золото нашел?

— Да вспомнился Расторгуйчик. Жил в селе...

— Падла, а не человек. Прильнул к нам... Все вынюхивает, вынюхивает, как собака... А ты чего всю посуду сюда сволок?

— Ты мне сказал: всю посуду продраить песком. Вот решил тебе понравиться.

— То-то, парень! Ты меня слушайся. Расторгуйчик на охоте, бить линялых уток ушел. Завтра в полдень должен заявиться с ребятами. Повстречаетесь... Давай работай! Постой, где ты научился читать!

— У дьячка Агафангела.

Фильянов помыл посуду, вскипятил чай и пошел закапывать рыбы кости. А в голове засела мысль: «Как вести себя при встрече с Расторгуйчиком?»

Поселили его с Филиппом. При тусклом свете слепача до утра резались в карты. Бродяги удивились мастерской игре пришельца. Похлопывали его по плечу. Жали руку. Приходили картежничать и другие.

А утром, на рассвете, в юрту вошел с пустыми мешками на плече Красавчик и кратко приказал:

— Пошли!

— Куда? — любопытствовал Фильянов.

— На твои шоколадные склады. И ты, Вася, потащишь мешки.

— Пошто я?

— Не болтай! Сложи их все в один и топай.

На дело Утонов направил десятерых. Сам он с Капиталом пошел позади отряда. Фильянова поставили в середку, под надзор повара. Первым пошагал Красавчик. Вел он отряд уверенно, зная, не единожды приходилось ему ходить в селение. У дикарских ям Фильянов из заросшего тальником ручья вывел на реку бат.

— Перевози порознь в две группы. Меня переправишь последним,— приказал Утонов.— Коли ходил в работниках, должен хорошо править на бату. Ну!

Фильянов заметил, как внимательно Утонов следит за каждым его движением. Когда он перевез его на другой берег, тот похвалил:

— Мастерски толкаешься. Батик я сам поставлю.

Сильными толчками Утонов направил бат за кривун в тальники.

— Ребята,— прошептал Фильянов,— вы постойте тут, а я пока заберусь на дерево, посмотрю, чего у палаток творится.

— Дуй,— дал согласие Красавчик.

Фильянов быстро взобрался на дерево, незаметно потряс ветвями и спустился вниз.

— Ну как? — спросил Красавчик.

— Нормальненько. Один Афонька там. У костра копошится. Собаки близко не видать. Можно подойти...

— Ты зачем на дерево лазил? — пробился через кустарник Утонов.— Кто разрешил?

— Я,— ответил Красавчик. То есть, мы, чтобы он посмотрел, как там у складов. Один Афонька у костра копошится. Собаки не видно.

— Смотри, Васенька, коли что не так — тебе первая пуля. Пошли.

Когда они прокрались к палаткам, Афоньки у костра уже не было. Он под яром разделывал рыбу на уху. Утонов пополз к нему.

— Стой! Руки вверх! — неожиданно прикрикнул Фильянов в спину бродягам, бросившимся уже было к сельским запасам.

— А мы сдаемся! — первым взметнул руки вверх Красавчик.

Утонов скатился под яр, но тут в него сцепился Афонька.

Сторож радостно заорал:

— Скорее сюда! Главаря держу...

Удар по зубам огромным кулаком прервал его крик и опрокинул навзничь. Утонов увидел бежавшего к нему Фильянова и, не целясь, выстрелил. Тот послал ответный выстрел, затем, прикрываясь мешками, стал пробираться меж деревьев к яру. И когда уже у обоих иссякли патроны, Утонов дал команду своей собаке:

— Капитал, взять его! — И сам под прикрытием яра бросился убегать в сторону к тальникам.

Только Фильянов вскочил на ноги, как огромный пес свалил его и начал рвать. Тут же Акиндин, державший под ружьем бродяг, отпустил поводок и скомандовал:

— Взять, Аттай!

Аттай прямиком по кустам метнулся к черной собаке, с разбегу ударив ее грудью, отшвырнул в сторону. Капитал вскочил, зло зарычал, оскалив пасть. Вздвигив загривки, псы бросились друг к другу, вырвали клоки шерсти и отскочили...

— Вон, вон кругленький удирает! — заорал вылезший на берег окровавленный сторож. — Держите его! Товарищ начальник, ловите его!

Фильянов увидел летящего по кустам одноглазого повара, крикнул:

— Акиндин, Афанасий, держать под прицелом этот сброд. Павел, за мной.

— Ложись, гады! — приказал Акиндин бродягам. — Афанасий, встань с ружьем с другой стороны.

А собаки стояли друг против друга и, приглушив рычание, выбирали момент для броска. Все в них было собрано в единый мускулистый ком.

Капитал — толстолапый, густошерстый пес. Домашняя собака превратилась в дикого лесного пса, не ведающего ласки, не знающего страха. Внешне красивый: белые оконечности всех четырех лап; на лбу белесая звездочка, а сам черный, как смоль; широкая, крепкая грудь. Несмотря на грузность, он был легким и вертким. Глаза полночного тумана сейчас горели холодным огнем. Все в нем клокотало злобой. Дикарь. Такой будет драться на смерть.

Аттай — потомок горного волка. Почуввав в противнике чужой лесной запах, примерился, как бы наказать этого нахала, сильнее, чем он наказывал провинившуюся собаку в упряжке хозяина. В нем не было той злобы, которая клокотала в противнике. Но приказ...

И он первым кинулся на врага, схватил его за загривок, но только набил пасть густой жесткой шерстью, не достав зубами до шеи. Лесной пес легко вывернулся и крепкими клыками полосанул противника по лопатке, распоров ему шкуру до мяса.

Аттай отскочил. И тут в нем пробудилась ярость, взбурлила кровь отца-волка. Он во всю свою силу ударил грудью пришельца в бок, опрокинул его и вцепился в шею, пытаясь достать зубами горло. Но Капитал мощными лапами сжал голову Аттая, и они пошли кататься клубком в диком рычании. Поводок запутался в кустах, притянув Аттая к земле. Он отпустил шею противника. Капитал встал над головой беспомощного врага, готовый сомкнуть свою крепкую челюсть на открытом его горле.

Акиндин, увидев поверженного Аттая, крикнул сторожу:

— Держи утоновцев на прицеле! Кто пошевелинется — стреляй! — А сам поспешил на помощь Аттаю.

И в этот же момент откуда-то издалека донеслось:

— Капитал! Капитал, ко мне!

Лесной пес огрызнулся на бегущего Акиндина, прыгнул под берег и бросился на зов хозяина.

На середину реки выплывал бат. На нем сидели Утонов с одноглазым поваром.

— Капитал! — позвал Утонов.

Пес кинулся в воду и поплыл на другой берег. На яр выскочили Фильянов с Ичангой. Ичанга вскинул ружье к плечу, целясь в плывущую собаку, но Фильянов отвел его в сторону.

— Не надо его убивать... Что такое? — прислушался он. — Звон какой-то.

— Наши ребята должны сегодня колокола снимать, — ответил Ичанга.

СТАРИКОВСКАЯ

Рухнул с церкви колокол, отлитый когда-то в Верхнем остроге мастером Ивановым, ударился о земную твердь и откололся от него потухший медный кусочек.

Последний раз перекрестился на белый осиротевший храм Андрей Акиндинович, положил в походную сумку небольшой кусочек колокола на память и, не оглядыва-

ясь, заторопился по тропе к стариковскому летнику.

Рухнули в Мильково старые устои.

Откололись, ушли из села старики и верстах в семи вверх по Камчатке на берегу широкой протоки поставили амбары и балаганы. С тех пор зовут ту протоку Стариковской, а места вокруг нее — стариковскими. Своя здесь артель, свой тут старшой — Андрей Акиндин-нович, или попросту Акиндиныч.

Раз в неделю на Стариковскую приходят к старикам их жены с внуками, приносят кое-что из свежее испеченного да сельские новости.

Вот и сегодня под общим балаганом за длинным обеденным столом сидят всей артелью старики, ждут новостей. Молчат старухи, боятся за обедом разговор заводить, ненароком огреет муж: затараторила, сорока! Как не подавишься? А мужьям невтерпез, но виду не подают.

Парфентий Бобряков строго посмотрел на Арину.

— Цо, кол проглотила? Али касамольцем стала?

— Господь с тобой, Парфентий, будто бы у меня домашних делов нету, а только и знай бегать за касамольцами. Ох, как они нас напугали под рождество Иоанна Крестителя. Ишшо до этого ходил слушок, дескать, Дергунов из города привез живые картинки...

— Какой-такой Дергунов?

— Да ты его не знаешь, недавно он у нас. Ходит весь замасленный, пахнет от него недобрым...

— Затараторила. Скачешь с ветки на ветку. Какие картинки-то?

— Необнакновенные. Сам меня перебил... Но мы, конечно, не верим слухам, мало ли что могут наговорить.

— Надо ж брехунам до такого додуматься! Говори дальше.

— Смотрим, ходят по избам касамольцы, зовут нас: «Дорогие бабушки, очень просим вас прийти в кузницу Вадима Ремизова смотреть живые картинки». И в самый праздник опять появились ребята. Упросили-таки. Пошли. Народу в кузнице, хотите вы, люди, верьте, хотите — не верьте, много было, что на богослужении. Посадили нас впереди на скамейки. Перед носом на стене белая простыня приколочена, над головой пузырек стеклянный на проволоке качается. С другого конца кузницы, как я заметила, два колеса: одно побольше тарелки, другое — поменьше; рядом на скамейке

привинчена круглая чугушка, из нее торчит длинная железная ручка. Кума Аграфена недовольно закричала: «Цо в потемки привели? Игратся в «поруки» задумали? Зажгите свечки!». Аркашка Плотников, касамольский заводила, стал крутить железную ручку, тут пузырек-от, о, господи, возьми да и зажгись. Светло стало, как летом на полянке! Перекрестились мы. Дергунов, это который все время замасленным ходит и нехорошим пахнет, навел на простыню «зайчик»—и пузырек погас. Глядим, появились незнакомые люди с лопатками и ведрами. А потом, господи, спаси, выскочил табун коней и понесся прямо в кузницу. Аграфена с испугу закричала: «Кони, куда! Куда!» Все вскочили со скамейки. Аграфена к двери — и мы за ней... Ну, а кто остался до конца, те рассказывали нам, мол, после было интересно смотреть живые картинки и не так уж боязно...

— Поди врешь, старая?—не поверил Парфентий.

— Вот тебе крест. Истину баила,—побожилась Арина.

Старухи кивком подтвердили рассказ товарки. Тут за столом осмелели ребятенки. Кленька, внук Парфентия, застрекотал:

— Этта, помните, зимой зубастые колесья с железьяками привезли на нартах в кузницу? Так Вадим с Кехой Карпухиным из них сделали трактор «Фордзон». Ох, и прытко бегают! Как Вадим выехал на Партизанскую, да как понесся на нем, так в яму и залетел, ей-богу! Потом двумя конями трактор вытаскивали. Выкатали. Теперь на него Кеха запрыгнул. Понес его «Фордзон». А в ту пору с Поперечной улицы Самсон вышел. Увидел он трактор и припустил бежать! Загородки везде высокие, калитки закрыты. Залетел трактор в нее и затих. Сел Самсон посреди дороги, оборки на торбасах завязывает, а сам хвастается: «Фу-фу-фу! Пошто, каналья зубастая, не попробовала догнать?» Смотрит: кони трактор из канавы выволокли. Старик скорее в огород к Мальцевым шмыгнул...

Старики ухмыльнулись.

— Все? — спросил Парфентий.

— Все,—радостно ответил внук.

Тут к Кленькиному лбу больно прильнула костяная ложка.

— Не смейся над старшими, охальник! — заключил дед.

Старики кивнули головами.

Все пришедшие на Стариковскую обычно после обеда нагружались рыбой: сушеной, вяленой, соленой, свежей и отправлялись в обратный путь. Но иногда внуки оставались ночевать на летнике. Радости-то сколько было тогда! Заиграются ребята в лесу, поздно возвратятся к балаганам, а строгие дедушки трапы навёрх подняли, приучают внуков к порядку, к послушанию. Тогда каждый из ребят подбегает к балагану своего деда и виновато кричит: «Простите! Мы в бане ночуем!» Сверху строго падает: «Не спалите нам баню! Утром сам сруби прут для своей порки». Ребята рады-радешеньки. Заберутся в баню, засветят жирник, рассядутся кружком и заведут до утра разговоры. На байки они мастера — сказками да песнями с рождения напоены. Обычно больше все рассказывал Егра, внук Акиндиныча. С ним каждый день что-нибудь происходило, а может быть, сам парнишка выдумывал. Жил он у бабушки Анны Яковлевны, так как дома ему часто устраивали порку за разные проступки. На этот раз он убежал из дому надолго, зная наперед, что отец без доброй порки последний проступок ему не простит. Получилось все это как-то нелепо. Утром Егра с отцом и матерью отправился на колхозный огород. Родители стали окучивать картошку, а он решил в общественном пригоне покататься верхом на колхозном бычке. Ловко подманив травой к забору лобастого Ваську, он с ограда запрыгнул ему на спину. Тот с ревом заскакал по пригону, перепугав всех телят. Завидев бегущего с прутотца, Егра рванул домой. На двери избы снаружи была задвинута щеколда и приставлена палка, говорящая, что дома никого нет. Но в комнате кто-то ходил и громко кашлял. Перекрестившись, Егра без оглядки бросился к реке Антоновке. На берегу бедокур нашел своих друзей, беспечно удивших гольцов. Убедительно рассказав о том, что в доме «чудится», парнишка повел их на бой с нечистым. Вооруженные тремя жердинами, друзья подкрались к окнам. В избе раздался затяжной кашель. Ребятишки уж было повернулись спиной к избе и приготовились показать нечистому пятки, как громкий Егрин голос вновь вдохновил их.

— С нами крестная сила! — прокричал он.

И три жердины разом проткнули окно... В избе за-

ревело, а ребята с испугу порхнули кто куда. После выяснилось, гостивший у рѳдников дедушка Лука, крепко подвыпив вечером, лег ночевать на полу и ночью далеко закатился под широкую деревянную кровать. Утром его не заметили, подумали, что он ушел гостить по селу, взяли да и закрыли дом на щеколду. Дедушка не серчал на Егру, но отец был готов семь шкур с сына спустить за разбитое стекло. Стекло в Мильково завозили очень редко и его берегли, а тут такой ущерб! Волей-неволей пришлось матери заткнуть проемы подушками...

Сидят ребята в бане, ждут Егрину байку. Рассказчик свернул «сигарку», прикурил и закашлялся. Потом достал нательный крестик и побожился:

— Ей-богу, так это было!

Сказал и умолк.

— А как? — спросил нетерпеливый Кленька.

— А так! — продолжал Егра. — Все вы, конечно, знаете, какая жадная старуха Евлениа Васчиха. Коднись позвала она на Едому за ягодой меня и еще Гриньку, Петьку, Гавру, Федулу, Коросту. Пришли мы на Едому. Ягоды — ой-мой! Евлениа сразу начала учуривать кусты: «Чур куст, мой куст. Чур, все рядом мои кусты!» Видим, нам тут делать нечего — потопали дальше. Старуха давай нас не пускать, забежала спереди, страшит: «Там медведь на днях телку задрал и вас тоже сожрет, а мне — отвечать». Ой-мой! Ребята сдрейфили, я тоже не захотел дальше идти. Стали Васчихе помогать ягоду рвать. Быстренько насобирали ей полный туес. Сели отдохнуть. Гринька полез на березину, я — сворачиваю сигарку. Только прикурил — ой-мой! Гринька быстрее соболя по веткам на землю слетел и молча от нас драпанул. На бугре не забыл нам крикнуть: «Там медведь!». Это он, гадина, специально молчал, чтобы первым удраť. Когда он крикнул, то я в это время сильно сигарку соснул и закашлялся. А когда откашлялся, ой-мой! — ребята уже на бугре пятками сверкают, позади их Васчиха с туеском скачет. Я от березы вдогон за ними будто птичкой порхнул, ей-бо, над землей полетел! И надо мне было тот бугор стороной пролететь, я, дурья башка, взялся напрямую отмахивать и только поравнялся с Евленией, как она в меня вцепится, словно иллариевский кобель, да благим голосом заорет на весь лес: «Ой, медведушка, ты не ешь меня,

лучше вот Егру слопай — он жи-ирный!» Ой-мой, чувствую, из легонькой птички превращаюсь в тяжелую ворону. Тут взмолился на небеса: «Господи, помоги-ка!» Гляжу, в руке сигарка дымится, давай ею в старушечьи руки тыкать. Евлениа еще сильнее заорала, но меня отпустила, и я дальше полетел. Нагнал ребят, перемахнул через кулигу, тут уже, слава богу, избы видно. Остановились у ручья Амшарика, как запаренные кони, никак не отдышимся. Считаем: нас пятеро осталось, Гринька не в ту сторону унесся. Чуть-чуть отдышались, глядим, Васчиха к нам идет, рядом Толман Спиридон ее туес несет. Ой-мой, мне оставаться на месте не к чему, побежал домой. На завтра Федула рассказал мне, что Гринька черную комолую корову с медведем спутал. Вот пучеглазый филин! Теперь Евленин старик мне хочет уши оторвать. Ой-мой!

Ребятня рассмеялась и тут же стихла. От собачьего стана тянулся одинокий вой, пронзая замершую тишину.

— Наш Байбак воет,— определил хроменький Виталька Пермьяков.— Завтра его дедушка убьет, говорит: «Состарился вожак».

— Это правда, что вашу Марфуньку цепями к стене привязывают, когда отец ест? — тихо спросил соседа Леньку вертопрах Кленька.

Ленька промолчал. Он был здесь чужим среди черноглазых сверстников. Его отец приехал с материка, а мать тутошняя, мильковская. Ребятишки Леньку кличут давнайкой, то есть нездешний. Мальчишка пришел на Стариковскую с запиской от отца, в которой тот просил рыбаков засолить ему бочку рыбы и приплавить в Мильково, за это обещал достать им дрови.

— Говорят, если Марфушка сорвется с цепи, то все пенки с молока соберет и мерзлую рыбу в кладовке съест,— снова заговорил Егра.— Трое мужиков не могут с ней справиться — такая сильная. Ой-мой. Сказывают, ее отец привязывает, чтобы матери за измену отомстить. А?

— Врут! И вы врете! — прорвало Леньку.— Вас не покорми-ка, то вы бы собачью кислую рыбу съели. Ее кормят! Марфуньку повезут в город лечиться от любви!..

— Не ори, давнайка, а то на улицу вытолкаем! — предупредил Кленька.— Ишь, какой недовольный! Такой болезни любви не бывает.

— Не шевельте его,— попросил Андрюшка, внук Акиндиныча.— Его отец может дрови не дать дедушкам. Давайте ляжем спать. Завтра нас пороть обещали.

— Охо-хо, прости нас, господи, грешных,— вздохнул Егра.

Ребятишки разместились удобнее на полу, прижались друг к другу.

А над черным лесом по струнам горных рек последней песней носился вой вожака Байбака...

Летняя ночь недолго баюкала землю. Над Валагинским хребтом, как смущенная девица, зарделась зоренька. Звонко застучал по сухому дереву дятел, жутко захохотали гагары, со свистом пронеслись над рекой чирки. Загомонили леса. На берегу залаяли собаки. Закашлялись на балаганах деды. Проснулась долина!

В бане забеспокоились ребята. Вертлявый Кленька стал поучать дружков:

— Прутья срезайте, братцы, тальниковые, они не так больно пристают к телу, как другие, и быстро ломаются. Не вздумайте принести черемуховые — эти гибкие, крепкие и садкие...

Ребятишки сбегали в тальники, нарезали прутьев и неохотно подошли к балаганам. Старики для виду несколько раз хлестнули внуков по подставленным задам и пригрозили: «Больше так не делайте!»

Парфентий хватился:

— Смотрите, люди добрые, чего в руках держу! Кленька-то прутик от багульника сломил, без очков и не разглядишь. Ну-ка, лукавый, марш за черемуховым, да срезай покрупнее, двойную порцию выдам...

— Дедушка, там комарно и глубокие ямы нарыты,— заелозил внук.— Я в следующий раз обязательно черемуховый принесу.

Старики покачали головами:

— Ну и Кленька!..

Почаевав, внуки нагрузились в меру своих силенок рыбой и веселой стайкой двинулись домой. Сопроводить их отправился Акиндиныч. В первое время до Стариковской добирались только батами. Далеко и трудно было пожилым рыбакам толкаться шестью против течения, тогда попробовали пробираться через густые заросли кустарника и леса. Теперь же до самого тракта тянулись глубокие узкие тропы. На всем пути были расставлены вехи, на концах которых белела бе-

реста. Через коварные речки для перехода с берега на берег лежали огромные деревья. И все же по старой привычке кто-нибудь из дедов шел с внуками в село, «чтобы не заблудились ребятенки».

Как бы родные места ни были перенасыщены лесами, цветастыми полянами, дичью и зверьем, старики чтили природу и требовали этого же от своих детей и внуков: без надобности не губить деревья, не убивать летом птицу и пушного зверя, осторожно разводить в лесу огонь. Все подземные родники обкладывались камнями, рядом с ними на дереве висели берестяные чумашки. У каждой семьи был свой станочек. Костерок разводили на одном и том же месте. Правда, когда приходили несколькими семьями к роднику, то садились чаевничать у одного костерка — делиться в обществе не принято.

Внуки остановились на отдых у Второго родника. Все расположились у станочка Бобряковых. Андрюшка с Егрой тут считали себя хозяевами: быстренько развели костерочек, достали из своих мешков свежую рыбу и начали готовить обед. Их друзья натаскали сушняк на дрова, очистили все родники от мусора, нанесенного ветром, и веселой стайкой расселись у сотворенного ими огня.

Дедушка, отстраненный внуками от забот, расположился под ветвистой березой и задумался над смыслом новой жизни. «Колхоз «Безбожник» — надо ж было парням додуматься так назвать свою еретическую артель. Старые названия местечек переименовывают на новый лад. Старинную горку Пономарь называли Веселой горкой... Что твои птицы: поотрастили крылья и — прощай родители. Все старые устои нарушили. Ох, поначалу крепко обиделись старики. Федор Винокур задумал отделиться от своих сыновей безбожников: окропил святою водою одноручную пилу и полмесяца распиливал пятистенный дом с крыши до завалинки. Распилил, а толку? Насмешил людей, только того и добился. Родник Парфентий как-то по злости схватил медвежий ремень, хотел старшего сына Николая отодрать за неповиновение, но тот поймал отца за руки и в ухо прошептал: «Папа, власть твоя кончилась». А у самого-то сын в милиции служит, к этому с кнутом вообще не подступиться. Скрепя сердце старики стали понемногу смиряться. Все думали, как же они поведут общественное хозяйство.

В первый год колхозники собрали много картошки, а кому она нужна, когда у каждой семьи есть свой огород. Пришлось безбожникам копать ямы и заваливать свой труд. На следующий год вони там было, что на берегу от кислой рыбы. Идешь и нос ладошкой закрываешь. Тогда старики прозвали ихний колхоз «Артель напрасный труд». На второй год докумекались: завели в сараях свиней, обзавелись фермой. Картошка пошла в расход. В специальные хранилища засыпали на семена и про запас. Теперь им заморозки не страшны. Понасеяли моркови, репы, турнепса, даже гречиха у них родится, не говоря уж о капусте с луком. Коней приучили ходить в хомуте, ездят на телегах, на санях. Отгрохали вместительную летнюю столовую. Утром, в обед и вечером по жердине поднимают красный флаг над нею и бьют в колокол. Ликбез организовали. Безграмотных учат читать, писать. Думают машинами землю пахать... Хорошо получается. Но только зачем они религию-то так отшвырнули? Всю жизнь...».

Акиндиныч подошел к костерку и улыбнулся: над станом на жердине трепыхалась ребячья портянка.

— Хе, ядреный корень, новая артель появилась,— нарочно удивился он.— Как же вы ее окрестили.

— Стариковская! — бойко сподхалимничал Кленька.

Невдалеке от ребят на поляну вышел каменный глухарь с цыплятами. Рука у Егры потянулась к палке, но строгий взгляд деда остановил ее. Внук тяжело вздохнул, мелко перекрестился и сунул костяную ложку в котелок. Ели молча. Кленька было завихлялся, хотел что-то сказать дедушке, но Андрюшка погрозил ему ложкой, и тот уткнулся в свой чумашек. Пообедав, ребята подобрали за собой остатки, разложили их возле деревьев на корм зверюшкам и птичкам, потушили костер и шумной ватагой двинулись в Мильково.

Акиндиныч по пути зашел к Анне Викентьевне и передал с поклоном от Гаврилы сверток с рыбными головами и пупками. Старый друг в последнее время стал благосклонно относиться к директорше: нет-нет да и пошлет ей «подарочек». После заступничества Анны Викентьевны за артельщиков старики стали ее уважать и даже советоваться.

Выходя из школы, Акиндиныч в коридорчике столкнулся с Кирей и Фенькой. В руках у ребят были балалайки. Хотел спросить: «Бездельем мучаетесь?», но

вспомнив, что субботний день, и подумав: «Ученый человек не станет ребят плохому учить», сказал им:

— Пока молоды, парни, гуляйте, но прислушивайтесь к голосу старших.

На следующий день Акиндиныч остался в селе. Из города сообщили, что по небу в Мильково прилетит с почтой человек. Не верилось такое Акиндинычу, но на рыбалку не пошел, стал ждать нового «чуда».

Егра сидел на полянке и рассматривал букашку, которая бегала по ладони. Вот она остановилась, раздвинула крылышки и взмыла вверх. В то же время по небу загрохотало. Егра пугливо перекрестился и кинулся в огород. Из лесу с ревом неслись домой коровы...

Прямо на Партизанскую улицу сел зелененький аэроплан. Все село пришло поглядеть на «небесную тархтелку».

Дедушка Акиндиныч долго о чем-то расспрашивал летчика. Тот весело ему отвечал.

К обеду любопытные стали расходиться. Летчик накинул на аэроплан брезент и отправился обедать в дом Дедовых, в огороде которых поместили аэроплан.

Акиндиныч постоял еще немного возле одинокой диковины и, не торопясь, пошел домой. Там он присел на завалинку и тяжело задумался. Увидев в окно дедушку, внучок Егра с радостным криком бросился к нему:

— Дедушка, антихрист прилетел! Будет подниматься — я в него камнем из-за угла попаду! Вон их сколько натаскал.

Акиндиныч нежно прижал к себе внучонка, нащупал у него на груди крестик, отстегнул и далеко его забросил. Потом ласково погладил по ершистой головке ошалелого Егру и вдруг горько заплакал...

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ МАКСИМА

— Квартирант дома? — спросили с улицы.

Акиндиныч поднял голову и увидел Максима Красильникова.

— Нету, паря, с утра куда-то с Аттаем утопал. Да ты заходи, Максимушка, побаим.

— С удовольствием бы поговорил, да времечко поджимает. Беда, ходил на Кахитку место смотреть для опытной станции и аэроплан пропустил. Гавриле Ви-

кентьичу привет от меня передайте, давненько я его не видел.

— Передам. Ты, Максимушка, и в воскресный-то день на ногах. Беспокойный. Земляков, говорят, на новое место переманил.

Наконец-то переманил. Ну, я побежал.

Максим Красильников—уроженец соседней деревушки Машуры. Большое счастье дал землякам этот человек.

Селение Машура было расположено на пологом правом берегу Камчатки, и весной во время половодья реки его всегда затопляло. Мучились люди, вода в страхе их держала, вечно баты наготове стояли. Но старина не отпускала машуровцев от родимых мест. Когда в 1930 году был организован колхоз, то местный коммунист Максим Красильников с племянником, комсомольцем Иннокентием стали уговаривать рыбаков-охотников переселиться на левую сторону Камчатки ниже Машуры верст на восемь. Там высокий берег и благодатные места для огородничества. Максим с племянником первыми поселились на новом месте и своим примером увлекли за собой всех жителей. Так кончилась история старенького селения Машуры и началась нового села Долиновки. Хорошо зажили долиновцы. Рядом травы полно. Скот развели. Картошки с огородов берут столько, что некуда девать. Для пробы посеяли ячмень, так и тот уродился и вызрел. Но вот Максима взяли работать инструктором в райкоме. Жалко с таким земляком расставаться. Не пускали его земляки в Мильково, упрашивали, умоляли остаться родные. Ох, как он был им нужен в эти беспокойные времена!

Максим зашел к Дедовым. У них рассаживались за обеденным столом. Близоруко прищутив глаза, к нему подошла простоволосая хозяйка. Узнала.

— Садись, Максимушка, с нами,—согнала она со стула сынишку, освободив место для гостя.

— Некогда мне, Степанида Титовна. Заскочил на-помнить об учебе. Ты уж, матушка, приди.

— Прийти-то приду, но все это напрасно: меня от работы оторвете и себя замучаете. Выдумщики вы. Не научусь я.

От Дедовых Красильников направился к Герасиму Ерофееву, зятю Акиндиныча. Здесь он попал на застолье. Хозяин с квартирантами Федором Ащеуловым и Алексеем Белоусовым сидели за столом в белых на-

глаженных косоворотках и, отреченные от мира сего, выводили красивыми голосами задумчивую песню «Колодники».

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
сделал тенором зачин хозяин дома Герасим Ерофеев.
А звонкие цепи все боле
Сметают дорожную пыль,
подсоединился к нему бархатным баритоном пыльщик Федор Ащеулов.

Динь-бом, динь-бом!
Слышен звон кандалный!

Обнял их раскатистым басом второй пыльщик Алексей Белоусов.

— Ребята, смотрите, кто к нам в гости пришел! — заметил Красильникова Герасим — бойкий, живой мужичок.

— К нашему шалашу! — бухнул басом Белоусов и поднес кружку с брагой.

— Освободите меня, ребятки, у меня работа,—отодвинул кружку Максим, но заметив, как обиделся хозяин, сам налил брагу в стакан.— Ради уважения выпью за ваше пение.— Опростав стакан, спросил: — Не забыли про учебу?

— Не-э-э-э! — слаженно пропели друзья.

— Ну, тогда спойте мне на прощание что-нибудь душевное.

Хозяин вопрошающе посмотрел на квартирантов. Глаза его повеселели. Песнь — это его страсть. На селе говорят: «Если Герасим запел — значит, светает, пора вставать». Сам он из камчатского селения Николаевки, основанного еще губернатором Завойко. С рождения — сирота. Мать умерла после родов. А отец, вернувшись с охоты, не застал в живых молодую жену. Сильно, до безумия любили они друг друга. Пришел отец Герасима на могилку любимой и застрелился. Пошел по чужим рукам Гераська. Рос, не ведая ласки. Парнем перебрался жить в Завойко. Бывало, соберет ватагу ровесников и подастся на мыс Лопатку ловить сетями морских бобров — каланов. Вернется из города с полными карманами денег, живет в селе, пока не продуется в карты, а потом снова исчезнет на долгое время. Родители его друзей, как прознают, что вот-вот должен уйти из села Гераська, стараются побыстрее загнать парней на рыбал-

ку, подальше от дома, и завалить их работой. Купил Гераська избу, думали, остепенится. Завел собачью упряжку и взялся зимою развозить по селениям купеческие товары. И вот однажды из Милькова привез он молодую жену. С тех пор утром стали бродить по Забойке гулкие песни. Хозяева будили свои семьи: «Вставайте, светает. Слышите, Гераська поет!» Дал себе парень клятву: с этого времени не проспать ни одной зари...

Герасим кивнул Ащеулову, тот понял его без слов. Помолчал. Ушел в себя. Но, видно, не найдя в мыслях чего-то нужного, он выпил стакан браги. Закрыв глаза, медленно поднялся и запел:

Это было давно,
Год примерно назад,
Вез я девушку трактом почтовым.
Круглолица была,
Словно тополь стройна
И покрыта платочком шелковым...

«Как же надо любить жизнь, чтобы вот так петь!» — подумал Максим, привороженный голосом Ащеулова.

Федор Ащеулов из тройки певцов самый молодой, но голова его вся белая, будто вершина заснеженной сопки. Поседел он в одну ночь, сидя в амбаре под стражей японцев. Когда его, парнишку, связного амурских партизан, повели утром на расстрел в лесок, то он умудрился конвоиру бросить в глаза махорку и скрыться в чаще. В декабре 1922 года бойцом экспедиционного отряда пятой Дальневосточной армии прибыл на Камчатку для очистки Охотско-Камчатского побережья от остатков белогвардейских банд. Вдоволь померял ногами камчатские версты. Отвоевался. И осел в Милькове. Судьба не дала ему роста, слишком рано на плечи легла грузная беда, но зато пошел в ширину. Друзья ему говорили: «Ты, Федя, что спичечная коробка». Пел он баритоном, но мог брать и теноровые партии...

Поднялся Герасим. Обнял за плечо Ащеулова, и его чистый, как родник, тенор влился в грустный рассказ баритона.

«Как звуки в песне, должны жить люди слаженно и красиво. Убери хоть один голос — и нарушится гармония», — сделал вывод Максим. Уйди из колхоза пильщики Ащеулов с Белоусовым, и строительство пойдет черепашьям шагом. Надо бы с ними поговорить: почему

они распиловку не делают прямо в лесу? Плахи легче вывозить оттуда, нежели бревна. Но, посмотрев на воодушевленных певцов, укорил себя: люди в субботний день отдыхают, а я к ним с делами лезу, как будто нет другого времени.

Над головами поющих поднялась третья.

Алексей Белоусов был прямой противоположностью Федору Ащеулову. Высокий, тонкий, как спичка, он в любое время мог вспыхнуть, разгорячиться. Говорил раскатистым басом. Большой кадык, словно поршень, ходил по выпяченному длинному горлу. Осенней дождливой ночью он ввалился в избу Ерофеева, таща за руку обессиленную девку. «Иди, иди, Любка, не съедят!» — басил он. Опустившись в углу прихожей, незваный гость отбросил со лба мокрые цыганские волосы, отливающие синевой, и, увидев хозяина, наполняющего патронами патронташ, вылупил свои черные, как деготь, глаза: «Стреляй! И ее кончай! Думаешь, по доброй воле пошел в белогвардейский отряд или вот Любка сама увязалась за офицерем? На, смотри!» Пришелец задрал рубаху. Кожа на его худой спине была словно составлена из заплат, в глаза бросились белые рубцы. «Все гонят меня,— продолжал ночной гость,—и ты гони, иди заяви в милицию. Сажайте...». Тут он заплакал. Конечно, никто его не посадил в тюрьму, не выгнал из села. Остался он в Милькове работать пильщиком, а Любку с почтальоном отправили в город, чтобы оттуда помогли ей добраться до родных, от которых ее насильно увели белогвардейцы.

«Ишь ты как получается: характеры у всех разные, а любовь к пению свела их и накрепко сдружила», — отметил Максим.

Закончив песню, друзья наполнили стаканы. Гость встал.

— Спасибо вам. Я побегу. Не забудьте...

— Не-э-э-э! — протянуло в три голоса.

От Ерофеевых Максим завернул к пастуху колхозного стада, старику Аббакуму Антоновичу. Старики были дома. Старуха, повернув левое ухо к репродуктору, с интересом слушала радио. Старик сидел у печки и ремонтировал седло. Увидев в открытую дверь Максима, встал.

— Какими судьбами, Максимушка, тебя занесло в мою старую избушку?

— Напомнить пришел...

— Всего лишь за этим? — удивился Аббакум. — Нука, старуха, приглуши свой самовар. — Старик подставил гостю табуретку. — Присядь да поговори с нами.

«Как живете?» — хотел спросить Максим, но, охватив одним взглядом убогое жилище старика, промолчал. Облезлая маленькая печка, притулившаяся к ней деревянная кровать, стол со скамейкой да новая табуретка — вот и все убранство избушки.

— Чем занимаетесь? — подыскал вопрос Максим.

— Черкесское седло мне дали, а оно тяжелое для моих лет. А без потфеи холку коню натирает. К счастью, на иллариевском покосе нашел деревянное, хотя старенькое, но отремонтировать можно... У старухи руки болят, даже картошку больно чистить, вот радио и слушает. Сначала боялась его.

— А чего?

— Провели его к нам в избушку. Чудно. Приехал как-то вечером. Старуха вот так же сидит, только испуганная, глазами уставилась на стол. На столе гора из разного барахла, а под всем этим кто-то пищит. Думаю, кого она там придавила? Она мне и говорит: Не надо нам, старик, никакого радио. После обеда я тебе стала заплатки на штаны ставить, слышу ожила эта черная сковородка, кто-то на балалайке ловко наигрывает. Шью да ему подпеваю. Потом он, видно, устал меня потешать и ушел. Тут приятным голосочком заговорила молоденькая бабочка, дескать, ох как она любит родителя, да и он-то ее тоже любит, но ей надобно уехать к мужу, оставить родительский дом. А ехать далеко, в какую-то Сибирь... Я молчу, думаю: что же дальше будет? Стукнуло дверью, вошел какой-то человек в сапогах, голос у него чижолой, сподобен басу бывшего дьякона Деталовича. Я мольчу, думаю: что же дальше будет? Наперво говорили потихоньку, ласково, а после как раскричались! Бабочка в слезы ударилась, мужик разъяренным медведем на нее наступает, вот-вот задавит! Взяла я осторожно сняла со стены шумливую сковородку, положила на стол и накрыла подушкой, слышу: мужик с бабочкой не унимаются, давай их барахлишком сверху заваливать...

— А теперь видишь, как слушает?

— А чего же мне осталось делать? Видишь, Саввка что мне натворил! — протянула она сухие руки. На круп-

ных ладонях черными пятнами лежали коросты.

— Какой Саввка? — не отрывая взгляда от ладоней, спросил Максим.

— Председатель колхозный. Заставил нас, баб, сучить нитки из крапивы для неводов. Сучили, сучили, пока ладошки в кровь не стерли. А он еще тащит крапиву. Пусть сам ее сучит!—И старуха с обиженным видом отвернулась к окну.

Максим посочувствовал престарелой женщине. Он хорошо знал судьбу стариков. Раньше Аббакум развозил товары компании Чурина по всей Камчатке. Где застанет его распутица, там и ждет нового снега. Приедет домой, а жена говорит: «Санечку нашего без тебя похоронила...». На мельковском кладбище есть могилка с тремя крестиками. И ходит Аббакум на могилку неувиденных детей.

«Вот же Савва! — злился Максим, уходя от стариков.— Не мог из города прадево на сети привезти!». Он зашел на двор Толманов. На крыльце его встретила хозяйка.

— Спиридон Михайлович дома?

— Нету. Как с утра ушел покосы посмотреть, так и не являлся. Обед давно остыл. А одной садиться за стол невесело. Проходи, Максимушка!

— Скажи ему, Анна Александровна, чтобы не забыл всех неграмотных из его бригады на учебу направить,— попросил Максим, входя в прихожую.— Я ему записку напишу.

— Не уходи, вместе пообедаем,— предложила хозяйка, ставя на стол кастрюлю.— Сегодня с сараной варила.

— Мама любила такой! Экая бедуха, жена, поди, тоже ожидает. Бюро мне устроит... Эх, была не была, наливай!

Анна Александровна разлила по тарелкам суп. Улыбнулась, вспомнив, как встретила комсомольского организатора Александра Копытина: «Ездют тут всякие, избу безбожным духом поганят». Волна новой жизни плеснула живительную влагу в душу верующей Анны Александровны, смыла, очистила религиозную накипь. Все началось с малого: приходит домой дочь Лариса и говорит: «Мама, я устроилась работать библиотекарем». «Что ж тут плохого? Пусть работает»,— решила мать. В колхоз они с мужем сначала отказались всту-

пать, а когда большинство мильковчан стали колхозниками — хватились: подали заявление, но правление колхоза «Безбожник» отказало в приеме. Через несколько дней узнала, что библиотека находится в бывшей церкви. Застонала. Оказалось, там и брат Егорушка заведующим клубом заделался. И пошло одно за другим: сын Ванюшка вступил в комсомол, взялся осоавиахимовских щенков выращивать. Заболела Анна душевной болезнью... К ее счастью, из Шаром заехал Александр Копытин. Заходит вечером, спрашивает: «Не пустите ли, хозяйка, на квартиру? Всего на две ночи. В город уезжаю совсем...». Обрадовалась, будто родника издалека встретила. Не обиделся учитель за прошлое, не затаил в себе зло. Постелила ему в избе. Наварила в тот вечер всего, как на престольный праздник. Разговорились до полуночи. И словно черная пелена спала с глаз. На завтра Копытин встал пораньше и сходил в правление колхоза, а днем прибежал муж Спиридон и заторопил: «Собирайся, Аннушка, на колхозный огород...».

— А дети где? — опростав тарелку, спросил Максим.

— Убежали аэроплан смотреть и до сих пор там...

По улице прогоняли коров.

— Пойду я, — встал из-за стола Максим. — Спасибо, что накормила. Еще ко многим надо зайти.

— Хо-хо-о-! — кричал сзади стада Аббакум.

Заметив выходящего со двора Толмана Максимушку, пастух подъехал к нему на белой кобыле.

— Гоню сейчас коров через село и ругаю Савву: почто перестал председатель думать о коровах?

— Как перестал?

— Когда-то всем селом поставили заборы возле логотин. Там растет ядовитый омег. При колхозе заборы развалились, а жерди тащит домой каждый, кому не лень. Уже две телки объелись. Сто раз говорил ему: «Ой, Савва, подохнут коровы!». А он мне: «С тебя и спросим!» Пришлось гнать коров на другую сторону села. По улице пыль. Люди ругаются. Ты заставь его, Максимушка, чином ты выше. Раньше чиновник как цыцнет на старосту!

— Подскажу я ему.

— Хо-хо-о-о! — закричал пастух.

Коровы старались держаться подальше от белой кобылицы: та, оскалив зубы, бросалась на непослушных.

«Пастушить тоже надо уметь,— наблюдая за удаляющимся Аббакумом, заметил Максим.— Вот начини писать о селе—двумя-тремя фигурами не отделаешься, тут пока всех на перо не зацепишь — ничего не получится. Каждый — история!»

Вечерело. Максим возвращался домой. Солнце желтым пятном расплылось по туче.

ЛИКБЕЗ

Мильковчане к аэроплану привыкли быстро, особенно мальчишки. Стоит ему показаться над Антоновкой, как ребятня бежит по Партизанской.

Сядет аэроплан на улицу, схватят его парни за хвост и закатят в огород-аэродром Исаея Дедова. Теперь в огороде иногда стояло по два-три самолета. Бывало и такое: приземлится на Партизанскую «небесная тарактелка», а в это время на собачках едет старик Самсон. Недавно убегал от трактора, а теперь остановит каюр упряжку, замахнется остолом на парней:

— Немедленно убирайте с дороги аэроплан! Не видите, што ли, нацальника везу!

Уважают в селе «нацальника», первого председателя райисполкома товарища Кубасова. Гордится им исполкомовский каюр — дедушка Самсон.

Время — что гарная река течет. Не успеют люди привыкнуть к одному новшеству, как другое огорошит. Нынче на избе правления колхоза «Безбожник» настоятельно требует лозунг: «ДОЛОЙ БЕЗГРАМОТНОСТЬ!».

Не бьют к вечерне в колокол, а люди к бывшей церкви тянутся. Там за высокими столами садятся немолодые ученики: папы, мамы, даже есть среди них бабушки и дедушки. Поскрипывают гусиные перья, ломаются в грубых неловких пальцах карандаши. Жарко ликбезовцам, как в страдную пору на сенокосе. Деловито ходят меж столов молодые учителя-комсомольцы. А в углу за маленьким столом под портретом вождя пролетариата Карла Маркса сидит большевик Красильников.

Глядит на великовозрастных учеников Максим и, довольный, улыбается. Кому легко дается грамота, тот время даром не теряет: мужики сидят да ножом колтоны выделывают, а женщины шитьем занимаются. Кому

тяжело — кряхтят, друг другу в тетради заглядывают.

На этом занятии идет знакомство с буквой «С».

— Тебя зовут Степанидой, первая буква в твоём имени... Какая первая буква? — спрашивает комсомолец Аркадий Плотников пожилую колхозницу.

— А, — неуверенно отвечает та.

— Слушай внимательно. Тебя зовут Степанидой. Понятно? Первая буква в имени «С». Какая первая буква? — повторяет учитель вопрос.

— «Б», — чуть не плача произносит ученица.

Аркадий, проведя платком по лбу, с тяжелым вздохом поворачивается к руководителю ликбеза. Максим дружелюбно ему улыбается и ободряюще кивает головой: мол, не сдавайся, брат, долби свое, потом спасибо скажет.

На месте бывшего клироса восседают три колхозника и потихоньку напевают:

— Эс — Смело... Смело, товарищи, в ногу.

Это пильщики: Федор Ащеулов, Алексей Белоусов и пастух Герасим Ерофеев. Они применяют свой метод освоения букв:

— А — Ах ты, ноченька, ночка темная, ночь осенняя...

— Б — Было у тещеньки семеро зятьев...

— В — Вставай, проклятьем заклеименный...

За окном стемнело. В бывшей церкви зажгли лампы. Пыхтят бабы, склонившись над бумагой, морщат лбы мужики в разгадке мудреных букв. У каждого своя голова на плечах, каждый по своему думает-гадает. Разные здесь люди.

В углу, на правом конце клироса, сидит за книжкой Анна Толман. Анна Александровна давно знает грамоту, читает книги, но на ликбез приходит каждый раз без опоздания. Заворожили ее беседы о религии. Хорошо рассказывает большевик Максим Красильников. Откуда он все знает? Как-то намекнул: «Надо, Аннушка, тебе в партию готовиться. Рекомендацию дам». Пока колхозники учатся писать, она читает книжки, которые заранее припасает для нее комсомолец Павел Корелин. Парень стесняется ее, старается незаметно угождать ей во всем. Анна Александровна знает, что Павел ухлестывает за Ларисой, и про себя улыбается: «Приноравливайся, будущий зятек, старайся понравиться теще...».

Наконец ликбезовцы разогнули спины. С буквой «С»

покончено. Увидев, что место возле Максима не занято, все легко вздохнули. Иногда рядом с ним в это время сидит директорша Ключева, она знакомит комсомольцев с политграмотой, с искусством, с историей... В ее приход учителя-комсомольцы и даже сам руководитель ликбеза становятся учениками. Для увеличения аудитории присовокупляют ликбезовцев. Конечно, все эти лекции недоступны умственному складу членов колхоза «Безбожник». Говорит Ключева будто специально: монотонно и длинно. Это самый нудный и привередливый учитель. Никто не знает, какой лекцией Ключева усыпит на занятии уставших слушателей. В первый раз она читала Гегеля «Развитие идеала в особенные формы прекрасного в искусстве». Сначала колхозники таращили глаза на лектора, терли усиленно пальцами лбы, стараясь вогнать в мозги хотя бы малую толику из всего сказанного Ключевой, но все напрасно: слова витали по клубу, но не хотели влетать в набывчившиеся головы. Постепенно слушатели засыпали, а та продолжала донести свое, уткнувшись в толстую книгу.

Максим доложил в райкоме о замысловатых лекциях директорши, настоял на своем перед секретарем Решетовым, чтобы ей выделили день в неделю и обязали читать попроще и не долго. Ключева обиделась на Красильникова и с той поры в отместку стала смотреть на него свысока. Однажды перед лекцией кинула в руководителя ликбеза заученной цитатой из книги Шеллинга «Философия искусства»: «Тот, кто хочет изучать поэзию позднейшего времени не по поверхностным понятиям,— в этом месте Ключева ткнула указательным пальцем в Максима и вклинила свое,— и так же искусство, и тоже не по поверхностным понятиям, товарищ руководитель,— директорша вскинула голову к потолку,— но в ее первоисточнике, должен изучать этот великий и строгий дух, чтобы постичь, каким средством возможно охватить целостность нового времени, и увидеть, что не всякий кое-как завязанный узел ее соединит. Те, кто не имеет к этому призвания, могут сразу отнести к себе слова: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!».

Максим недоуменно пожал плечами, а непонятная философская тирада потянула слушателей на сон. В ушах у них звучало:

— Бай-бай-бай...

Заметив недобросовестное отношение колхозников к

лекции, Ключева применила метод «пробуждения», введенный ею в школе. В похрапывающую аудиторию врывался властный выкрик:

— Встать!

Все вскакивали.

— Сесть!

Все послушно садились.

Потом постепенно убыстрялось: «Встать — сесть! Встать — сесть!». Дремота на миг отлетала, но безликие слова снова затуманивали голову, слепляли глаза...

Ключева гордилась своим революционным прошлым. Вышагивая на длинных крепких ногах перед полусонной публикой, она горячилась:

— Да поймите вы, заскоружные головы: хочу вас просветить, стараюсь раскрыть вам глаза на прекрасное, даю возможность понять великие идеи, за которые шли на муки лучшие сыны человечества. Меня на тернистый путь борьбы благословила сама Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, мать социал-революционеров, бабушка русской Революции!..

Но круглые слова отскакивали от «заскоружных голов». Ликбезовцы не понимали.

— И-эххх,— вздыхала она,— вам бы снова молитвы учить, они крепче западают в душу...

Сегодня нет на занятиях Ключевой. Свободно вздохнув, приготовились слушать руководителя ликбеза. Молчит Максим, ушел в себя. Вспомнилось ему выступление на правлении колхоза заведующего столовой Виктора Михайлова: «Товарищи правленцы, я весь запутался: колхозники в ведомостях на получение обедов вместо росписей ставят крестики, а они у всех почти одинаковые. Надо их научить писать, хотя бы половину фамилии. Крестики в наше время — позор для колхоза «Безбожник». Недавно встретились на дороге. Смеется Виктор: «Ну, паря, сдвиги есть, сейчас подписываются «папа» или «мама», а старик Аббакум Антонович дак тот умудрился по-своему ставить подпись — «Мы не рабы».

А Аббакум наклонился над столом, выстругивает из березового корня колтон для лемешины и не ведает, что Максимушка о нем думает. У старика свои думы: как люди из черной тарелки-репродуктора разговор ведут? Как люди могут свой голос наружу выпускать? Максим должен знать, так пусть пояснит...

Аббакум почувствовал, как кто-то ему сзади кула-

ком в спину тычет. Оборвал свои думы, оглянулся. Анна Толман толкает его и шепчет:

— Тебя второй раз спрашивают.

Старик ухмыльнулся.

— Ты чего этта заигрываешь?

— Говорю: спрашивают.

Тут и сам он ясно услышал голос Красильникова:

— Не уснул ли наш Аббакум Антонович?

Аббакум смахнул рукавом со стола стружки и с серьезной миной на лице стал чертить карандашом по чистому листу.

— Нет-нет, Максимушка! Букву «Се» допишиваю.

— Ну тогда отвечай: что такое религия?

Старик замялся. Кто-то в окно промычал по-бычьи.

— Вот паршивец, мычаньем меня с толку сбил! — погрозил он кулаком в окно.

Анна Александровна опять ему в ухо шепчет:

— Религия — это вера в духов и богов.

Аббакум бойко подхватил:

— Понятно. Леригия — это вера в духов и быков!

Вспыхнувший смех согнал остатки сонливости с уставших колхозников. В окно снова замычали.

Максим покачал головой:

— Как говорится: голодной куме — обед на уме. А пастуху все быки мерещатся. Запомни: религия, что вера в духов и богов, это опиум для народа...

— Какой опум? Говори по-нашему, а не по-директоршиному, — попросила Степанида.

— Хорошо. Красный мак вы все, конечно, знаете: выращиваете его, семенами сдобный хлеб посыпаете. Так вот, люди, если из незрелых головок мака набрать сок и высушить, то получится так называемый опий, или опиум. В Африке и Азии курят его. У курильщиков вырабатывается к нему привычка, от которой потом трудно избавиться. При употреблении опиума курильщикам кажется: все красиво, легко — одно блаженство! На самом же деле опиум пагубно действует на организм человека, разрушает его. Такова же и религия: человек привыкает поклоняться несуществующему богу, становится фанатиком, живет не земной жизнью, а призрачной, выдуманной священниками, шаманами.

— Кроме Африки, все схватил, — поднялся Аббакум.

— Мне приходилось бывать на западном побережье у ламутов и коряков. Если где-то курят опий, то тут едят

сушеный мухомор. Съест пастух три или четыре штуки, глянь: задергало, значит, забрал его мухомор, теперь командовать им станет: Скажет: «Лети!», и ты хочешь не хочешь, а полетишь над кочками по тундре. Прикажет: «Влезай в игольное ушко!» — будешь пищать, упираться, но влезешь, как миленький. По-страшному мухомор командует! Хотел я для собственного интересу попробовать его, да, слава тебе господи, в соблазнительный момент из табуна к юрте неразумного пастуха привели. Оказывается, съесть-то он съел мухомор, а в нормальное положение прийти уже не смог, насовсем его забрал мухомор. Кстати вот еще... Максимушка, позволь?

— Говори, говори, Антонович.

— Попутно насчет духов выскажусь. Водится у пастухов обычай: возле камней, деревьев, необычных для глазу, по-корякски нучеткин, оставлять подарочек-приношение. Пусть то кусочек мяса, рыбы или щепотка чаю, или просто веточка, но у этого места нужно что-нибудь да кинуть, так у них заведено — обязательно одари хозяина гор, леса, тундры.

Притихли ученики-колхозники. Заслушались. Подбадривает кивком пастуха руководитель-большевик.

Аббакум разговорился:

— Насчет ихних духов поясню: у нас принято считать одну душу в человеке, у них побогаче—пять, шесть. Водится в тундре подобный нашему дьяволу злой дух Келе. Из-за этого Келе и получают все болезни. Бывает, человек заснет или зазеваается, тундровый дьявол и украдет у него душу, тот не заметит. В изобилии человек становится беспечным. Проворонит одну душу, другую, ну и ладно, бог с ней. А когда лишится третьей, тут уж здоровьишку-то и хана! Расшатается тело—заболеет человек. Тогда он обращается к шаману: тот только может помочь... Как вам лучше пояснить? Поехал Гераська в лес за дровами, а телегу при выезде с конного двора не проверил. Едет, напевает. Одна гайка слетела. Поет Гераська. Вторая гайка слетела, а короб бац на землю, колесья в стороны, Гераська наземь! Больше уже не поет Гераська.

— Чего ты, Аббакум, вспоминаешь прошлогоднее!—возмутился Герасим.

— Не горячись, я к примеру привел,—ухмыльнулся рассказчик,—с каждым такое может приключиться. По-

терял гайки Гераська. Что делать? Веревкой ведь не стянешь. Надо идти в кузницу к Феде Мальцеву. Он как шаман — один в таком деле мастак...

— Ты, Аббакум, меня в шаманы не записывай,—запротестовал Федя Мальцев.

— Еще раз вам, люди, говорю: это только к примеру. Запутали меня... Ну вот, шаман начинает готовиться к лечению: не ест, чтобы легким сделаться, приготавливает снаряжение: подвески на кухлянку, бубен, ну и разное другое. В юрте больного сидят родники, ждут шамана. Приходит он. Больного на видное место кладут. Шаман приготавливается к борьбе с Келе. Все в юрте начинают натравлять своего товарища-шамана, покрикивают: «Ик! Ик!», по-нашему — «Давай! Давай!», мол, не бойся его, надо больного спасти. Шаман поет, скачет неистово, потом как закричит: «Вижу его, каналью, у перевала, теперича не уйдет! Ага, испугался: в утку, стервец, превратился, а я в орла превращусь! Он — в лисицу, ну а я — в волка, он в медведя, ну и я тогда в медведя!» Что потом творится! Страх божий. Все кричат, подбадривают шамана, больной в испуге таращит глаза. Устанет шаман, грохнется у костра. Лежит — не шелохнется. Люди с нетерпением ждут его пробуждения. Оклемается шаман, расплывается в улыбке: «Отобрал души! Больной, как ребенок, радуется. Родники становятся веселыми. Или наоборот, прошепчет шаман: «Не отнял. Сильный Келе попался». Больной тогда раскиснет, люди помрачнеют. А бывает так, что шаман и вообще не приходит в себя, значит Келе его пристукал... Сейчас шаман не в деле — дохтуры появились. Вот я Максима насчет радио хочу спросить: у меня старуха подушками...

Догадываясь, о чем хочет говорить Аббакум, люди засмеялись.

— Смех — смехом, а горе — горем, ребята. И вы недалеко от меня ушли. Жизнь пошла галопом. Недавно нам тут поп молитвы долбил, а нынче Максим с комсомольцами — буквы. Болит моя голова от нахлынувших чудес, будто солнце выкатилось перед глазами и ослепило...

— Какое же это горе, Аббакум Антонович? — встал Максим. — Счастье это! Прозреваете вы, а не слепнете. Вон Анна Александровна вместо библии нынче Карла Маркса читает! У нас на Машуре как увидели впервые

самолет — в лес убежали, двух колхозниц потом неделю в тайге искали, а сейчас они сами просят летчика покатаь. То ли еще, земляки, будет!

В дверь заглянул Виктор Михайлов. Его дом стоит рядом, на Пономарь-горе, и когда бы он ни шел в это время около клуба, обязательно заглянет на огонек.

— Заходи смелей, Гаврюшка! — втолкал он упиравшегося парня. — Хватит под окнами торчать!

Парень вырвался и выскочил.

Гаврюша часто приходит к бывшей церкви понаблюдать за ликбезом, но друг Дорка не одобряет: «Охотнику и рыбаку эта ерунда не нужна! Не в книгу надо глядеть, а на небеса. Ты молод и учись у меня. Я в комсомоле уже был и ушел».

— Здравствуйте, думные крестьяне, — поприветствовал шутник. — Максимушка, разреши мне застольным мученикам задать загадку в их несомненную пользу.

— Загадывай.

— На небе есть, на земле нету, у бабы две, у девки — нету?

— Срамник! — возмутилась Степанида.

— Это твоя любимая буква, уважаемая Степа, и называется она «Бэ», — хитро сощурился Виктор. — Ну я пошел.

Виктор закрыл за собой дверь.

Максим ухмыльнулся:

— Ловко... Засиделись мы, поздновато уже, давайте расходиться.

Запоздавшие ученики спешили к семьям, там их ждали с расспросами: о чем сегодня говорили в клубе, кто как отвечал?

Мильково отдыхало.

В крайней избе села долго светился огонек, и три мужских голоса, сливаясь в один стройный запев, выводили:

— С — Смело, товарищи в ногу...

НАРТЫ

Летом бат, зимою — нарты — вот и весь камчатский транспорт. Оторви от них камчадала, и погибнет он, как рыба, лишенная воды. Как без них обойтись в непролазном лесном краю? Никак. Потому-то хозяин и дорожит

сработанной им вещью: делает ее прочной — на долгие времена, красивой — на радость глазу.

Посмотрите внимательно, как каюр любовно сделал нарту: ни одного гвоздика, ни одной железяки, все из тонкого крепкого дерева да прочных лахтачьих ремней. С разбегу прыгай в нее, лети по ухабам — не поломается. И с какой стороны ни посмотри — загляденье!

На околице Милькова, вдоль обрывистой рытвины поставлены в один ряд двенадцать собачьих упряжек: пять от колхоза «Безбожник», пять от Стариковской артели и две — просто от желающих «потягаться».

Дерзнули молодые, решились колхозники вызвать стариков-единоличников на соревнование по лучшей езде на собачьих упряжках, бросили вызов: «Кто кому хвост покажет?».

Возмутились было поначалу старики дерзостью сыновей: в сердцах плюнули на вызов, обидчиво отвернулись, да каюрская гордость свое взяла. Решили они на людях проучить парней, отбить у них охоту к хвостовству. Приехали к условленному месту — рытвине и вскипели: судьями поставлены бабы, по нынешним временам — женщины. Возглавляет их женорг Антонида Подкорытова. Губернаторшей ходит женский главарь, всех поучает: тут не эдак, тут не так.

— Господи, до чего же мы дожили! — сморщил ехидно лицо Гаврила Мальцев.

— И насмешим же мы Камчатку, Акиндиныч, — набылся на подошедшую Антониду Парфентий Бобряков.

— Специально их поставили. Женщины будут судить по-честному: ни вам, ни нам не подсудят, — пояснил старикам новый председатель колхоза Михаил Мальцев. — Скажите: какая им от обмана выгода?

— Не груби со старшими, Мишка! — вздернул бороду Гаврила.

— Я не грублю. По нашему уставу имею право распоряжаться на колхозной земле.

— Все равно не груби!

— Хватит лаяться-то вам! Народ слушает, — урезонил их Акиндиныч. — Говори, Михаил, нам, цо тут, как тут, куда ехать?

— Ехать, значит, до Кырганика и обратно. С условием гонок вас познакомит женорг Антонида Егорьевна. Вон призы для победителей приготовили. Три приза:

ружье новое, ни разу не стреляли, добрая суцка на племя и легковая нарта. Можете посмотреть.

— А кто ее ставил?

— У себя в столярке делали.

— Поди ж ты! Ну-ка поглядим.

Старики окружили приз-нарту, стали придирчиво рассматривать и щупать ее.

— Молодцы! — похвалил Акиндиныч. — На восьми копыльях поставили — «четвертка». Добрая нарта — куторная.

Куторной называют нарту крашеную, отделанную по бокам ременным переплетом — свидетельство большого достатка владельца.

— Мотри-ка, братуха, задний баран смастерили да еще и двойной, — толкает локтем Парфентий Бобряков брата Македона. — Тут уж ничего плохого не скажешь — роскошная нарта, на ней по старинке бы только губернатора катать!

— Впридачу к нарте будут алыки с потягами, — с гордецей подбросил пылу старикам Михаил. — Ребята должны вот-вот принести. Сами шили.

— Тут хоть загони собаку до смерти, но выиграй! — подзадорил каюров, подошедший к призам Максим Красильников. — Такая нарта! Разговелись колхознички. Пора бы, товарищ председатель, начинать соревнования. Чего тянуть-то?

Михаил поманил рукой сидящего на березовом пне парня, опрятного, легко, не по сезону одетого.

— Меня это ты? — ткнул пальцем себя в грудь парень, хотя явно видел, что зовут его.

— Тебя, Василий, подойди сюда!

Парень бойко соскочил с пня, но подошел не торопясь, вразвалочку. Из него наружу так и выпирало «я»: ты начальник, я — начальник; ты председатель, я — председатель; ты Мальцев, а я — Дедов!

Организационная перестройка в долине из-за большой территории и многочисленности маленьких селений проходила медленно. Самой последней волостью на Камчатке перешла в район Мильковская. При реорганизации сельревкома в сельский Совет на общем собрании граждан Милькова произошел казус: все предложенные кандидатуры комсомольцев и других активистов были отвергнуты большинством присутствующих. Слишком свежа была память у верующих и сочувствующих им о

закрытии церкви. Ведущий собрание Кубасов расгегряно спросил: «Так кого же вы хотите? Говорите тогда сами». «Да хотя бы вон Ваську Дедова!—ткнул пальцем Гаврила в шумную кучку братьев Дедовых.— Он, слава богу, не касамолец и не воинствующий безбожник!».

Так, игрою случая, Василий Дедов стал первым председателем сельсовета.

— Какие ко мне дела у предколхоза? — важно спросил Дедов.

— Может быть, ты, предсельсовета, пока займешь народ стрельбой? Видишь: люди долго тянутся. А эти тут задаром мерзнут.

Деньги на соревнование по стрельбе выделил сельсовет, и поэтому Василий решил самолично руководить мероприятием, кстати поставить птички в графах о спортивно-оборонной и культурно-массовой работе.

— Не по расписанию выходит стрельба,— потер тощие щеки суконной рукавицей председатель сельсовета и, увидев подходящих к ним учительницу Варвару Федоровну и врача Валерию Михайловну, дробно постучал на месте начищенными дегтем кирзовыми сапогами.— Эх, мороз «Барыню» наяривает, аж плясать охота! Видно, надо начинать.

Он достал из кармана школьную тетрадь.

— Так начинай,— глядя на Василия, усмехнулся Максим. Ему вспомнилось: летом командировали Василия в город за перьями и тетрадями для школы и ликбеза. Парень съездил и... привез водку в магазин. Здорово тогда комсомольцы пропели о нем на сцене: «Вместо перьев и тетрадей Вася водочку привез...».

При виде поднятой руки Василия люди сошлись в кучу.

— Слушайте, граждане! — с напущенной важностью обратился Василий к собравшемуся люду.— По инициативе сельсовета начинаем проводить стрельбу из винтовки, так сказать, на лучшего стрелка. Имеется хороший приз.— Тут предсельсовета сделал умышленную паузу.

— Какой?! — не вытерпел Фенька Коршунов, приехавший на соревнование «просто от себя». — Кажи его!

— Вот он в мешке сидит, жирный такой! — поднял Василий над головой чем-то набитый кулек из-под белой муки.— Ну, кто смелый — подходи! Постойте. Давайте начнем со старших.

Старики молча переглянулись и вопрошающе уставились на Акиндиныча. Старшой артели понял их взгляд.

— Из чего стрелять-та, Василий? — спросил он и строго добавил. — И в кого? Да с толком говори, ядрена корень, не выкобенивайся!

— Я ставлю фигурку на пень. Понятно? — Василий вытряхнул из портфеля на снег деревянные фигурки. — Есть самурай, белогвардеец, шаман, Колчак, Чемберлен... Так сказать, всякой твари по харе! Вы отсюда... — распорядитель стрельбы зябко передернулся и с ожесточением похлопал себя по заду, — начнете стрелять.

— Откуда? — нахмурился Гаврила Мальцев.

— Не ясно? С этой черты, — показал Василий на узкую протоптанную дорожку. — На каждого стрелка дается только один патрон, и-и-и, — хитро потянул он, — кто промахнется, тот, так сказать, получит маленький штраф.

— Ай да Василий, ай да Василий-урядник! — поддел его словом Виктор Михайлов. — Застрахует он вас, граждане.

— Попрошу осторожнее, Виктор, языком... Я при должности. А вы, стрелки, не бойтесь — строго не накажем. Теперь, так сказать, приступаем к делу. Кто первый? Ставлю «шамана».

Акиндиныч взял винтовку из рук дрожащего от холода Василия, осмотрел ее, снял рукавицы, неторопко прицелился в «шамана-нехристя».

Все притихли... Выстрел — и пень пустой. Гаркнуло:

— С первого склал его!

— Награждай Акиндиныча!

Председатель сельсовета развязал кулек, достал кусок ситца и торжественно поднес охотнику:

— Поздравляю с метким выстрелом, Андрей Акиндиныч. Получайте от комиссии на камлейку, — он долго тряс руку стрелка.

— Спасибо вам, комиссия, — поблагодарил Акиндиныч.

— Следующий! Ставлю «белогвардейца»! — протоптал Василий подальше новую дорожку. — Отсюда стрелять.

К тропинке-черте подошел старик Македон Бобряков, взял у Акиндиныча винтовку, прицелился... Выстрел — и нет фигурки!

Загомонили:

— Метко, однако!

— Готов «белогвардеец»!

— Василий, не стесняйся — награждай!

— Сегодня тебя оголят старики! — присовокупил свой голос Виктор Михайлов.

Распорядитель стрельбы побежал за простреленными фигурками, как он выразился, «для отчета» и поставил новую — «самурайчика». Вернулся. Поглядел на стариков, сожалеючи вздохнул:

— Больно метко стреляете. Вот вам ситец на камлейку, товарищ Бобряков, так сказать, поздравляю, — Василий тряхнул руку стрелка. — Ну кто там еще? Теперь подальше от черты вставайте!

К тропке-черте подошел заезжий старик Метевский. Василий замахал руками:

— Ой, нет-нет-нет! Извините, товарищ из Толбачика, мы думаем пока пропустить миловских... — сказал и осекся. На него пристально уставилась лохматая голова-кочка. Среди густого волосяного покрова выкрутились медвежьи глазки, из которых исходил острый лучик. Василия обожгло.

Старик очистил сосульки внизу головы-кочки и осторожно открыл свой рот. Пробасило:

— Я думал: всем дают. Извините, — отошел в сторону Метевский, не отводя лучика с Василия.

— Э-э-э, нет, — всего лишь и смог ответить председатель сельсовета.

— Чего делишься, Василий? — подошел к стрелкам Михаил Мальцев. — Гостей у нас испокон веку привлекали добрым словом. Не выдумывай свое!

— Как вы, так и я, — отвел в сторону голову Василий, стараясь не попадаться глазами на лучик Метевского. — Тут уж все ясно, так сказать.

И всем было понятно без слов, что хотел сказать председатель сельсовета. Гость из Толбачика славился меткой стрельбой не только по долине, но и по всей Камчатке. Идя на охоту в горы, Метевский брал столько патронов, сколько ему нужно было убить снежных баранов-чебуков. А чебук — зверь чуткий. Иногда охотник спаривал их одним выстрелом. Знал Метевский цену

патрону, берег. Дружинники хорошо еще помнят, как в девятьсот пятом ходил он на восточное побережье истреблять воровские японские шхуны. Рассказывают: один раз у стрелка было с собой восемь патронов и восемь воров-пришельцев он склал на морском берегу. Очень метко стреляет Метевский! С Василия слетел прилипчивый холод, и он почувствовал, как начинают гореть щеки.

Гаврила Мальцев сходил к пню, поставил на него фигурку «самурайчика», потом достал из нагрудного кармана патрон и отдал Метевскому.

— Прими, паря, от меня.

Очередной стрелок Парфентий Бобряков последовал примеру товарища по артели: поставил на пне третью фигуру «самурайчика» и тоже отдал свой патрон Метевскому. Все одобрительно зашумели. Гость втиснул патроны в обойму, поднял не спеша к плечу ружье. Хлопнули подряд три выстрела, и березовый пенек опустел.

Публика загомонила:

— Ого! Вот это стрелок!

— Гони, Вася, три приза за три раза!

— Вытаскивай из мешка лучшую награду!

— Граждане, кончились призы,— сконфузился Василий.— Кто такое предполагал? Михаил! — обратился он к председателю колхоза.— У меня все. Цо теперь?

— Цо теперь, цо теперь,— осерчал предколхоза «Безбожник»,— откуда мне знать: ты распорядитель. Зачем сразу отдал ружье старым охотникам? Надо было сперва сунуть его в руки молодых, те бы попрوماзывали, в азарт вошли бы остальные. Эх, всю обедню испортил.

А публика наступает:

— Пообещал призы-подарки, Василий,— отдавай!

— За такие выстрелы премия требуется!

— Пусть председатель сельсовета снимет с себя кожанку,— предложил Виктор Михайлов,— ему еще дадут!

— Верна! Ребята, снимай с него голифу! — подхватил Фенька Коршунов.— Мы ему покажем, как обманывать трудовое крестьянство!

Сильно хотел Фенька стать начальником. Дорогу в сельсовет перегородил ему Василий. В колхозе вон Михаил главенствует. Решил пока в заготпушнине поднатаскаться, поднатореть в работе с людьми. Для проезда по селеньям за государственные денежки хорошую уп-

ряжку купил. В тундре у пастухов выменял на продукты пеструю кухлянку, торбаса, вышитые бисером и ко-рякский малахай. Сколько задерживается на нем завистливых взглядов! Варенька от него в восторге. «Выиграть гонки, выиграть»,— засела крепкая мысль в голове. Собаки добрые, сам обучал их, по-своему, в городе один каюр надоумил. Сегодня он всем покажет, как надо обучать. Не терпится.

— Чего мешкаете!

Акиндиныч взял у артельщика Македона кусок ситца и подошел к Метевскому.

— Прими, земляк, эти оба подарка от всех нас, от милюковских. После гонок приходи ко мне в гости на чай. Уважь.

— Да вы цо, ребята? — завертел головой-кочкой Метевский, отмахиваясь от призов.— Я так, ради удовольствия, безо всякой корысти. А вы...

— Ну-ка, Василий, помогай! — выкрикнул Акиндиныч в сторону председателя сельсовета.— Коли вырядился в начальника, так и будь начальником! А то топчешься на месте, как весной глухарь перед глухарихой!

Василий подтянул потуже ремень на тощем животе, взял из рук старшего артели куски ситца. К нему подошли члены призовой комиссии: секретарь комсомольской ячейки Аркадий Плотников и милиционер Акиндин Бобряков. Руководитель соревнования по стрельбе нарочито кашлянул в кулак, приосанился и вытянул руки с подарками.

— Комиссия по стрельбе признала лучшим стрелком сегодняшнего соревнования гостя из Толбачика товарища Метевского!

— Ура, товарищи!

— Ура-а-а!

— Преподносим ему, так сказать, награду-приз. Носите на здоровье. Стреляйте... Ты, Аркадий, запротоколируй, чтобы потом списать с подотчета.

— Уважаемый гость, ждем вас на молодежном вечере,— выступил из-за спины Василия комсомольский вожак Аркадий.— Приходите в наш клуб имени Карла Либкнехта. Будет спектакль и танцы.

— Завтра перед обедом зайдите в милицию,— подошел к стрелку в служебной форме Акиндин.

— А цо, поцо меня туды-ка? — испуганно спросил Метевский.— Я не цо супротив закону не делал. Если

царская медаль за убитых ипонцев, так я ее в рецку бросил.

— Вы не так поняли. На встречу просим к нам прийти, поделиться опытом в обращении с оружием; рассказать нам, как вы ходили на восточный берег...

— А-а-а! Ну тожно загляну.

— Скоро там?! — лопнуло терпение у Феньки Коршунова.

— Каюры, слушайте! — взволнованно обратилась Антонида Подкорытова к участникам гонки на собачьих упряжках. — Прошу приготовиться к выезду. С полверсты до тракта специально для вас наездили дорожки, а там уж кто как поспеет... Через каждые пять верст поставлены девушки-пикетчики.

— Хорошо! — потер ладонь о ладонь Фенька. — Цо дальше?

— Докуль ехать вы знаете. У избы Петра Чуркина сделаете разворот. Не забудьте отдать флажок Ульяне Мальцевой и взять у нее другой.

— Какие флажки?

— Вон ребятишки их к вашим нартам прикрепляют. Там вас встретят кырганские. Ждут они! С бо-о... — споткнулась на слове Антонида, но тут же нашлась: — Доброй дороги вам, каюры!

Гонщики отделились от толпы и поспешили к нартам. Собаки вскочили с належающих гнезд и, почуяв веселую работу крепких ног, забеспокоились. Каюры, воткнув покрепче под копылья остол, хакнули и моржовые ремни-потяги натянулись струной. На ходу поправили на собаках алыки, приготовились к гонкам. Женщина-судья приложила ружье к плечу...

— Обожди, бабочка! — остановил Фенька Коршунов. — Пошаманить хочу.

Он торопко прошелся вдоль упряжки, задев рукавицей у каждой собаки под хвостом. И упряжка взвыла, взбесилась! Каюр заорал:

— Стреляй! Скорее!

Выстрел — и двенадцать упряжек, вздымая снежную пыль, помчались от рытвины к дороге, уходящей в сторону Кырганика. На зимний тракт первым прорвался Фенька. Его рослые эвенские лайки после «колдовства» хозяина, безудержно неслись вперед, готовые выскочить из собственной шкуры. В первом же рывке Фенька оставил позади соперников. Он ликовал!

Вторым на дорогу вылетел Гаврила Мальцев. Его упряжка состояла из коренастых грудастых псов. Их камчатский род уходил в седую глубину веков. Злые на гонки, они, войдя в азарт, не слушались хозяина. Артельщики упреждали Гаврилу: «Замени, паря, дикарей на спокойную упряжку, мотри: до беды-от доведут». Обычно он запрягал до восьми собак, не более, а тут надумал всех десять пристегнуть к нарте. Боясь дать воли дикарям на буграх и роскатах, Гаврила глубоко вонзал остол в белую грудь дороги. По всей долине его собаки могли уступить место в гонках только упряжке Петра Чуркина из Кырганика. Того каюра в езде раньше никто не обгонял. Едет — сзади пурга метет. Как-то вез он по каюрской повинности какого-то крупненького начальника в Ключи. Три дня бросала по ухабам начальника чуркинская упряжка и по приезде в Ключи вытряхнула из него душу. Чуть-чуть тогда Петра не упекли в каталажку... С той поры не видать на камчатской дороге вихревой упряжки Чуркина.

Вслед за Гаврилой на тракт выпорхнул Дорка на небольшой нартенке. Его мелкие черные собачонки, юркие, как мышонки, бойко перебирали ногами. Каюр правой ногой стоял на широкой лыжне, а левую, согнув в колене, держал на нарте. Одной рукой он крепко ухватился за баран, другой — рулил остолом. Упряжка бежала налегке. Дорка всем своим существом вошел в безудержную игру детей природы. Собаки — это единственный дар отца. После удачного появления на свет третьего Доркиного ребенка родитель обозлился: «Значит, затеял без остановки? Каждый год на мою шею по хлебнику? Дорка, бери собак и отделяйся!» И сын отделился. Невдалеке от реки поставил землянку-временку, надеясь в скором времени обзавестись избой и хозяйством. Бедно живет пока, на одной рыбе держится. Приехал он к рытвине с одной целью: авось выгорит и ему какой-нибудь подарок, на гонках всегда победителям чего-нибудь ценное дают. Принять участие в колхозном празднике подговорил его Фенька Коршунов. «Попытка — не пытка, — подзадоривал он, — глядишь, и приз отхватим. Я вон собачек по-новому обучил: проведешь рукавицей под хвостом — крылья у них вырастают! Сейчас не открою тебе секрета, а как возьму за победу куторную нарту — пожалуйста, с удовольствием открою».

За Доркой впритирку шел Аркадий Плотников. Его «фондовские» щенки были с разных гнезд, но тянули дружно. Виктор Михайлов при выезде Аркадия прищурил глаз, мотнул ему головой: «Паря, у те упряжка — «дружба всех народов». Покажи-ка им, какая она!»

За Аркадием на дорогу выехал Акиндиныч. Упряжку вел Аттай. Каюр не спешил, он надеялся на вожака. Рядом с нартой бежала быстроногая сучка Стрелка. Многие сегодня прихватили с собой «дамок». Когда каюр хотел «проехаться с пургой», то он спускал с привязи суку, и она радостно устремлялась вперед, и вся упряжка дружно неслась за ней. Вот тогда-то крепче держись за баран да успевай править остолом!

На тракт выехали все нарты, но настоящей борьбы еще не было. У Темного лога, небольшого участка, густо заросшего сплошным черемошником, обгон вовсе прекратился, и все спокойно друг за другом проехали лесистое место. Тундрочка. Хакнули каюры, выкрикнули болезненное слово: «Обвал! Держи их! Ой, милые!..» И собаки распластались над накатанной дорогой.

— Ках! Ках — заполнили тундру голоса.

Свистят полозья. Ветерком несут нарту «битые собаки».

Каждый каюр по-своему наезживает упряжку. По первому снегу заведет он необученную упряжку в лес, подальше от посторонних глаз и начнет остолом вбивать псам приготовленное слово. И так учит до тех пор, пока четвероногие «ученики» не уразумеют, что нет страшнее этого слова на свете. Порой хозяин вполголоса пугнет их, а собаки уже несутся, как звери от пожара.

Идет гонка!

За Темным логом замыкающий Викентий Шишкин, бригадир колхоза «Безбожник», гаркнул над упряжкой: «Прости, господи!» — и обогнал четыре нарты. У другого колхозника Ионы Михайлова на роскати при спуске в Петровскую логотину придавило нартой коренного, и пока он с ним возился, его обогнали две упряжки. На втором отрезке пути, у березового яра, шел густой березняк, дорога петляла меж деревьев — не разогнаться. Нарты подтянулись. Поехали впритык. На третьем отрезке, у ровного местечка Кахитки, Фенька Коршунов шел уже третьим, ему хотелось «подшаманить», но боязнь пропустить вперед еще соперников, пригвоздила

к нарте. Он сокрушался: «Когда учил вас, черти, мало-вато рукавицы скипидаром смазывал!»

Дорка на своей нартенке ехал последним. Он не торопился. На четвертом отрезке пути даже приотстал. На пересечении реки Кырганик Акиндиныч заметил, как замыкающий Дорка в тальниках свернул на реку Камчатку и мгновенно скрылся за высоким берегом. Путь по реке был немного длиннее наезженной дороги, но зато без ухабов, роскатей и, конечно же, без мельтешащих перед глазами соперников. На днях кырганский парень Леха Пермяков попросил: «Дора, поиграй у меня на свадьбе, а? После добром отплачу». Ответил жениху: «Ничего мне от тебя не надо, паря. Вот если бы тайком дорогу по Камчатке накатыл, от вас до тракта, чуть-чуть не доезжая. И сделал бы это вечером перед гонками— были бы в расчете... а?» Леха с радостью согласился: «Мы с другом Кенькой мигом!» Вчера проверил. Не подвел жених!

В село Дорка ворвался первым. Выхватил флажок из рук Ульяны Мальцевой и развернулся на свою стежку-дорожку.

Фенька разгадал Доркину хитрость и пустился следом за ним. На Камчатке стал кричать:

— Дора, Дора, обожди-ка! Хочу тебе тайну открыть!

Но тот будто бы не слышит, перегнулся через баран, собак торопит.

— Лукавый! Дорка лукавый! — летит ему в спину. И вдобавок: — Га-а-д!

У выезда на тракт Фенька остановил упряжку, крепко воткнул остол перед передним копылом и спешно провел рукавицей под хвостами у псов. Собаки испуганно рванулись. Каюр вскочил на нарту и помчался догонять соперника. У Кахитки он объехал Дорку. Обернулся.

— Не вышло, лукавый! — из мешка достал юколу и кинул на дорогу.— Попробуй обгони!

Доркины собаки наскочили на юколу, вцепились друг в друга, запутались в постромках, пошли кататься лохматым комом по дороге.

Объездом проскочил Гаврила Мальцев. За ним Акиндиныч...

Несчастный каюр заплакал от обиды...

Теперь перед Гаврилой одна нарта. Каюр на ней в пышном северном наряде. «Священник Нестор тоже

когда-то вот так ездил, нарядно. Даже поверх пестрой кухлянки крест кожаный носил,— вспомнилось Гавриле,— горностаевую накидку на плечи для красоты набрасывал. Любил отец Нестор красиво одеваться. Говорил складно. Служитель церкви таким и должен быть... — еще вспомнил день когда его направили делегатом от Мильковской волости на Первый Петропавловский уездный съезд. Тогда отец Феньки Коршунов съязвил: «Разве можно в такой одежонке на великий народ показываться? Опозорит Мильково». Сказал сельскому сходу, а сам весь в красивых мехах так и вертится перед народом, выхваляется, дескать, пошлите меня— не опозорю! Богатством хвастался. Дохвастался, что упекли куда-то. Его сын вон тоже перед ним выхваляется, мол, и ты супротив меня не ездок.

Обидно стало старому каюру.

— Обвал! — больным словом он ударил собак и нарту подбросило кверху.

Неспроста он это слово произнес, давно внес в собачью науку. Как-то с Палькой они от заготпушнины везли товары ламутам. В Срединном хребте им пришлось проезжать по ущелью Эбау. Вверху нависали огромные снежные «козырьки», надутые пургой. Обычно охотник, подъезжая к ущелью, стрелял из дробовика, чтобы ружейным выстрелом сбить страшные навесы. Если же они крепко держались, то он смело проезжал по ущелью. А тут Палька в молодецкой удали гаркнул на собак и помчался вниз по ущелью. Стрелять было поздно. Гаврила пустил за торопливым спутником упряжку. От Палькиного крика загудело в ущелье. Сорвались козырьки. Пошел обвал. Снежная река покатила белые валы за убегающими нартами. Напуганные шумом обвала, собаки бежали неровно, оглядываясь назад, путались в постромках. Палька первым покинул нарту и стал карабкаться по чистому откосу. Гаврила устрашающе крикнул на собак и припустился за напарником...

— Обвал! — еще раз крикнул каюр. С треском отлетела в сторону Фенькина нарты. Запуржило из-под остол. Вдалеке потонул беснующийся голос: «Архангел!»

Разогнав упряжку, Гаврила стал думать, как бы теперь придержать собак, подчинить их своей воле. Дорога проходила через Темный лог. Лесная густота. Дорога неровная. Запустил поглубже под копыл остол, но не

справился, выпустил его из рук. Неуправляемые собаки прибавили бег. Нарту кидало из стороны в сторону, то и дело задевая за деревья...

Акиндиныч, обогнав Феньку, пустил вперед упряжки дамку Стрелку. Та, играючи, припустилась к дому, увлекая за собой взбодренных псов. В темном логу возле дороги Акиндиныч увидел остол Гаврилы. На роскати у пня валялся малахай. Дальше шел кровавой след. «Головой о пень ударился» — догадался он. Случившаяся с другом беда больно кольнула в груди.

— Аттай! — умоляюще выкрикнул каюр. Вожак вздыбился, рывкнул и в бешеном беге повел упряжку. За Темным логом Акиндиныч стал нагонять нарту Гаврилы. Теперь уже ему ясно виделось: друг висел на баране, наклонившись вперед, словно хотел схватить за хвост коренного. Его собаки бежали неровно, часто оглядывались назад на притихшего хозяина.

Акиндиныч редко бил собак, наказывал он их только за большую провинность. Но уж если бил, то пес надолго запоминал заданную ему взбучку. Сегодня хозяин занес над упряжкой остол. Просвистел плетенный ремень.

— Ну, милые, еще рывок! Еще! Еще!

С полверсты не доезжая до рытвины, Акиндиныч нагнал упряжку Гаврилы, пошел в объезд, чтобы остановить ее, но, увидев, сползающее с барана тело друга, спарил нарту и левым плечом подпер его. Так вместе, рядышком и подъехали к гомонящей толпе.

Женщины, вскинув на плечо ружья, дали выстрел в честь победителей.

Павел Ичанга, почуяв неладное с названным отцом, бросился наперерез собакам и, схватив жожака за алык, остановил упряжку. Затем он подскочил к нарте и... зябкая горесть проняла все тело.

— Валерия! Валерия Михайловна! — завопил он. — Дохтура!

На крик парня из женской толпы выкатилась молоденькая девушка, закутанная во множество одежек. Она неловко подбежала к нарте, попросила Акиндиныча положить пострадавшего на нарту, стала снимать с рук Гаврилы жесткие рукавицы, сшитые из оленьих лап. Ее озябшие руки плохо слушались.

— Снимите с него рукавицы, — попросила она Акиндиныча. Тот сдернул их и замер в немом страдании.

«Дохтурша» схватила левую руку Гаврилы в запястье, потом склонила голову на грудь каюра. Прислушалась.

— Как он, Валюша? — нарушила молчание Антонида Подкорытова.

Девушка встала, расстегнула ворот шубейки, вздохнула.

— Он... он мертв...

АГАФАНГЕЛОВО ПОДПОЛЬЕ

И не стало на свете Гаврилы Мальцева. В амбаре у камина выстругивает доски для гроба Акиндиныч. Больно Акиндинычу. Душно. Всю жизнь прожили с ним бок о бок. И вот разлучились.

В амбар то и дело заглядывают старики с вопросом: не надо ли в чем-нибудь помочь? Они тоже в трауре. Им тоже жалко погибшего товарища по артели...

А на улице идут шумные молодежные катания.

Парни, ухватившись за длинные ремни, катят курные нарты, те, что завоевал в гонках Гаврила Мальцев. Но не пришел за ними победитель. По решению судейской комиссии они отданы молодежи.

Катят парни нарты, а на нартах порасселись девы и в песне надрывают нежные глотки:

Наши`горушки катливы,
Наши девушки игривы,
Молодушки веселые...

На роскатах парни резко дергают нарту в обратную сторону и лихие пассажирки с визгом влетают в глубокий жгучий снег.

Парни гогочут:

— Окрестили! Подхватили!..

И мчат дальше нарты.

— Хватит! — бросает ремень на снег Фенька и останавливает нарту.— Надоело катать, да и такое делается на масленицу.

— Ну и что?! — обиженно кричат девы.

— Цо за тогда делать? — вопрошает Егорша Потопов.

— Давайте перенаряженными походим по селу? — предлагает молодежи Фенька.— Веселее будет!

Толпа поддержала заводилу:

— Ловко придумал!

— Пошли переодеваться!

— Где встречаться?

— У нового клуба собирайтесь! — на ходу распорядился Фенька. — Сам я медведем наряжусь. Не тели-тесь там долго.

Фенька приучал себя к повелительному тону. Сегодня после гонок он краем уха поймал голос секретаря райкома Решетова: в Мильково организуют райком комсомола с освобожденным секретарем. А когда расходились по домам, к нему подошла директорша Анна Викентьевна и по-мужски похлопала по плечу: «Большим начальником, Феодосий, будешь!»

«А у начальника голос должен выделяться!» — засе-ло в голове у Феньки.

Не прошло и полчаса, как у бывшей церкви скопи-лась молодежь. Все в масках и вывернутых наизнанку шубах. Фенька в медвежьей шкуре — вылитый медведь!

Егорша Потапов накинул ему на шею собачью цепь и повел впереди гомонящей толпы по Партизанской ули-це. Идут ряженные, кривляются. Навстречу им из пере-улка вышла Агафья, жена Агафангела. Окружили ее, пошли в дикой пляске ломаться. Да не на ту напали! Агафья и сама была на шутки мастерица. Вспомнила, как с подружкой когда-то «Свет Поликарповича» выде-лывали. Пошла по кругу всех мильковских ребят пере-дразнивать, пересмеивать. Ряженные и рты раскрыли. Вдруг Агафья как заскочит Феньке на спину, повалила его на снег и со смехом побежала домой.

Прибегает домой. Заходит в избу. Глядит: Агафангел на кровати кверху пузом лежит, вполголоса святое пи-сание читает. У изголовья на табуретке лампа в пол-накала горит. Приход жены даже вниманием не удо-стоил. Читает:

— ...Арам родил Аминдава; Аминдав родил Наасо-на; Наасон родил Соломона.

Пятое. Соломон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея...

— Слышишь, Агафангел...

— Нет, не слышу... Шесть, Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею...

— Фаня, — ласково перебивает его чтение жена, —

ребята-шалуны старинку вспомнили, по селу ряжеными ходют...

— Агаша, ради Христа, закрой уста... Не говори в моем доме...

— А чего тут такое?

— Чего тут такое! Слушай: от Матфея святое Благовествование... Глава вторая. Когда же Иисус родился в Вифлиеме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: «Где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться Ему. Услышав это, Ирод-царь встревожился и весь Иерусалим с ним...

— Да об этом, Фаня, я еще от матери знаю...

— Цо меня с матерью равняешь? Ты слушай меня—духовного наставника. Вот... вот она!..

— Фаня, пойдем посидим у сестры? Она звала.

— Не пойду и тебе не советую. По улице шатаются Иродовы слуги. Срамной этот праздник — бесовский. Церковь его не признает. Богохульствовать, Аганя, не желаю. Полежали бы?

— Ну как хочешь, я пойду. Ребятенки там без надзора.

— Ступай, колхозница-безбожница! — сунул Агафангел книгу под подушку и потушил свет.

Агафья вышла.

Луна холодным рыбьим глазом заглянула в окошко и наполнила избенку небесным светом. Только Агафангел было предался сладким мечтаниям, как за окном загудела толпа. Агафангел бойко соскочил с кровати, накинул на дверь крючок и снова бросился в нагретую постель.

В окно постучали и запели:

Я стояла у собора, у дверей,
Полюбил меня сам архиерей.
Два поповича с ума сошли,
Два причетника плясать пошли,
Поп-то ризой заплетается,
Пономарь со звону сбивается...

Потом они зашли в сени и прогорланили:

На улице холод!
Запусти, хозяин, нас.
Мы тебе устроим пляс!

— Сейчас, ребятушки! — разозлился Агафангел. Тихо добавил складушкой: — Сейчас, сволотушки!

Он открыл подполье, которое начиналось у порога, отбросил крючок с двери и юркнул в постель. Распахнулась настежь дверь, и в избу просунулась лохматая харя.

— Я медведushко,— пробасила она.— Я не-е-е,— повисло в воздухе тенором и уже в подполье заохало на высоких тонах.

Один за другим падали ряженные в подполье. Толсто одетые в шубы и закутанные в одеяла, они неуклюже ворочались в яме.

«Яко черви на юколе»,— сравнил Агафангел и испугался за содеянное:

— Вот беспамятная Агафья: ушла к сестре, а подполье забыла закрыть! Свечек нету. Сижу в потемках. А вы кто?

— Ты это с целью сделал! — вылез из шкуры Фенька.— Мы тебя в милицию, в каталажку!

— Милиция здесь! — раздался голос из сеней, и кто-то стал отряхиваться.

— Погодь, божий человек, не заходи. Тут, оказывается, открытый подпол! — перетрусил Агафангел.— Сейчас лампушку засвечу!

В избу вошел Павел. Он посмотрел на подполье, обошел его и поневоле рассмеялся:

— Ну и попались выворотни! — Потом сердито повернулся к хозяину.— Ты зачем такое делаешь? Они-от с праздником к тебе.

— Господи, у всех праздник: у вас и у нас. Но вот Агафья подпол открыла и забыла закрыть. Я-то тут при чем?

— Давай, милиционер Павел, пиши протокол,— потребовал Фенька.— Чуть шею не свернул.

— Обожди ты со своей шеей, не до тебя. Агафангел Ванифатьевич, тебя Акиндиныч со стариками просили прийти к нам покойного отца... отпевать...

Агафангел приосмелел:

— Избу настудили, проказники, кабы картофель не заморозили. Их бы, товарищ милиционер, за хулиганство... Ладно уж... Пусть побыстрей выходят. Я готовлюсь и сейчас приду.

Ребята вывалили на улицу. Фенька подошел к Павлу.

— Я этого так не оставлю! — пообещал он.— Тебе

дороже этот святоша, чем мы. Может быть, мне через несколько дней придется разбираться...

— Знаешь что! Иди-ка ты...—вспылил Павел.— Мне сейчас не до вашего веселья! — махнул рукой и направился на конец села.

За селом дорога раздваивалась: одна шла на Едому, оттуда возили дрова, вторая шла на Кырганик. Обычно каюр, отправляясь в дальний путь, подвозил досюда семейство, и здесь они расставались. Называлось это место — росстань. Сюда мильковские девушки приходят слушать «голоса». Они припадают ухом к дороге и в сладкой тревоге ждут скрип полозьев и зов суженого.

Павел еще издали заметил на росстани гадающих девиц, но не остановился, не повернул назад. Угнетаемый несчастьем, он шел в какой-то полудремоте. Вскрик испугнутых им девиц заставил его остановиться и прийти в себя. Девки убегали в обе стороны, оставив на росстани медвежью шкуру. Павел с горькой улыбкой посмотрел им вслед. И тоска по утраченному снова взяла свое.

— Ты чего это, друг, тут бродишь? На свидание, по-ди, притопал, вон сколько девушек на тебя гадало,—вывел его из раздумья голос Максима Красильникова.

— Нет,— смутился Павел.— В избе отпевают. Кадят. Мне ничего не дают делать. Пойду, наверное, к Акинди-ну, там переночую.

— Хороший погиб человек. Помню: как-то проплываю на бату около ихнего стана, кричит мне сверху: «Остановись-ка, Максимушка, послушай: там, впереди тебя, не нашенский мужик на бату сплывает, как бы не опрокинулся. Последи за ним, не оставляй». Ничего, Павел, он пожил, тебе надо о будущем подумать. Как ты? К родникам не тянет?

— Иногда.

— Родину нельзя забывать. Был у нас исполком. Слушали Фильянова о работе милиции. Молодцы вы. Решили Поперечную улицу переименовать в Милицейскую. Еще поступила просьба от Быстринского района направить к ним на работу милиционера. На тебе остановились. Как ты?

— Мало нас... Как мне прикажут.

— Ну, так уже сразу — прикажут. С твоим желанием будут считаться. Насчет малочисленности — не беспокойся. На днях из города пять новых работников мили-

ции подъедет, правда, с жильем у нас плоховато, но ничего, по квартирам распределим. Так что подумай, Павел.

— Ладно, подумаю...

— Фу-ты ну-ты, что мы с тобой, Павел, наделали!

— А что?

— Да вон девчонки пришли на свою судьбу загадать, а мы им, этикие бессовестные, мешаем. Пойдем назад.

— Пойдем... В Эссо я, конечно, поеду. Друг мой Акиндин собирается на юриста в городе учиться. Без него теперь здесь будет скучно...

— Правильно, Павел, рассуждаешь! Кадры мы сами должны ковать. Вон, Аркадий идет работать счетным работником в рыбкооп. Товаров сейчас в район поступает очень много. А кто их станет учитывать? Наши грамотные выдвиженцы. Серафима Ворошилова забираем инструктором в райзо, будет учить счетному делу колхозных счетоводов. Здорово вы, ребята, изменились. Большими людьми будете... Там, у своих земляков, не забывай нас. Если что-то не получится, пиши нам, по старой дружбе поможем,— сказал Максим и засмеялся.

— Ладно, напишу. Вдруг невеста понадобится, на росстани их много, на женихов гадают. Я уже жених. Поможете? — спросил и тоже засмеялся, но, вспомнив Гаврилу, замолк, опустил голову.

— Ты чего это?

— Я пойду. Спокойной ночи.

— Ночь-то, паря, не спокойная. Иди. Если там тесновато, приходи ко мне, чаи гонять будем.

Максим повернул к дому. Долго ему не спалось, одолевали думы. Не нравилось ему предложение Ключевой: избрать районным секретарем комсомола Феньку Коршунова. Властолюбивый парень. С чего-то к директорше льнет? Может быть, излишнее сомнение? Надо заснуть. Завтра с Фильяновым решили посетить школу, посмотреть, как там с противопожарной безопасностью. Сам этот вопрос выдвинул на исполкоме — теперь выполняй. Сильно уж из труб искры летят... Что-то меня стали пожары пугать? — подумал и расхохотался.

— Ты чего, Максим, среди ночи с ума сходишь? — заворчала жена.— Хохочешь, как маленький!

— Суеверничать, жена, я начал. Идем сейчас с Павлом...

— С каким там Павлом! Спи.

— Сплю...

А Павел не спал. Он прошел по Партизанской, свернул на Поперечную улицу. Прошелся по ней несколько раз и вернулся к дому. Тишина кругом, как будто Земля слушает Вселенную. Но вот величественное безмолвие Камчатки нарушил вожак упряжки. Он тоскливо взвыл в небо, как бы жалуясь на пронзивший его холод, а может быть, он просил прощение за гибель хозяина. Вожака поддержал коренной, за ними завывала вся упряжка. Звякнули цепи. Под звон цепей собаки пошли кружиться на привязи вокруг колов. Их кружение с диким подвыванием напоминало пляску древних охотников. За собаками Гаврилы завывала новая упряжка. Павел узнал по голосу собак Акиндиныча. Грустным пением выделялся Аттай. А тут подключились еще и еще упряжки. Село заполнил разноголосый собачий хор. Наконец вожак Гавриловой упряжки окончил свою жалобу к небу на высокой ноте, и стоглоточный вой собратьев оборвался. Собаки, дрожа всем телом, стали отчаянно рыть промозглый крупчатый снег и мохнатым клубком сворачиваться в глубоких воронках.

Павел вздохнул и поднял голову к небу.

Сверху ему улыбалась луна.

МИЛИЦЕЙСКАЯ УЛИЦА

Пошел четвертый день как похоронили Гаврилу Мальцева, а Павел все никак не может свыкнуться с потерей приемного отца. В избе стало пусто, холодно и неуютно. Ему не хотелось оставаться в осиротевшей избе одиночкой на ночь, и он упросил Фильянова назначить его на ночное дежурство в милиции.

Сегодня утром, возвратясь домой, он застал на крыльце ожидающих его председателя сельсовета Василия Дедова, Александра Карпухина и Антониду Подкорытову. Удивился:

— Чего так рано? Здравствуйте.

— Здравствуй,— с важным видом подал ему руку председатель сельсовета.— Мы пришли по официальному делу. Эти товарищи — понятые,— показал он рукой на Александра и Антониду.— Во-первых, требуется сделать опись наличия имущества покойного хозяина...

— Ты бы, Василий, по-простецки,— усмехнулся Павел, глядя на наигранную серьезность Дедова.— Переписывайте, а я тем временем печку затоплю, чаек под юолку с нерпичьим жирком приготовлю. Угощу вас с холода. Смотрите. Амбары не заперты. В одном лишь юкола... Вообще смотрите сами, чего вам надо.

Председатель сельсовета вынул из бордового портфеля заранее разлинованную бумагу, карандаш.

— Пошли, понятые.

Представительная тройка направилась к амбарам.

Павел затопил сухими дровами печку. Прибрался в избе и стал готовить еду на стол. Вскоре тройка возвратилась. Потирая руки с холода, Василий попросил:

— Открой нам кладовку.

— Она на вертушке.

— Идемте, понятые, поглядим.

Павел вышел с ними, открыл кладовку.

— Смотрите.

В основном здесь был запас продуктов на несколько месяцев: мука, сахар, соль, мясо. Кроме того, на полу лежали кукуль, палатка, в уголке стоял маленький охотничий камин, на полках разложены разные инструменты.

Василий изумленно уставился на висевшие вдоль избяной стены разных систем и калибров ружья.

— Сколько их? — спросил он.

— Семь.

— Ого! Знаешь: на днях проводился исполком, где решили: все нарезное оружие сдать в милицию.

— Конечно, знаю. Я и приготовил их к сдаче. Тут два моих — оставлю при себе.

— Остальное здесь осматривать не станем,— зябко похлопал ногой о ногу председатель сельсовета.— Заводи нас в избу, показывай, где хозяин хранил документы.

— Документы отец хранил за иконой,— впустил их в избу Павел.— После похорон я их переложил в гарновик*.

— Икон-то не видно,— поглядела Антонида на пустой угол.— У него, поди, их много было.

— Большую икону «Матерь божью» взял Агафангел, а остальные иконы старики положили в гроб. Я не вос-

* Гарновик — сундук.

противился. К чему они мне, неверующему? Чем прятать от глаз, пусть уж лучше с ним лежат.

Павел открыл сундук, куда Гаврила складывал гарье, старую меховую одежду, и достал трудоноску — сумку из нерпичьей шкуры.

— Берите.

Василий вывалил на стол все содержимое трудонос-ки. В ней находились граненые и простые иголки, про-шва для торбасов, жилые и крапивные нитки, ко-жа-ные и железные наперстки. Отдельно в кармашке ле-жали бумаги. Василий сразу нашел среди них нужный ему лист.

— Слушай, Павел, засвидетельствуйте, понятые. Ко-гда Гаврила Викентьевич оформлял бумаги на твоё усы-новление, он оставил письменное завещание на наслед-ство. Тут, в трудоноске, был первый экземпляр.— Пред-седатель сельсовета сунул руку в портфель и вытащил такой же лист с печатью сельсовета.

«Мильковскому сельскому Совету. Товарищи от вла-сти, если что со мною случится по несчастью и придет кончина, то все в избе, да и саму избу, завещаю своему приемному сыну Павле Гавриловичу Ичанге. Конечно, оставляю и собак с нартами ему, амбары и бат тоже ему. Вобщем, все мое наследство передайте Павле Гав-риловичу. Подпись ставлю во здравом уме. Завещатель Мальцев Гаврила Васильевич».

Василий положил бумагу в портфель. Выпрямился.

— Прошу понятых Антонида Подкорытову Алексан-дра Карпухина засвидетельствовать своей подписью ознакомление с завещанием наследника Павла Ичанги и ему самому расписаться с ознакомлением вышеука-занного документа. Прошу, товарищи!

— Напрасно, Василий, ты нас столько времени на улице морозил, как таракашек, можно бы было сразу ознакомить нас с завещанием и расписаться,— подня-лась с табуретки Антонида.— У меня-от еще мужики не кормлены.

За ней поднялся Карпухин.

— Пойду. У меня собаки не кормлены, Василий.

— Куда же вы на холод, люди,— забеспокоился Па-вел.— Чай вскипел. Юкола с медвежьим жиром...

— Это можно! — оттаял Василий.— Гляжу: юкола у тебя завидная, паря. Налей-ка нам!

Павел разлил по кружкам чай гостям, а сам уселся

на кровать и стал что-то писать на тетрадном листе.

— В сельсовет пишу,— ответил он на вопрошающий взгляд Василия.— Печать поставишь мне, председатель.

— Сначала надо посмотреть, чего там накатыл...

В избу зашел в милицейской форме Акиндин Бобряков.

— Вот они где! Здравствуйте,— поприветствовал он.— За вами, Павел и Василий, послали. Срочно соберайтесь.— И радостно извещил:— Вчера вечером пять новых работников приехали. Ребята что надо! Ночевали у меня. Утречком пошли в милицию, там до обеда Фильянов решил провести собрание по постановлению райисполкома. Так что поторапливайтесь. Да, чуть не забыл: за тобой, Павел, из Эссо нарта пришла. Каюр в райисполкоме у Красильникова сидит.

— Спасибо, хозяин, за чай,— поднялся из-за стола председатель сельсовета.— Задерживаться мы не имеем права. Пошли, люди.

— Обожди минутку,— остановил его хозяин.— Мне тоже требуется заскочить в сельсовет. Дай-ка только дописать... Во!.. Теперь все. Пошли!

Павел Ичанга пришел в милицию, когда кабинет начальника был уже наполнен людьми до отказа. За столом сидели Фильянов, председатель райисполкома Кубасов и Максим Красильников.

— Разрешите войти? — обратился он к начальнику.

— Входи. Вот и наш Павел Ичанга явился. Знакомьтесь. Садись, запоздавший, где сможешь.

— Пожалуйста, сюда,— встал со скамейки длинный, с косинкой в глазах незнакомый парень.— Я постою у стенки, подрасти еще чуток надо,— пошутил он под веселый шумок.

— Ну что ж, товарищи, ближе к делу,— одернул гимнастерку и поправил ремни на груди Фильянов.— Но прежде чем открыть собрание, я хочу присутствующих познакомить с новоприбывшими работниками милиции. Лобанов! — С первой скамейки поднялся среднего роста, белокурый, с крупным лбом и большими залысинами парень. В руках он держал фотоаппарат.— Направлен к вам работать в паспортном столе,— пояснил Фильянов.— Фотограф. Очень красивый почерк. А потому,— улыбнулся он,— даю ему первое задание: вести протокол сегодняшнего собрания. Следующий — Целовальченко!

— Я,— вытянулся по стойке «смирно» длинный парень у стенки.

— Вольно. В характеристике сказано: музыкант, играет на скрипке, хороший организатор молодежного досуга. Так что, товарищ завклубом, возьми его на заметку.

— Несомненно! — хлопнул ладонями по коленкам завклубом Егорушка Ворошилов и, прихрамывая на левую ногу, стал пробираться к Целовальченко.— С завтрашнего дня привлеку. Будем знакомы... Даешь оркестр!

— После, после поговорите,— погасил Фильянов радостную вспышку Егорушки.— Продолжим знакомство. Кайбышев... Воробьев. Все они комсомольцы. Так что, секретарь райкома комсомола, в вашем полку прибыло...

— Приятно такое видеть и слушать! — потер ладошкой о ладошку Феодосий Коршунов.— Пусть, не откладывая в долгий ящик, встают на учет!

— Встают на учет? Первое: надо их жильем обеспечить, на квартиру поставить.

— Посодействуем,— отозвался Коршунов.

— И еще, товарищ секретарь. Из районной милиции выбывают сотрудники: Рудов направляется работать на Чукотку; Бобряков уезжает учиться в юридическую школу; Ичанга переводится в национальный Быстринский район. Так что комсомолу нужно бы рекомендовать для работы в органах милиции лучших своих представителей.

— Поможем. Направим,— заверительно мотнул головой Коршунов.

— А теперь, присутствующие, разрешите открыть собрание. Слово предоставляю председателю райисполкома товарищу Кубасову.

— Минуточку, друзья, обождем,— встал председатель райисполкома. На груди его алел орден Красного Знамени. Сегодня он был в гимнастерке, каким никогда его не видели. Лицо воодушевленное.— Сюда должны еще подойти товарищи, но, видно, их призадержала...

Дверь открылась, и в комнату зашли заведующий райфо однорукий Лямзин и инструктор райисполкома Бердин.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровались они.

Кубасов наклонился к Фильянову и что-то прошептал ему на ухо, тот поманил рукой вошедших:

— Сюда, сюда, товарищи, к нам. Дайте два стула с передних рядов.— Когда Лямзин с Бердиным уселись, продолжил:— Принять участие в нашем собрании пришли: Сергей Прокопьевич,— Лямзин привстал и кивнул головой,— бывший боец легендарной чапаевской дивизии!

Взоры присутствующих обратились к Лямзину. Все захлопали.

Фильянов повернулся к Бердину.

— Федор Семенович, участник партизанского движения на Дальнем Востоке, боец отряда имени Карла Либкнехта!

Теперь присутствующие перевели взгляд на Бердина. Они в душе удивились: «Ишь оно как: живем рядом, видим их чуть не каждый день, а путем не знаем, кто они».

Встал и заговорил Кубасов:

— На днях состоялось заседание исполкома депутатов трудящихся Мильковского района, на котором заслушали отчет о работе нашей милиции. Работа признана хорошей. Много вами сделано в деле охраны общественного порядка, в борьбе с кулачеством и бандитизмом. Отмечая ваши заслуги, исполком депутатов трудящихся решил: назвать вторую улицу в Мильковском районном центре Милицейской!

Кабинет начальника милиции наполнился бурными аплодисментами и радостными выкриками. Среди них верещал восторженный голос рыбооповского сторожа Афоньки:

— Ловко мы тогда с Фильяновым утоновцев подловили. Паразит на народном теле, Утонов зубов меня лишил!

Кубасов, утихомирив людей, продолжал:

— Товарищи, помните: первая улица в Милькове была названа в честь камчатских партизан, которые в суровые годы встали с оружием в руках на защиту Камчатки от белогвардейцев и защитили ее. Сегодня вы удостоиваетесь чести вписать свое имя в историю нашего села. От души поздравляю вас, работники милиции!

Все встали. Неистово захлопали в ладоши. Пошли обнимать друг друга, поздравлять смущенных от радости ребят-милиционеров.

Фильянов попросил:

— Прошу всех сесть. Кто хочет высказаться?

В кабинете воцарилась тишина. Никто не решался брать первое ответственное слово, чтобы нечаянно не выпустить вялые слова и не погасить душевный накал товарищей.

На первой скамейке перешепнулись новоприбывшие парни. И вот поднял руку Мясоедов.

— Слово предоставляю Мясоедову,— подбодрил его кивком Фильянов.

— Я говорю от имени своих товарищей. Спасибо вам, наши предшественники, мильковские работники милиции. Ваши геройские поступки послужат нам хорошим примером. Мы продолжим ваши славные традиции, будем в чистоте держать звание советского милиционера. Мы приносим клятву комсомольцев-чекистов двадцатых годов.

Все пятеро встали рядом и торжественно произнесли:

— Наши знания, наши мускулы и наша жизнь принадлежат власти рабочих и крестьян. Мы не щадили их в огненные годы гражданской войны, мы без вздоха сожаления отдадим их в дни новых испытаний и побед. Ждем приказа наших командиров! — Пятерка замерла по стойке «смирно».

— Верим вам, ребята, — произнес Фильянов. — Никогда не забывайте слова-наказ Феликса Дзержинского: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК. Чекист должен быть, как кристалл, прозрачным». Садитесь, друзья. Кто следующим выступит?

— Можно мне? — произнес Павел Ичанга.

— Можно. Говори.

— Мне трудно говорить при большом народе. Недавно еще научился правильно говорить... Но скажу. Сегодня мне радостно и немножко грустно. Радостно оттого, что прибыли сюда хорошие ребята и нас не подведут. Радостно оттого, что Поперечную улицу называли Милицейской. А грустно оттого, что сегодня уезжаю... Может, я не то говорю? На добрую память хочу вам оставить это... — Павел протянул Фильянову исписанный лист бумаги с печатью сельсовета.

Фильянов прочитал:

«Мильковскому сельскому Совету. Я, гражданин Па-

вел Гаврилович Ичанга, прошу: все имущество, строения, оставленные мне по завещанию отца Гаврилы Мальцева, передать в собственность, то есть на вечное пользование милюковской милиции. В чем и ставлю собственноручно подпись при свидетелях — гражданах Милюкова Антониде Подкорытовой и Александре Карпухине. П. Ичанга».

— Как это понимать, Павел? Ты хорошо подумал, прежде чем подпись поставить? Ведь это твое наследство.

— Товарищ начальник, хорошо подумал. Вы же говорили, что негде разместить новых товарищей. Так? — спросил и усмехнулся. — Собачки избу с амбарами до Эссо не доvezут. А вот нашим ребятам есть где жить! Примите от меня, вашего товарища, на память.

Фильянов вышел из-за стола и крепко обнял Павла.

— От всех нас спасибо тебе, Павел. Не знаю, как и отблагодарить... но мы не останемся в долгу, чего-нибудь сообща придумаем. Вдалеке не забывай нас. Когда едешь?

— Сегодня после обеда. В Кырганике переночуем.

— Кто еще, товарищи, будет говорить?

Максим Красильников достал с пола сверток, положил на стол.

— Разрешите мне? Молодежь колхоза «Безбожник» поручила с Аркадием Плотниковым передать вам от их имени таблички. — Он развязал сверток, достал дощечку и показал ее присутствующим. На ней крупно было выведено: «Ул. Милицейская, д. № 1». — Теперь хочу добавить от себя лично: — Мое предложение такое: право прибить первые таблички на дома новой улицы дать уезжающим работникам — Рудову, Ичанге и Бобрякову. Пусть они не забывают своих сослуживцев и наше красивое село.

— Правильно! — раздались голоса. — Пусть не забывают!

— Будет еще кто говорить? — спросил Фильянов. — Нет. Тогда собрание закрываю. Пойдем на улицу прикреплять на домах таблички. Прошу сотрудников милиции, да и всех присутствующих здесь, конечно, кто сможет прийти, собраться у райисполкома после обеда. Проводим своего товарища.

После обеда у здания райисполкома собралось человек тридцать. Был тут и рыбокопковский сторож. С той

поры, как он принял участие в поимке утоновцев, стал себя причислять к внештатным работникам милиции. Любил напоминать: «Утонов лишил зубов, прощай любовь!»

В три часа каюр подвез Ичангу. Отъезжающий был одет в праздничную кухлянку, расшитые бисером торбаса. На голове пушился с длинными наушниками лисий малахай, как будто он собрался не в дальнюю дорогу, а на ламутский праздник нургынэк.

Из здания райисполкома вышли со свертками в руках Фильянов и Красильников.

— Ну-ка, Павел, приторачивай,— свалил свертки на нарту Красильников.— Гостинцы для земляков отвезешь и кое-что для тебя приготовили.— Потом обратился к провожающим.— Ну чего, ребята, пойдем к росстани, проводим по мильковскому обычаю.

На росстани уже ожидал Ичангу Акиндиныч. На дровяной нарте сидела его жена Анна Яковлевна. В руках она бережно держала узел. Когда приблизился Павел, Анна Яковлевна встала и подошла к нему.

— Павлуша, вот тебе испекла на дорогу рыбный пирог. Приедешь в Кырганик, там и поешьте.

— Спасибо, Анна Яковлевна,— поясno поклонился ей Павел.— Я вас никогда не забуду.— Он подошел к упряжке Акиндиныча.— Прощай, Аттай.— Вожак вильнул хвостом. Павел взял собачью лапу и потряс. Подошел к Акиндинычу.— Уезжаю вот...

— Езжай. Мужик самостоятельный, не испорченный — сумеешь устроить свою жизнь. Не забывай нас.

— Пока жив — не забуду. Добрые вы люди!.. Попрощаюсь с ребятами...

— Прощайся. Приезжай, как выпадет случай.

— Постараюсь. До свидания, друзья! — Он пожал всем руки. Подошел к Анне Яковлевне.— Не болейте, не...— тут он словно задохнулся. Подскочил к каюру, выхватил у него из рук остол, дернул из стороны в сторону нарту.— Хать, Байбак!

Собаки рванулись вперед.

— Хать, Аттай! — крикнул своему вожаку Акиндиныч.

И нарты разъехались в разные стороны. Через некоторое время вдали уплывали по снежной долине два маленьких пятна.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ФИЛЬЯНОВА

Сослуживцы проводили Павла и разошлись по своим делам. Фильянов с Краси́льниковым направились к школе.

— Послушай, Василий,— хихикнул Максим,— вчера стал рассматривать Петькину тетрадь по рисованию. Смотрю, сын каких-то греческих богов намалевал. Говорю ему: «Тебе бы, сынка, иконописцем стать, только поздновато родился». Петька выхватил у меня тетрадь, округлил глаза, как директорша: «Много ли ты, папа, понимаешь? — тыкнул в тетрадь: — Оставь надежду, всяк сюда входящий! Каково?

— Слишком умничает Анна Викентьевна!

— Переубедить ее трудно, все она знает, каналья. Эх, время, паря, мы неудачное для посещения выбрали.

— А чего такое?

— Сегодня директорша, поди, к политзанятиям готовится.

— Ну ничего, мы ненадолго. Смотри: чего это они так рано затопили печь? Не экономят дрова. А искры даже днем видать, не чистят трубы от сажи.

Они зашли в школу. В учительской находилась одна молоденькая учительница Варвара Федоровна. Она ворочала кочергой горевшие в печке бумаги. На полу валялась гора книг.

— Здравствуйте,— поздоровались вошедшие.— Где Анна Викентьевна? Можно ее увидеть?

— Сейчас позову.

Фильянов поднял с полу несколько книг и стал их рассматривать. Вошла учительница с директоршей.

— Чем могу быть полезной? — вскинула брови Анна Викентьевна.— Присаживайтесь.

— Холодновато у вас,— выдохнул густым паром Краси́льников.— Детушки, поди, замерзают?

— Где же быть теплу, когда колхоз дрова нерегулярно подвозит?

— Трубы в школе не чистят, сажка горит — от дров тут не все зависит,— придрался Фильянов.— Противопожарного инвентаря нет. Глядите, сожжете школу.

— А вы посмотрите на наши печки-тумбы. Сложены из сырца, вот-вот развалятся. Опасно их трогать. Просила с осени правление колхоза сделать ремонт. Отговорились: людей свободных нет.

— Хорошо. Поговорю с председателем. А что за книги сжигаете?

— Библиотеку от старья очищаем, от церковно-приходского мусора и устаревшей литературы.

Фильянов нагнулся и поднял книгу в красной обложке.

— «Капитал» Карла Маркса,— удивленно произнес он. Взял еще несколько книг.— Прекратите сжигать! Тут труды Ленина, Сталина, Энгельса. Что такое?

— Господи! — воскликнула директорша.— Что же вы наделали, Варвара Федоровна.— Бросилась на колени и стала подбирать книги.— Я приготовила их к политзанятиям. Как же вы?

— Их у печки не было. Я помню... я пришла...— перепугалась молоденькая учительница.— Я посмотрела на ворох бумаг. Вы сказали: все это сожгите...

— Надо глазами смотреть. Они лежали на стуле, а вы, видно, по рассеянности сгребли их в одну кучу. Слава богу, все тут, целые.— И, легко вздохнув, укорила: — Эх, молодежь, молодежь!

Фильянов стал рассматривать на стеллажах книги. Заметил труды Преображенского, Блонского.

— Почему здесь книги авторов меньшевистского контрреволюционного пошиба, оголтелых псов, врагов народа?

— Не горячитесь, товарищ начальник. Не я их сюда привезла и не мне отвечать,— возразила директорша.— Я их приготовила сжечь, но сегодня политзанятия и нет времени. Попросила Варвару Федоровну помочь. Чем нам терять драгоценное время, лучше пойдемте посмотрим школу.

Они прошли по всем классам. Школьная мебель: столы, скамейки, классные доски находились в плачевном состоянии. А о печках и говорить нечего — одни развалины.

— Ну что, уважаемые начальники, налюбовались?— со скрытой иронией спросила директорша.— Колхоз — в стороне от школы. Райисполкому — некогда, заседать надо. А здесь ведь учатся их дети!

— Хорошо, Анна Викентьевна. Мы поговорим с председателем колхоза. Постараюсь на следующем исполкоме вынести школьный вопрос. Что в наших силах — поможем,— заверил Красильников.— На будущий год намерены открыть интернат для школьников из других

селений. Домик бы хороший для жилья им подыскать! — Скучать начнут. И не случится ли подобное машуровской трагедии? — кольнула директорша Красильникова.

— Напрасно, Анна Викентьевна, подгоняете тот случай к интернату, — нахмурился Максим. — Колючий вы человек.

Директорша пошла провожать гостей. На крыльце попросила:

— Прошу вас ничего плохого насчет Варвары Федоровны не думать. Она хороший учитель, очень исполнительная. — И тихо: — Скажу вам по секрету: ваш новый секретарь комсомола вскружил ей голову. Иногда приходит в школу, навещает... Да что я вам секреты молодых открываю! До свидания.

— Какой она тебе машуровский случай напонила? — спросил Фильянов.

— Вспоминать бы не следовало... да ладно уж, расскажу. Когда я с Машуры перетащил земляков на новое место — в Долиновку, поначалу никак они не могли привыкнуть, тянуло назад. А родник Гурий Красильников, тот что делал: как только стемнеет, запряжет собачек и тайком уедет на Машуру. Утром до света возвращается. Весной Камчатка разломала лед — унесла дорогу. Подъехал Гурий ночью к реке... Утром нашли его мертвым... Застрелился прямо на нарте. Сильно тосковал он по старому жилью... Зайдем-ка к Мальцеву.

Красильников с Фильяновым зашли в правление колхоза. Помещение разделялось на три комнатухи. Одна — для председателя, другая — для счетовода, третья — зальчик для прихожих.

В председательском кабинете находились Михаил Мальцев и ветфельдшер Константин Пинигин.

— Не ждал гостей. Собрался уходить на конферму, — протянул руку Мальцев вошедшим, — сегодня кобыла Сонька племенной породы должна ожеребиться. Не могли бы попозже?

— Не можем. Поговорить нам надо, председатель, о вашей помощи школе, — наставительно попросил Фильянов. — Долго не задержим.

— Ладно. Константин, иди пока один. Я скоро. Слушаю вас.

— Скажи: почему не помогаете школе в ремонте, не всегда подвозите дрова? — пошел в наступление Кра-

сильников.— Директорша на вас в большой обиде, ведь там же ваши дети учатся!

— Лично ко мне она не обращалась,— удивился Мальцев.— Вы ее больше слушайте, она вам напоеет Лазаря. Районо до сих пор не перечислило нам за подвозку весенних дров, а мы закрываем отчетный год, в должниках остаются. Что, прикажете, через суд взыскивать? Какая там срочная нужда?

— Печки разваливаются. Гляди, вот-вот рухнут.

— Ну и что? У всех разваливаются, кирпич-сырец не вечен, чуть подмочи — и развалился. А они, лодыри, не могут крышу от снега очистить. На следующий год составляем производственный план, включили строительство кирпичного завода. Мастера нашли, какой-то к нам из Ключей причалил. На завод много «колов» потратим, не один ведь будет трудиться. На подготовительные работы придется посылать большую часть колхозников. На раскорчевку, на подготовку песка с глиной много «колов» уйдет. Пайщиков нет. А за готовым кирпичиком все население прибежит, это уж как пить дать!

— Каких колов? — заинтересовался Фильянов.

— Это, паря, наша мерка труда. День пробыл на работе — получай трудовень-кол. Ежедневно всем колхозникам, вышедшим на работу, ставим по колу в ведомостях.

— Так это же уравниловка! Один будет работать спустя рукава, а другой надрываться, как ломовая лошадь. В итоге дня выходит: тому и другому по колу. Несправедливость у вас.

— Не сразу, паря, все такое правильное-то делается. В новом году начнем внедрять норму выработки и оценку за норму.

— Как?

— К примеру: выйдут на корчевку леса мужики. Попробуют, сколько за день можно выкорчевать пней, выведут норму и дадут ей расценку. Так же поступят селянщики, доярки, сенокосчики... Слышите: Арсений Машихин на счетах щелкает — итоги за прошлый год подбивает. Неплохо выходит. Думаем нынче свиная поросятами наградить, доярок и пастухов — телятами. Денег для расчета в наличии маловато, а вы еще вдобавок пришли задолжников защищать!.. Всего больше придется натурой рассчитываться. Сбыт продукции плохой.

Все служащие огородами обзавелись, скот держат. И когда они работают в учреждениях, аллах их знает. Ничего, чего-нибудь придумаем, продадим свою продукцию! — Михаил рассмеялся. — Счетовод предложил правлению за случку с колхозным быком коров служащих брать деньги. А то они скараулят в лесу нашего быка и суют ему свою коровенку. В феврале подведем итоги и полностью рассчитаемся с колхозниками. Гулянье устроим. Бражку приготовим. Нетель убьем. Настряпаем, наварим! Ты, начальник милиции, пожалуйста, нас сильно-то не зажимай. Приглашаем вас на колхозный праздник.

— Праздник праздником, но не надо забываться, — предупредил Фильянов. — Тот раз охотники-колхозники ночью на пасхе вздумали из ружьев в небо палить и перешибли провода на столбах. Пришлось у них отобрать ружья. Нынче райисполком постановление принял...

— Что ж, по-вашему, выходит, теперь охотники должны по медведям из палок стрелять?

— Зачем же из палок? Пишите заявление: выдадим вам на колхоз ружья и закрепляйте в подотчет за охотниками.

— Вы меня, товарищи, задерживаете, — хватился Мальцев, — на конеферму спешу. Бригадира увижу, прикажу подвезти к школе дрова. Побегу я.

— И чего ты все бегаешь? — пошутил Красильников.

— Мне вразвалочку ходить некогда, — отпарировал председатель и выскочил на улицу.

Фильянов заметил на председательском столе синюю тетрадь с надписью «Заветные личные мечты».

— Интересно, — взял он тетрадь. — Давай-ка, Максим, задержимся на минуточку.

— Узнаю: Егорушкина тетрадь. Он задумал в клубе плакат выпустить с таким заголовком. Приходил ко мне... Ну читай.

— «Я родилась в Мильково, работаю в колхозе дояркой. Утром и вечером доим коров при тусклых фонарях. Темно. Электричество бы нам! Еще мечтаю съездить в Москву на выставку, посмотреть нашу столицу и сходить в Мавзолей Ленина. Шура Попова. Комсомолка. 16 лет».

«Егорушка, ты велишь написать в тетрадку о своих мечтах. Так знай: я мечтаю научиться играть на гармошке, а у тебя ее в клубе нету. Спиридон свою нико-

му не дает — сам наяривает. Свинарник хочу видеть просторным, а то чушки всегда ходят грязные. Хотел бы выучиться на летчика и посмотреть Камчатку сверху. Поди, красиво! А пока хоть бы пассажиром до Петропавловска прокатиться. Егор Потапов. Комсомолец».

«Наконец-то посадили первые фруктовые деревья. Мечтаю, чтобы в Мильково зацвел сад. Садовод. Член артели «Безбожник» Д. Е. Подкорытов».

«Мечтаю, чтобы у нас в колхозе было много тракторов, и хочу выучиться на трактористку; съездить в город революции — Ленинград, посмотреть «Аврору». Пионервожатая Ульяна Мальцева».

— Кончай, Василий. Остальное после в клубе прочитаем, — остановил читку Красильников. — Время идти на политзанятия.

— Обожди. Последнее прочитаю, председатель пишет.

— Давай читай, да побыстрее.

«Я, председатель привлечения колхоза «Безбожник», мечтаю посмотреть на материковские колхозы и поучиться у них ведению хозяйства. Хочу, чтобы сбылись наши колхозные мечты. Съездить бы в Америку и убедиться...»

— Чего это его в Америку потянуло? — выдавил насмешливый хохоток Фильянов.

Красильников посмотрел на него и огорчился.

— Эх мы, бестактные люди. Не дали человеку дописать о своих мечтах. Недаром нас сегодня отхлестали в двух местах.

В кабинет заглянул сторож Афонька и приветливо закивал Фильянову. Перешагнув порог, он протянул руки, чтобы по-свойски поздороваться с начальником милиции, но тот, уловив запах перегара, сморщил лицо и отмахнулся. Афонька, не переставая кивать, попятился в зал.

Фильянов подошел к окну и нервно пробарабанил пальцами по стеклу.

— Послушай, Максим: чего-то наша директорша темнит: верующих поддерживает, везде суется, где не надо. Сегодня после собрания спрашиваю нового секретаря комсомола, почему клуб перестали называть клубом имени Карла Либкнехта. Он мне отвечает: «Хотели и этот так же назвать, но Анна Викентьевна пояснила, что Карл Либкнехт был орлом революции, а не святым

угодником и его имя преступно прикреплять на бывшую церковь». Говорит, ее поддержал сам секретарь райкома Решетов.

— Он ее во всем поддерживает. Настаивает заведующей отделом просвещения поставить, да Кубасов не соглашается.

Фильянов прикрыл плотнее дверь.

— Скажи мне откровенно, на твой взгляд, почему не состоялось объединение колхозов Толбачинского с Долиновским? Все толбачинские остались на месте и вышли из колхоза?

Максим положил тетрадь на стол и прихлопнул ее ладонью.

— Видишь ли, толбачинские люди были не дураками, когда выбирали место для поселения. Поселились там, где много рыбы, где близко охотничьи угодья, где есть топольник для батов. Без бата рыбак — никто. Машуровские переселились в Долиновку потому, что их по весне затопляло, а толбачинским с какой стати бросать свое благодатное село?

— А почему вышли из колхоза?

— Там священник отрекся от сана, а пришлый председатель обрадовался и церковь использовал под конюшню. И ранил людей.

— А ты-то чего молчишь?

— Говорил я Решетову. Посмеялся он надо мной... Скажу по правде: написал я письмо в обком о неправильном подходе к коллективизации в нашей долине. Думаю, там разберутся... Извини, Василий, но я побегу на политзанятия. За опоздание директорша выволочку даст и Решетову докладную напишет!

Фильянов заглянул к счетоводу, но там шла такая суетня, что он не стал мешать им и вышел на улицу.

Над Мильковым смеркалось. Вдруг перед глазами Василия всплыло испуганное лицо молодой учительницы, и он, поразмыслив о прошедшей встрече, направился к ее квартире.

Варвара Федоровна, покончив с сжиганием бумаг, сразу же ушла домой. Несправедливый укор Анны Викентьевны испортил ей весь выходной день. Она всю дорогу искала разгадку: как у печки оказались книги Маркса и Энгельса?.. А может быть?.. Неужели все тут было сделано с целью сгубить ее? У Варвары Федоров-

ны вздрогнуло сердце, ее обуял ужас. «Домой, домой к родным!» — заработала назойливо мысль.

Она пришла на квартиру. Молча прошла мимо хозяйки в комнату и, одолеваемая горестными раздумьями, одетая упала плашмя на кровать и забылась в чуткой полудремоте. Вывел ее из этого состояния знакомый голос начальника милиции, доносившийся из прихожей:

— Приятного аппетита, хозяйюшка!

— Не побрезгуйте, садитесь ужинать, — певуче ответила хозяйка.

— Спасибо. С удовольствием сяду за стол отведавать ваш барабан. Мне еще не приходилось зимой кушать барабан. Где же вы умудрились зимой доставать икру?

— Спроворничала, товарищ начальник.

— Чистосердечное признание смягчает вину.

— Шучу я. Осенний кижуч до сих пор идет подо льдом. Мужик мой, Павел, наколет его мариком и в снеговой яме закопает. Так свежая рыбка у нас и не выводится. Отведайте нашего камчадальского барабана. Кушайте на здоровьишко.

— Квартирантка разве не у вас столуется? — глянул Фильянов на нетронутый в сковородке барабан.

— Нет, здесь. Заснула, наверное. Пришла какая-то расстроенная, невеселая. Я уж не стала ее беспокоить. Вам ее нужно видеть?

— Да как сказать... незванный гость...

— Варвара Федоровна, вы не спите? — крикнула в комнатку хозяйка.

— Нет. А что?

— К нам гость заглянул с холоду. Идите, вместе поужинаем!

Учительница вышла, поприветствовала кивком Фильянова и повернулась к хозяйке.

— Ужинайте без меня. Что-то не хочется — аппетита нет. Лучше так постою, за компанию.

— Не выдумывай, дева, за целый день, поди, в рот ничего не опускала. Садись кушать, а то смотри — обижусь.

Варвара Федоровна, тайком поглядывая на Фильянова, несмело подседа к столу. Отужинав, она робко спросила начальника милиции:

— Вы случаем не ко мне?

— К вам.

— Тогда пройдемте в комнату.

Фильянов внимательным взглядом обвел квартиру учительницы. Чистота. Аккуратно заправлена деревянная кровать. У окна, нагруженный книгами и тетрадями, стоит столик. Две крашенные в голубой цвет табуретки. У печи большой фанерный чемодан. Над кроватью в рамке фотокарточка выпускников Хабаровского училища.

— Ваш выпуск?

— Наш, педагогический.

— Наверное, тянет в родные места? — спросил и, не дождавшись ответа, сам же ответил: — Как не будет тянуть на родину? Родина есть родина, гордость человека, священная земля человека. В ней все свое, все родное, до кустика, до родника-ручейка. Но и Камчатка тоже родина. Небось и здесь вы нашли что-то близкое для себя. Своеобразное село. Почувствовали?

— Да. С первого дня пришлось столкнуться, — оживилась учительница. — Надолго запомнится.

— Расскажите, пожалуйста. Или моя форма вас стесняет?

— Честно говоря, с сегодняшней встречи...

— Вы о ней забудьте. Я вам верю.

— Сидим мы в учительской в ожидании звонка на урок. И вот в коридоре загремело ботало. Знаете, которое лошадям на шею надевают? Захожу в класс, говорю ребятам: «Здравствуйте, дети!» Они: «Здо-ро-ва!» Знакомлюсь: «Меня зовут: Варвара Федоровна, а как вас?» — «Ванька Федорин!». — «Федра Потапов!». — Поправляю: «Не Ванька, а Ваня. Не Федра, а Федя. Следующие?» — «Ульянин Ваня». — «Дунин Саня». — «Агрипинина Катя...»

Заполнила я первую страницу и захлопнула журнал. Говорю: «Вот и познакомились. Сейчас вам расскажу, что нужно знать ученику в школе, как себя вести». Тут заходит завуч Петр Петрович Бобряков, из миловских он. Спрашивает: «Познакомились?» Отвечаю: «Познакомились. Очень живые ребятки, только фамилии у них какие-то странные». Завуч открыл классный журнал и рассмеялся: «Знаете ли, у нас на селе сложился неписанный обычай: называть в народе детей по имени матери, супротив того как когда-то на Руси исходило от отца. К примеру: Иван Осипов Голыгин, Михайло Егоров Бобряков. У нас отцы ребят большее время в году

находятся на охоте, на рыбалке. Дома бывают редко. Волей-неволей в Мильково устанавливается «матриархат». Ульянин Ваня — это сын Ульяны Бобряковой. Дунин Саня — сын Евдокии Синаевой... Одним словом, придется вам с ребятами вновь познакомиться. А эту запись оставьте себе на память о первом уроке в Мильково». Так и храню ее, как реликвию.

— У взрослых же здесь наоборот получается, — заметил Фильянов и глянул в повеселевшие глаза учительницы. — Вот у меня жену будут кликать Васчихой, потому что здесь жена в народе зовется по мужу. Например: Мария Михайльчиха — жена Михаила. Евлениа Васчиха — жена Василия.

— Интересно.

Барвара Федоровна перестала чувствовать себя стесненной перед начальником милиции. Она видела в нем интересного собеседника. «И с чего так в школе перепугалась?» — подумала она. И опять перед глазами книги...

— Извините, я отнял у вас наверняка драгоценное время. Если позволите мне еще раз побывать в гостях, то обязательно приду в гражданской одежде... Мамаши ребятшек стали мной пугать. Неужто такой страшный? Фильянов вышел на Партизанскую улицу.

Над крышей школы взлетали искры горячей сажки.

У НАС НЫНЧЕ СУББОТЕЯ

Еще на той неделе в свободный от колхозных забот день мильковчане пели: «Во субботу день ненастный, нельзя в поле работать...» А сегодня комсомольцы нарушили святое правило, вывесили лозунг: СУББОТНИК! ВСЕ НА СУББОТНИК!

Оглашая окрестность задиристыми голосами, молодежь двинулась в поле:

У нас нынче субботея,
У нас нынче субботея!

Апрель, что бражка в бочке бродит. Пьянит. Весной пахнет. Хорошо! Но надо помочь земле освободиться от грузного снега.

В колхозе идет снегосгонка. Мчатся нарты по снежному полю. Скрипит под полозьями наст. Утренний мо-

розец утрамбовал, отутюжил снежок, пешком иди — не провалишься!

На нарте двое: один каюрит, другой — из бачка золу по сторонам раскидывает. Летит нарта — за нею черная полоса остается. Все ширится и ширится полоса на колхозном поле.

Руководит работой по снегосгонке уполномоченный по колхозу Максим Красильников. Его нарта идет впереди. Рядом с ним сидит племянник Иннокентий. Приехал он в Мильково на комсомольский семинар, а неугомонный дядя в разгар учебы объявил субботник, говорит: «Если часто вы, ребята, будете садиться, то у вас задницы отяжелеют — далеко не уйдете. Давайте разомнетесь на колхозной работушке, потягаемтесь — кто кого!» Хитрый дядя!

До этого раза по полю ходили на лыжах и золу кидали из ведра. А Красильников додумался нарты приспособить. Смекалистый Максим!

Мчатся упряжки по волнистой долине. Разбрасывает Иннокентий по сторонам золу, удивленно поглядывает на каюра.

— Дядя, у тебя ни одного черного волоска на голове не осталось, словно в пурге без малахая побывал.

— Не знаю, племяша, не зеркалился. Давай поднажмем. Видишь, Михаил Мальцев с Бурмагой нам на пятки наступают?

— Нажимай, дядя! Кто он, Бурмага?

— Селекционер.

— Не понимаю.

Максим постучал остолом по нарте.

— Однако, паря, совсем отстал от жизни. Экой ты дикарь!

— А вы таракашки, забрались в свои кабинеты-щели — слишком важные стали. Кто мне в Долиновке-то о ваших делах расскажет? Может, сорока или Катюшка-болтушка?

Максим повернул голову к племяннику.

— Не шевели сороку. Письма бы дяде почаще писал, спрашивал бы... Опытную станцию возле Кахитки начали строить. Там станем выводить новые сорта овощей. Всегда будем семена про запас иметь. А пока при колхозе на опытном участке молодой агроном Бурмага практикуется, изучает наше хозяйство. Выделили ему помещение под селекционные работы. Хороший он му-

жик, трудяга. Не то что вон тот, видишь: на яру с Ключевой важничают.

— Откуда он такой гордый? Его словно колом снизу доверху проделали.

— Времянка. Из Петропавловска прикатил проверять полевые работы. Был он тут, Серба. Думали в этом году поменьше картошки посадить, побольше людей высвободить на строительство животноводческих ферм да на кирпичный завод. Куда там! Серба на дыбы поднялся: «Государственный план срываете! Отсебятиной занимаетесь!» Просмотрели мы план, на правлении обсудили. Оказалось: весь плановый урожай можно взять со старой площади, да еще и с гаком. А Серба знай дергает своими худосочными плечами: «Сочувствую, но ничем помочь не могу, план он есть план. Раскорчевывайте!» Решили мы на свой риск и страх без огласки посеять на новой земле зерновые. Вызревали же они когда-то! Мы с тобой в Долиновке ячмень вырастили. Правда? Пшеница уродится — со свежим хлебом будем жить. С этого года откроем парниковое хозяйство. Приезжай летом, племяша, огурцы с помидорами за обе щеки уплетать. То ли еще, Иннокентий, будет! Хать-хать, собачки! Ках-ках!

— А чего ты на дорогу повернул?

— Сейчас узнаешь. Затею хочу проверить.

Нарта остановилась на обочине дороги, у снежного бугра.

— Бери, племянник, в руки лопату. Быстренько раскопаем снег у ямы, золото я там закопал.

Вскоре лопаты ударились о промерзшую земляную корку. Сняв ее, Иннокентий увидел кучу дорожной пыли.

— Ловко ты, дядя, такое придумал!

— Летось мне на ум пришло: на дороге пыли по колено, а если ее сгрести в кучу да весной по насту посыпать поля? Золой-то на полную снегосгонку не хватит! Скликай-ка, паря, каюров.

Подъехали нарты. Максим зачерпнул полную лопатку пыли и подкинул вверх. Ветерок подхватил серое облако и далеко разнес его по полю.

— Славно придумано! — обрадовался, как ребенок новой игрушке, подъехавший Бурмага. — Теперь осталось развезти по полю и наделать для разбрасывания

кучки. Сейчас научу учеников, как делать, и они вместо игры большую подмогу нам сделают.

Но директорша, выслушав затею селекционера, недобро ответила:

— Постарайтесь такую работу проделать сами. Школьной программой копать в пыли ученикам не предусмотрено...

— Да что вы со своей мелкой идеей пристали к школе,— возмутился Щерба. Правая рука у него вздернулась и указательный палец, как наган, нацелился на Бурмагу.— У них своя работа, они заготавливают частокол...

— На субботнике могли бы помочь колхозу, а не частному лицу,— заговорил с недовольным видом Максим.— Мы проводим субботник, и лично вам—крестному отцу этого колхоза — не мешало бы сменить белую рубашку на рабочую!

— Не позорьте меня при народе! — вскинул голову Щерба и палец-наган перевел на Красильникова.— Я не член колхоза, чтобы мной помыкать, тем более при учениках. И также не позволю подрывать авторитет директора школы! Дети вызвались помочь в устройстве изгороди... Да что я перед вами отчитываюсь! Я должен доложить исполкому о вашем поведении!

— Докладывай! Я член исполкома. Там и поговорим... Едем, комсомольцы! — гаркнул бодро Максим.— А то к обеду снег начнет подтаивать.

Каюр бойко вскочил на нарту, гордо мотнул седой головой и умчался в поле.

«Молодой, а противный: нос, как у остола наконецник. Если бы дать ему табаку нюхнуть, вот чихнул бы! — недобро подумал о Щербе Иннокентий.— Руководит колхозами, а колхозной работой брезгует. Обленился. Бурмага — другой человек. Оба в одном деле, но относятся к нему по-разному... Вон дядя вечно в заботе, всем хочет помочь. Почему так?»

И, как бы отвечая на раздумье племянника, дядя произнес:

— Ишь, «не член артели». Да ну его к черту! Ты говоришь, я быстро поседел? Запомни: человек, окунувшийся всем своим существом в бурный поток жизни, не замечает скоротечного времени, ему некогда оглядываться назад. Вся его энергия уходит на борение, весь его разум направлен в будущее. А тихая обывательская за-

воду — пристань для корыстолюбцев. Жизнь для них — замкнутый мирок. Оглядываясь на время, они спешат насытить усладой свою прихотливую плоть...

В полдень наст подтаял, и снег под нартами начал проваливаться. Максим подошел к Михаилу Мальцеву и посоветовал:

— Отпускай людей, дальше толку от нашей работы не будет. Упряжку передай Бурмаге, пусть поучится каюрить, а мы с тобой пройдемся до села пешочком, поговорим кое о чем.

Собаки, почуяв конец работы и близкий отдых, оживились, забеспокоились. Комсомольцы, раззадоренные соревнованием на субботнике, решили напоследок устроить гонки до крайних домов. Хакнули! Ударили кривыми остолами о снег, и упряжки дружно рванулись домой. Сразу же вперед устремился Иннокентий Красильников. Едущий за ним Бурмага на крутой роскати вылетел из нарты, но успел ухватиться за крайние копылья и волочился на животе до тех пор, пока собаки не остановились.

— Цепкий он мужик. Не изнеженный, — похвалил Михаил. — Надолго останется в колхозе.

— Этот должен у нас осесть, — согласился Максим. — Планы у него большие на будущее в полеводстве. Да, чуть не забыл: как у вас по-новому с начислением трудодней?

— Неплохо. Колхозники говорят, что так лучше, чем всем колы ставить за день. Сделали расценки на каждый вид работы, обсудили на правлении и вынесли на утверждение общему собранию колхозников. Здесь застопорилось. Оказывается: расценки-то мы сделали в среднем по выработке, без учета трудоемкости. К примеру: на прополке овощей одной колхознице участок достался сильно засоренный, другой — почти без сорняков. Кто больше заработает? Или возьми: груз перетаскивать в десять метров или с расстояния пятидесяти метров? Пришлось нам вновь пересматривать нормы и расценки. Конечно, еще будут изменения, но главное сделано. Колхозники не в обиде. Правда, через несколько дней, — председатель усмехнулся и покачал головой, — приходит в правление Степанида. Так это стеснительно потопталась у порога и ко мне с обидой: «Пошто, Миша, меня-то по-старому числите?» Я удивился: «Как это числите?» Она: «Вчера в хранилище

перебирала картошку. Соседке Катерине начислили один трудодень и как его?.. соток пятнадцать. Сватья Аграфене — семьдесят этих соток. Макрина, жена бригадира, поработала до обеда, так и ей начертили питьдисат соток». «Ну и что из этого?» — спрашиваю я. «Вот тебе на! — обиделась она. — Если у Макрины муж бригадир, так ей можно питьдисат соток, а мне, безграмотной, можно по-старому ставить — кол-трудодень. У меня-от семья! Сделайте мне питьдисат соток». Понял я ее возмущение. Разъяснил. Оказалось, Виктор Михайлов над ней пошутил...

— Не Виктор виноват, а я. Не научил Степаниду грамоте, на двух буквах застряла... Партячейка помогает тебе?

— Подсобляет. Мне и комсомольская организация помогает.

— Давай пиши заявление о приеме в партию, чтоб на будущий год колхозом руководил председатель-коммунист Михаил Мальцев. Понятно?

— Не совсем. На следующий год нового председателя изберем — демократия у нас. Сначала председателем был Савва Бобряков, за ним Викентий Шишкин председательствовал, потом я. Нынче, наверное, Викентия поставят... Так повелось в колхозе. Щерба так настаивает.

— Ты, Михаил, рассуждаешь, как та Степанида. Чего-то мы тут нагородили не так. Неправильно нацеливали колхозников на отчетных собраниях. Каждый год оценку в работе правлению колхоза дают хорошую, а вы все время меняете председателей. Разберемся. Ты пиши заявление, я за тебя ручаюсь, даю рекомендацию. Бурмага тоже даст.

На краю села, у скотного двора, Максима с Михаилом ожидал пастух Аббакум.

— Далеко вас заметил. Хотел навстречу выйти, да вижу о чем-то дельном баете, решил дать вам отговориться. Теперь скажу: чушки на ферме до сих пор не кормлены. Николай Толман один там, помощнички ушли на Камчатку-реку. Не управляется заведующий свинофермой. Подмогу просить стесняется. Один визг стоит над чушатником. Хотел ему помочь — прогнал.

Максим прислушался.

— Действительно визжат. Пойдем-ка.

Заведующий свинофермой рубил около кухни дрова.

Рядом в загоне хрюкали и визжали свиньи, пытаюсь рылами открыть двери.

— Почему до сих пор свиньи не кормлены? — запустился на заведующего председатель. — Что случилось, Николай?

— Отпустил я парней, а одному не справиться.

— Кто тебе такое позволил?

— Сам я. Выслушай сначала меня, потом как хошь — твоё председательское дело. Понимаешь? Прибегает в слезах Карандашов Ванька, голосит, словно под ножом чушка: «Папа утонул. Волчок мокрым вернулся. Его папа на бату увез!» Парни-свинари смотрят на меня с мольбой, дескать отпусти нас. Ванька-то их друг, всегда им тут помогает с пионерами. Говорю: «Идите, ребята, ищите. Я тут как-нибудь один управлюсь. Туго будет — помощь от людей добуду». Да вот, как видите, и не управился. А помощь откуда? Суббота сегодня.

— Ладно, потом разберетесь, — прервал разговор Максим. — Свиньи не виноваты. Ты, Николай, иди готовь кормушки, мы тут сами поварить будем. Впряжемся в работу, товарищ председатель, не впервой нам такое...

Набрав полную охапку дров, Красильников зашел на кухню и вышел довольный.

— Ну, паря, обед у нас будет отменным. Заглянул я в котел, там варится картошка, да такая, какую бы бабы на крахмал взяли, а тут чушкам. Жаль, соленку на нарте оставил!

— Я же мешок с едой прихватил. Соленка есть. Картошка-то готова?

— Почти сварилась. Через полчаса можно опану* заварганивать. Успеем и пообедать и Николаю помочь свинарник очистить.

Вернулся Максим домой к вечеру. Племянник его встретил с блокнотом в руках.

— Ну и долго ты! Скажи мне, дядя, надо ли ламутов переводить на оседлость? Ведь мы их можем картошкой и овощами вот так обеспечить, а они нас — оленевой.

— Не жирно ли нам будет? Переводить на оседлость их необходимо... Они уже почти все осели. Чего тебя беспокоило?

— Ну и станут они картошкой да овощами зани-

* Опана — варево для домашних животных.

маться, от оленей отвыкнул. В селах-то будут жить оленеды, а не оленеводы!

— Надо, племянник, смотреть подальше своего носа.

— меховую-то одежду мы у них покупаем. Зимой в сапогах начнем ходить.

— Надо облегчить им жизнь...

Заспорили. Жена Максима, глядя на мужа и его племянника, горячего как уголь, не вытерпела, стукнула пестом по столу.

— Перестаньте спорить, мудрецы, не то без ужина останетесь — собакам выброшу на корм. Сошлись два быка на дороге, один другому не уступит. Неужто вам дня не хватило поспорить?

— Не хватило, — ухмыльнулся Максим. — Вон Иннокентий, долиновский упрямец, не хочет старшему уступить, перечит, каналья.

— Ты же сегодня еще и не обедал.

— Обедал с чушками.

— Фу-у-у ты, мерзкий! — сморщилась жена и простонала: — Охо-хошеньки. В голове, поди, места для дум о доме не осталось. Дрова кончаются... Картофельная яма под снегом. Завтра воскресенье, никуда не уходи!

— Все будет сделна, как учили, товарищ начальник! — подделался Максим под голос Щербы и вскинул на жену палец-наган.

— Зачем вы, дядя, на комсомольский семинар прислали директоршу? — спросил Иннокентий. — Два часа читала лекцию, и мы ничегошеньки не поняли. Только и слышно: Кант, Гегель, Фейербах... По-простому надо с нами говорить. Она толкует: «Надо отталкиваться от материи», а Ванька Бушуев записал: «Надо отталкиваться от матери». Интересно она говорила о Шеллинге, но для нашей головы очень трудно поймать суть его учения. Не спорю: может быть, нам и нужно все это знать, но сразу трудно освоить. Заведи человека в незнакомый лес — заблудится. Так и тут. Только Фенька Коршунов с Кирьяком Докучаевым мало-мальски кумекают, дак говорят, что они по вечерам домой к директорше ходят...

Максим полистал толстую книгу, но не найдя в ней чего-то нужного, постучал пальцем по столу.

— Нет, паря Иннокентий, потом в конце концов этот Шеллинг на своей философии чокнется. Где-то у Маркса и Энгельса я читал, что он попадет в западню веры

и несвободы. Вот так! Насчет директорши скажу, что правда, то правда — много она знает. Нечего скрывать. Решетов чуть ей в рот не заглядывает.

Хозяйка взялась стелить постель для гостя. Максим зевнул.

— Ну хватить нам рассуждать на голодное брюхо. Мать, подавай на стол да поставить бражку не забудь... Племянник, у меня-от сегодня день рождения.

— Знаю.— Иннокентий вышел в сенцы и занес перпичий мешок.— Мешок тебе под поклажу. Вечный он. А это,— вынул племянник из мешка два топора: каменный и железный,— на добрую память о Машуре.

— Что они значат?

— Каменный топор послали старики. Древнего он рода — машуровского. Его передавали по наследству. Железный — это наш с тобой, которым начинали строить Долиновку.

— Таких каменных топоров теперь два.

— У кого еще?

— У Мерлиных в Шаромах. Он им тоже достался по наследству. Когда-то давным давно в долине было двое самых сильных богатырей: Голгоч из наших мест и Божош с верховий долины. Никто их не мог победить. Решили они тогда биться насмерть. Божош ушел на Шаромский мыс и стал там готовиться. Он нагонял оленя и убивал копьем. Ловил горных баранов арканом. Таскал на шее тяжелые камни на сопку... И когда пришел с ним биться Голгоч, то он его победил. От Божоша пошел род Мерлиных. С той поры Мерлины и передают по наследству каменный топор Божоша. Давай-ка приложимся, племяша! Эх, хороша бражка. Бери, Кеша, балалайку!

— У нас нынче субботея,
А на завтра воскресенье...

ПРОЩАНИЕ С МАКСИМОМ

Среди апрельской ночи тревожно загудел колокол. Тотчас в избах замаячили огни. Поднятые звоном с постелей люди с тревоге прильнули лбами к окнам. На конце села плясало огромное языкастое прамя. Горел скотник.

— Пожар, люди! — голосил колхозный сторож. — Пожар!

— Бом-бом! — гремит, не смолкая, колокол. — Бом.

По улице бегут наспех одетые люди, позвякивая ведрами и лопатами. Одичало ревут коровы, выпущенные на волю. Мигом у скотника столпился народ.

Максим Красильников быстро разбил прибежавших колхозников на группы и передал их в распоряжение подоспевшего к пожару Фильянова, а сам бросился загонять скот в дальний пригон, предназначенный для лошадей. Колхозники и подростки стали помогать ему. Доярки, взобравшись на изгородь, взялись считать коров закрепленных за ними групп.

Максим спросил:

— Все?

— Мои все!

— Мои тоже!

— Мои кажется... Ой, не все — Чернушки нету!

— Побудьте около них пока! — попросил Максим доярок. — Успокойте скотину.

— Ой, быка нету! — спохватился кто-то.

— Племенного быка Буяна нету! Там он! — закричали доярки Максиму.

Красильников с пастухом Аббакумом кинулись к скотнику.

Пожар утихал. Огонь перепуганной рыжей лисицей носился по бревенчатым стенам: то заскакивал под кровлю в одном месте, то выскакивал в другом. Его закидывали снегом, заливали водой, взятой из рывины.

Колхозники заметили, как Максим забежал в горящий скотник. За ним юркнул Аббакум. Люди подбежали к дверям, но тут же отскочили в стороны. Из скотника выскочил одуревший бык, весь опаленный, в крови.

До слуха колхозников долетел тревожный зов Аббакума:

— Помогите! Помогите, люди!

Несколько мужиков, накинув на головы мокрые потники, заскочили в помещение. Все замерли в ожидании. Из дверей вынырнул перемазанный сажей Аббакум, за ним четверо мужиков торопливо вынесли на руках Максима.

Старик пастух в отчаянии мямлил свои натруженные руки.

— Я побежал налево, к быку, а он — направо. Снял

я с Буяна цепь, да не успел отскочить, как бык меня в кормушку закинул. Выкарабкался, побежал к выходу. Смотрю на проходе Максимушка в крови лежит, видно попался на пути разъяренному Буяну. Батюшки, беда-та...

Красильникова увезли в больницу. У скотника остались караулить несколько колхозников и Фильянов — для выяснения причины пожара.

Днем Максим пришел в себя, попробовал пошевелиться, но острая боль пронзила все тело. Максим вскрикнул и улыбнулся через силу:

— Дерется, проклятая... Ничего... Воды мне...

Медведицына, молодой врач, с Савинским внимательно осмотрели пострадавшего. Доктор похлопал Максима по плечу и вышел на крыльцо. Ожидавший его появления председатель райисполкома Кубасов тихо спросил:

— Как он?

— Плохо. Ребра поломаны и, видать, все внутренности отбиты. Такая туша налетела... Свяжемся с городом. Наверное, Валерии Михайловне придется делать операцию.

— Сможет?

— Будем консультироваться с городом.

Валерия Михайловна приготовилась впервые к самостоятельной операции. Санитарка Дуся Кошкарева зажгла лампы. Савинский держал связь с городом. В больнице наступила тишина. И вдруг стол закрипел.

— Кто там трясет стол? — возмутилась Медведицына.

Под ногами заходил пол. Качнулись стены. Упала и разбилась лампа. Савинский сдернул с кровати одеяло и накрыл ее.

— Что это, ураган? Война? — растерялась Валерия Михайловна. — Ой, держите стол!

— Товарищ врач, возьмите себя в руки! — приказно прозвучал сзади голос Кубасова. — Землетрясение. Сейчас оно пройдет. Продолжайте!

У крыльца больницы толпились люди. Одни переживали, ждали исхода операции, другие пришли ради любопытства. Подземные толчки заставили всех ухватиться за деревья и перила.

— Господи, в тартарары бы не улететь, — перекрестился Агафангел. Он не надеялся, что ему придется

исповедовать — Максим-то безбожник. Но на всякий случай к больнице пришел.

Земля дернулась несколько раз, словно в судорогах, и затихла. Все занемело.

Из больницы вышла Валерия Михайловна. Ее шатало от усталости.

— Все благополучно? — спросил ее Мальцев Михаил.

Она не ответила. Согнувшись как старушка, Валерия Михайловна медленно отправилась к речке.

К утру Максим скончался.

На третий день гроб с телом покойного выставили на крыльце клуба. Здесь был трудовой пост коммуниста Максима Красильникова, руководителя ликвидацией безграмотности мильковчан.

На похороны пришло все население. Приехали родные из Долиновки, привезли с Машуры туесок земли. Его бывшие ученики молча проходят у гроба, не скрывая катящихся слез по горестным лицам. Это он помог им, безграмотным крестьянам, шагнуть на первую ступень знаний. Каждый дорожит и гордится драгоценной для мильковчан бумажкой, подписанной Максимом Красильниковым.

Аббакум подошел к Анне Толман и попросил:

— Отойдем-ка, Аннушка, в сторонку. Прочитай мне,— он достал из кармашка, пришитого возле сердца, квадратик твердой бумаги.— Читай.

— «Удостоверение. Выдано члену колхоза «Безбожник» Петру Аббакуму Антоновичу в том, что он закончил курсы по ликвидации безграмотности. Умеет писать. Умеет читать. Заносится отныне в графу «малограмотный».

Руководитель ликбеза М. Красильников».

Тяжело терять общего друга. В глубоком раздумии над жизнью стоит старый пастух. Молчат люди...

Никто не знает, когда оборвется струна жизни, когда потухнет человек-звездочка. Но если песня его создана для народа, если его свет освещал путь другим—долго еще на земле он, будет жить в памяти людей...

Фильянов, руководивший похоронами, оглядел процессию и не нашел Решетова: «Видать, злопамятный, за докладную обиду затаил».

До самого кладбища гроб несли на плечах. Никогда за всю историю Милькова не было столько народу на

похоронах. Впервые вместо одинокого гнусавого пения дьячка над покойным, над кладбищем в многоголосом звучании поднялась революционная народная песня:

Прожил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...
И мы — твои братья по делу —
Тебя на кладбище снесли...

Впервые на могиле вместо креста люди поставили памятник с красной звездочкой.

Прозвучало прощальное слово председателя райисполкома Кубасова:

« — ...Спи спокойно... Пусть земля тебе будет пухом...

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

ОСЕНЬ

БАБУШКИН ОСТРОВ

Гагариха столкнула бат на реку до прихода весеннего паводка. Поплыла. Нужда заставила ее научиться ходить на бату. Приемный сын Гаврюшка удрал. Легла к нему ночью погреться, а он выскочил на улицу и до сих пор не является. Кто наготовит дрова на зиму? Комсомольцы больше не просят избу под веселие — большим клубом обзавелись. Кто даст рыбу на соленку? Колхоз? Нечего и думать.

Года два тому назад Гагариха подобрала на песке брошенный кем-то хороший крашеный бат. Через день пришел Фенька Коршунов и потребовал вернуть ему:

— Мой бат нашла. Не отдашь — в суд подам.

Гагариха схитрила:

— Суда у нас нет. Бат не твой. Его мне племянник с Машуры пригнал. В сельсовет Ваське заявлю!

Фенька, видно, подумал и струхнул. На другой день отказался:

— Действительно не мой. Добрый бат. Ты его подалее от завистливых людских глаз причаливай. Низовые могут увести насовсем.

Отказался и даже с Докучаевым по комсомольской линии сделали ей пристаньку в укромном местечке.

Так Гагариха стала батовщиком. Однажды, заметив на острове много сушняка, она направила туда свой бат. Тряслась, бедняга, всем телом, что в тарелке холодец, но все-таки к цели добралась. Сходила раз. Сходила два... И вот возле избы стоят костром сухие дрова. Их больше, чем у соседей-мужиков. Обрадовалась: можно прожить и без них, мужиков.

Посредине острова загнулась подковой Кавыча, старое ответвление Камчатки. Осенью в ее ямы заходит множество рыбы. Гагариха сплела из крапивных волокон нити и связала небольшую сеть. Поставила ее на устье Кавычи, потом ушла на бату к ямам. Сначала обратилась к Николаю Чудотворцу:

— Ой, Никола-угодник, помоги мне сегодня поймать рыбку. Хочу ее шибко!

Но, видимо, вспомнив, каким стареньким выглядит на иконах Николай Чудотворец, усомнилась:

— Глуховатый, поди. Не услышит.

Тогда она вытащила из мешка деревянного болванчика. Погладила по головке.

— Ой, Кол-кол, посажу тебя за стол, если будешь помогать рыбу в сети загонять!

Потом посадила болванчика на нос бата и погнала рыбу в ловушку, напевая: «Ой идут мои коровушки в загон!»

Поставила сеть раз. Поставила два... И вот в кладовке бочки с соленкой. Конечно, рыбка не та, что на большой реке, но все же, что ни говори, еда. На зиму хватает.

Претендентов на остров у Гагарихи нету: колхоз ловит рыбу на больших реках, единоличники на лето объединяются в артели и ставят запоры вдалеке от нее, старики живут на Стариковской. Благодать!

Осенью Гагариха заготовляла впрок черемуху на зиму. Забрела в глубь острова и наткнулась на заброшенную Доркой барабару.

«Вот он где с ней тешился!» — позавидовала она.

Зашла в юрту. Огляделась.

«Добротная еще. Под чего бы ее приспособить? — пожадничала она. — Не пропадать же ей даром?»

Пока шла на берег, голова от дум раздулась. Глядь: Агафангел у заветного местечка сетку поставил. Сидит довольный, сияет, подобно луне.

— Доброго здоровья, Акулинушка. Богаты тут-ка места. Бойкая ты! — послащавил он хозяйке острова.

— А-а-а! — взревела в ответ хозяйка острова, схватила шест и грозно двинулась в наступление. Спихнула непрошеного гостя в холодную воду. Подскочила к основному колу, оборвала веревчонку у сети и воинственно встала на отвоеванной земле.

Агафангел залез в бат. Перекрестился. Отряхнулся, как охотничий пес. И, тыкая в сторону села, пригрозил:

— В сельсовет заяву, обормотина!

Гагариха стукнула оземь шестом, словно воин копьем.

— Ступай, беспутный!

— От церкви отлучу. Прокляну, распутная!

Владычица острова насмешливо прищурила разные глаза.

— С крыльца свовова гнилого домишка, што ли?

— В ад загоню!

— А я тебя сюда! — вздернула Гагариха юбчонку.

— Тьфу-у-у, богомерзкая!

— Ха-ха!

На другой день Гагариха приплатила на остров кусочную собаку и деревянную кровать, предложенную Василием Дедовым, председателем сельсовета, «из-за ненужности таковой по случаю приобретения железной».

Злая собака нужна ей для охраны владений и самой хозяйки. А кровать?

Прошедшей ночью, лежа на холодной постели, вспомнила:

«Ложe любви готово!» — заученно говаривал ночной корноухий квартирант, ложась в постель Гагарихи. Приходил он к ней тайком в полночь, расспрашивая о начальниках, о школе; совал в руки дешевенькие подарки и передавал записочки, которые она кидала в тополевоe дупло около церкви... Не одну ночь с ним провела. Господи, грешила на старость лет... Грешна. Проклятуший Фильянов корноухенького заграбастал. Жалко. А «ложe любви» в голове засело.

Прикинула в уме вертлявая Гагариха: в бывшей церкви, ныне клубе, не венчают. К Ваське Дедову в сельсовет на «бумажную пометку» идти не хотят. Спать ложатся молодожены невенчанными. Брачной ночи в доме родителей стыдятся...

Пошевелила мозгами и надумала: чистенько прибраться в юртишке, поставить кровать, на всякий случай в уголке повесить иконку девицы непорочной, а над самой кельей вывесить красный лоскут, как на сельсовете. И ложe любви готово!

Надумала — сделала.

Первым обновить его предложила сторожу и бабнику Афоньке. Ради открытия юрты сама ему вдовушку подыскала, уговорила. В благодарность за превосходный ночлег Афонька принес подарок. На вопрос сводни:

— Ну как?

— Блаженственно, — ответил. — Будто на седьмом небе побывал.

Гагариха развернула подарок и ахнула. Мешочек сахара и коробка шоколадных конфет. «Украл на складах, — догадалась, — таких в магазине не продают. Да бог простит его. За конфеты ребяенок заставлю дрова рубить на зиму... Нет, оставляю к чаю богатым молодоженам. Жаль, Васька не предложит самовар насовсем, придется свой на остров отвезти.

Уходя, Афонька ей подсказал:

— При богородице ухажерка конфузится, так ты тряпку рядом положи, чтобы на времечко божьей матери очи прикрыть.

— Ладно.

Пришлось полотенце отвезти — расходы непредвиденные...

И стали Агафьины владения называться Бабушкиным островом. Придет стеснительная парочка, проворкует:

— Можно у вас ночью на Бабушкином острове погулять?

Подмигнет.

— Погуляйте. Ваше дело молодое. Только с огнем осторожней, юртишку не сожгите. Цо не жалко, в юрте оставьте.

Оставляют. Не жадничают.

Ведет Гагариха бат на Бабушкин остров. Радуетя: «Опять весна землю будит. Амуры со стрелами летают».

Сошла на берег. Владычицей к юрте потопала. Открыла дверь—и ноги к порогу приросли. На кровати—ложе любви огромный мертвец лежит, бывший священник Астапчук.

Вдруг кухлянка шевельнулась и из-под нее вынырнул у шеи покойника белый горноста́й и встал на дыбки.

— Господи, спаси! — оторвала она ноги от порожка и прошумела к реке.— Дай, богородица, силушку осилка Кречетова! — прыгнула она в бат и потолкалась в Мильково.

Гагариха заскочила домой, постукалась лбом у иконы, выскочила и торкнулась в дверь избы Агафангела.

— Послушай меня...

— И слушать не хочу, срамница!

— Этот, как он? Твой священник Астапчук в юрте Доркиной на острове мертвый лежит. Ты бы взял его...

— Вон, старая греховодница! — развернул Агафангел Гагариху к двери.— Под милицию хочешь меня подкинуть. Иди сама выкручивайся!

Гагариха сплюнула через левое плечо и заспешила к милиции.

— Я не виновата! — открыла она дверь кабинета Фильянова.— Разберитесь, товарищ начальник.

— Посмотрим,— ответил тот.— Люди говорят: под старость лет на острове какой-то бардачок...

В это время снова распахнулась со скрипом дверь и вошел Мясоедов.

— Разрешите войти... Вот она! — обрадовался он, заметив в кабинете Гагариху. — А я ее по всему Милькову ищу. Где же вы были?

— Не виновата я. Вот вам крест, — перекрестилась Гагариха. — Да мне и на ум не пришло бы такое.

— Такое-сякое, — передразнил Фильянов. — Сторож Афанасий знает, как ты на юртишке подрабатываешь. Он подтвердит.

— Он? — вдруг обозлилась Гагариха. — Да он Доркину юртишку первый приспособил под женихание. Ворованные конфеты мне совал, неблагодарный кривоногий!

— Постой, не кричи. Скажи сначала: где сегодня была?

Гагариха выпучила на Фильянова разные глаза.

— Как где? За сушняком плавала. Кто его мне привезет? Уж не колхоз ли? Приплыла на остров, набрала подсух. Озябла, как собака. Хотела в юртишке согреться, а он тама-ка покойником лежит.

— Кто он? — насторожился Фильянов. — Какой покойник?

— Ну этот, священник Астапчук. Которого прогнали.

— Да ну?

— Ей-богу, не вру, вот-те крест. Лежит пластом и не дышит, горнок изо рта выскочил. Я напугалась и — к Агафангелу. Он, непутевый, меня вытурил из избы, я — к вам. Возьмите мой бат и сплавайте туда, убедитесь своими глазами.

Фильянов резко поднялся.

— Мясоедов, быстро к председателю сельсовета, и с ним — на берег, мы там с уважаемой Агафьей будем ожидать. Веди к бату!

— Я не виновата. Он там, наверное, давно лежит, шибко в нос чижолым духом ударило.

— Веди, потом разберемся.

Гагариха привела Фильянова к своей пристаньке. Ткнула рукой в сторону кустов.

— Вона-ка мой бат.

— Хороший у тебя бат. Где такой достала?

— Да такой уж нашла. Фенька касамольский приставал, дескать, его бат. Так я ему кукишку показала, он и отказался. Не один год валялся без хозяина, а тут

выискался. Хитрой парень. Добрые люди помогли мне бат наладить. Фенька с Докучаевским парнем пристаньку по ихней совести сделали.

Фильянов оглядел бат.

— Расскажи-ка, как ты его нашла.

— Расскажу. Но Астапчука я не убивала...

Подошли Мясоедов с Василием Дедовым.

Фильянов взял шест.

— Ладно уж, потом послушаю. Садитесь, товарищи, в бат, на корму сам встану. Показывай, куда плыть.

— На Кавычу, начальник, толкайся.

У стыка Антоновки с Кавычей берег был высоким. Невольно Фильянову пришла мысль: «Как же старуха наверх выбирается?»

— Тут приставать? — спросил он.

— Нет, — ответила Гагариха. — Плыви прямо под нагнутую ольховину. Вы, люди, пригнитесь к бату. Я в первый раз чуть-чуть тут не утонула.

Сзади бата, на Антоновке, послышался всплеск. Фильянов оглянулся. Плыли Феодосий Коршунов с Кирьяком Докучаевым.

— Ребята, задержитесь на часок, — попросил Фильянов парней. — Понятыми при обследовании трупа...

— Не-э-э! — замотал головой Феодосий. — Нам такое не подходит. У каждого своя работа. Меня на Макарке ждут неотложные дела, так уж извините!

— Фенька, можешь забирать свой бат! — крикнула Гагариха.

— На кой мне он, твой бат, сдался. — Сильно толкнулся шестом Коршунов и скрылся за поворотом.

Фильянов причалил к отлогому берегу бат, и представители от властей гуськом двинулись за хозяйкой острова. Быстро помахивая руками, она шагов на сто оставила позади компанию. На подходе из юрты вдруг выскочил огромный черный пес и сбил ее с ног.

— Спасите! Черт! — благим матом заорала она.

Собака метнулась в сторону, скрылась за густыми лапами кедрача.

— Какой страх-то напустил на меня проклятый кобель, — пожаловалась она подбежавшим мужикам. — Одна была бы — умерла. Вы сами тут-ка разбирайтесь, а я пойду к бату.

— Нет уж, голубушка, здесь побудь, — воспротивился Мясоедов. — При тебе будем выяснять.

Мясоедов зашел в юртишку и обшарил ее. Вышел он с листком бумаги. Подал Фильянову. Тот прочитал:

«Здравствуй, Аннушка! Прости, что я назвал тебя этим далеким, как сон, именем. После встречи в апрельскую ночь я стал в потемках переходить по льду Камчатку и провалился по шею в воду. Надо было бы поспешить к жилищу, а я лег на берегу и долго любовался нашим громадным костром. Пришел в юрту и слег. Лесные прохвосты хотели воспользоваться моей слабостью и изменой купить себе свободу, я заставил их замолчать навсегда. Теперь больной и раненый. А истопника все нет. Аннушка, я всю жизнь положил на алтарь твоих идей, хотя их плохо понимал. Я ненавижу ваши идеи, потому что они отняли у меня любимую, я дрался за ваши идеи потому, что ими жила любимая! Аннушка, сбереги себя — езжай. Всю последнюю пушнину передал по заверенным бумагам уполномоченному Свенсона... Уезжай...»

Чтение прервал крик Гагарихи:

— Дорка, в твоей юрте мертвец!

Вылезший на берег батовщик бросился к бату, но властный окрик Фильянова остановил его:

— Стой! Сюда!

Дорка, бледный, как береста, подошел к начальнику милиции.

— Пришел-таки? Помоги вынести труп.

Вынесли труп Астапчука-Утонова.

Где-то в стороне надсадно заголосила собака.

У ДЕВИЧЬЕГО ЯРА

— Смотри, Фень! — крикнул Докучаев напарнику.

Впереди них переплывал речку большой черный пес. Он плыл и выл.

— Фень, я его пристрелю, он бешеный.

— Не стреляй, Киря, пусть плывет.

Феодосий вытолкнул бат на Камчатку и сел на корму. И тут его охватила тревога: какого мертвеца нашли на острове? Какая появилась у Гагарихи необходимость отдать ему найденный бат? Может быть, это: ночевал он в гагарихиной юрте с Лукшой из Макарки, пообещал на ней жениться; наверное, хитрая девка, чтобы привязать к себе жениха, подкупила Гагариху, а та милицию

натравила... Черта с два заставите, теперь есть возможность взять в жены Вареньку!

— Фень, ты чего не смотришь вперед? Эдак нас на хлам нанесет! — забеспокоился Докучаев.— Какой-то вид у тя, паря, усталый, дай-ка я веслом погребу.

Киря пошел к корме, споткнулся о припорку и чуть не перевернул бат.

— Чё ты не можешь по-человечески пройти! — закричал Феодосий.— Вечно за что-нибудь цепляешься. Чуть-чуть не утопил. Стой на корячках, я тебя перешагну. Но и неловкий ты.

Докучаев взял весло и начал потихоньку грести. Чтобы нарушить тягостное молчание, спросил:

— Пошто не остановился, когда нам кричал Фильянов?

— Не маленькие, без нас обойдутся. Зачем время терять?

— Скажи, Фень: помнишь, когда мы были в гостях у директорши и ты ей принес учетные карточки комсомольцев?

— Ну? — насторожился тот.

— Я заметил, как она обрадовалась. И мне тогда стало страшно.

Фенька зачерпнул ладошкой воды и плеснул на лицо.

— Нашел чего бояться! Сам секретарь Решетов просил ее оказать помощь комсомолу. Нынче клубную работу помогает нам налаживать, чуть ли в клубе не ночует. Спасибо ей бы сказать, а у тебя сомнение засело.

— Быть может, оно так... но...

— Чего но?

— Как-то мы втроем: я, Егорушка и директорша задержались в клубе дотемна. Мы с Егорушкой в пристройке вальс «Беженку» разучиваем, она на сцене за занавесом революционную пьесу сочиняет. Сам знаешь, когда войдешь в азарт, не замечаешь времени. Чувствую, что уже поздновато, пора домой идти. И какой меня бес на сцену толкнул! Приоткрыл занавес, смотрю: на столе свечка горит, бумаги разложены, а Ключевой нет. Вдруг бац! Откидывается под столом крышка и в дыре появляется разлохмаченная голова директорши. Как обожжет меня большими глазами, я аж испугался. Но она сразу переменилась, весело мне говорит:

«Оказывается, Кирьяк, подполье есть! Задача решена: будем здесь корабельный трюм делать. Понимаешь, Кирьяк?» Я трясую головой, дескать, ни хрена не понимаю. Она взялась мне пояснять: «На пароходе «Свирь» белогвардейцы устраивали пытки пленным, до смерти замучили Иллариона Рябикова. Все это происходило в трюме под названием «Толковое зрелище». Мы покажем зрителю такую пьесу, что душу перевернет! Сцена — это палуба, а подполье — трюм... Понимаешь, Кирьяк?» Я хотя и не понимал, но согласно закивал головой. Тогда она, грозясь мне пальцем, строго говорит: «Пока не говори никому об этом ни слова, не то пропадет эффект пьесы. Ты будешь виноват!» Я дал ей честное слово никому не говорить...

— Так она же раньше знала, что на сцене есть подполье. Ей истопник при мне сказал! — удивился Феодосий и тут же усомнился. — Может быть, забыла? Но слышать-то наверняка слышала... Дождик накрапывает, кабы не разошелся! Приставай к берегу, палатку поставим.

Докучаев зачастил веслом.

— Рядышком, за поворотом, Девичий яр, не доходя и поставим. Проплывать в том месте опасно: в крутой яр бьет вода и шесты не достают дна. Причаливаем!

Натянув на колья под тополем палатку, друзья развели костер и поставили варить медвежье мясо.

Мрачное небо сморщило лоб. С реки повеяло холодком. И насупился лес.

Фенька, задрав голову, заорал в небо:

— Доставай, Киря, музыку! Пошла, печаль, ко всем чертям! Сделаем репетицию!

Докучаев достал из мешка гитару с балалайкой и сел напротив друга.

— Заварим, Фень, «Камаринского»?

— Заварим!

Неловкий Киря начал с выкрутасами выделять колнца на балалайке: то указательным пальцем снизу доверху ковырнет по грифу, то ладошкой постучит по кузову, ты выведет такое тремоло! Скособочит голову, упрется взглядом в балалаечную отдушину и нажимает, словно хочет вогнать себя в ту дыру.

Вдруг он сменил наигрыш, выпрямился и браво запел:

Эх вы, «Сашки» — канашки мои.
Разменяйте бумажки мои.
А бумажечки новенькие,
Двадцатипятирублевенькие.
А бумажечки красненькие.
Камчадалочки прекрасненькие!
А бумажечки синенькие
Камчадалочки красивенькие!

— Откуда ты такую выдумал? — удивился Феодосий.

— Не я, это Сkläй. Когда он обменивал бумажные деньги на золотые и серебряные, то так напевал. Я сам видел. Разменяет девке деньги и скажет: «Я—Александр Иванович. Приходите на ночь».

Феодосий отошел от костра и стал собирать сушняк. Мысль о директорше не оставляла его. Вспомнил, как ламут Палька на рыбалке хвастался, что они с лектором турнули из избы незнакомого человека, «длинного и нарядного, словно голец вачкуч». После лектор дарил ему деньги, а сам ходил к «сухопарой директорше». Ясно, приезжий лектор был не кто иной, как Сkläй. Почему раньше эта мысль не беспокоила? Он же тогда натравил верующих на активистов и бежал... Чтобы отвлечься от страшных раздумий, Феодосий ярче разжег костер и попросил друга:

— Достань, пожалуйста, Киря, карты. Сыграем.

Но игра не шла. Волнение передалось напарнику:

— Фень, зачем Ключевой понадобился тот парнишка из Ключей? — спросил Киря.— Он мог бы с почтой доехать.

— Я сам думаю, зачем? При тебе же она сказала: «Сплавайте за ним, парни, посылку для вас везет». Ведь мог бы посылку нам передать. Опять-таки, зачем ему ждать нас на берегу, а не в деревне? И почему мы должны забрать его и сразу, не заходя в деревню, возвращаться назад? Хрен ее знает, Киря, запутались мы с тобой, как мухи в тенетах!

— Запутались,— невесело посмотрел на Феодосия Кирьяк.— Мясо, поди, сварилось? Темнеет, и дождь усиливается.

Молча поужинав, вымыли посуду и забрались в палатку. Что-то тяжелое шлепнулось в воду и пошел осыпаться крутой яр.

— Когда-то девка, наверное, вот так бросилась сверху,— прошептал Докучаев.

Над головой под ветром жалобно заскрипел тополин-
ный сук, и крупные капли дождя, словно его слезы, по-
лились на палатку. Холодно. Парни залезли в кукули.
Не спалось. Феодосий подтянул к себе мешок с прови-
зией, достал кружку.

— С медвежатины в горле першит, на воду, паря,
потянуло. Киря, налей!

— Барин? Да-а-а? — нервозно заревел напарник с
противоположного угла палатки.

— Чего бесишься? Сам налью. Думал, ты ближе к
чайнику, ловчее тебе... — забурчал, вылезая из кукуля
Феодосий. — Давай и твою кружку налью.

— Отстань. Не хочу. Не мешай мне спать.

Феодосий налил чай. Вспомнил.

Прошедшей весной правление колхоза «Безбожник»
организовало субботник на скотном дворе. В обеденный
перерыв Киря, по доброте своей, навесил на таган для
всех ребят ведро с водой и разжег костер. Когда чай
был готов, Феодосий попросил:

— Киря, налей!

Тот ему налил. И только хотел за свою кружку
взяться, как со всех сторон потянулись руки парней:

— Киря, налей!

— Киря, плесни!

— Киря, будь другом — не откажи!

В сторонке на бревнах устроились мужики плотники.
У них своя обособленная артель. Но Виктор Михайлов,
поглядев на стан парней, бросил разжигать костер,
крикнул:

— Киря, ты что жадничаешь водой, иди сюда, налей
старшим!

Парень принес ведро к плотникам и разлил без ос-
татка весь чай по их кружкам.

— Еще, Киря навесь, — попросил Виктор. — Уважь,
паря, стариков. Хороший ты человек.

Парень вскипятит еще воды. Заварил. И вновь по-
тянулись к нему с кружками:

— Киря, налей, после соленки повторная требуется!

— Киря, налей, не откажи другу — век помнить буду.

А на стане плотников Виктор проявляет недоволь-
ствие:

— Что за молодежь нынче пошла? Никакого уваже-
ния к старшим: заграбастали общественное ведро и од-

ни опиваются. Киря, волокни сюда чай, будь хоть ты примером для невоспитанных!

Парень вылил из ведра остатки чая плотникам и пошел навешивать на таган третье ведро. И только вода начала закипать, Киря хотел отодвинуть ведро от пламени, как оно соскользнуло с таловой палки и полетело в костер...

— Ребята, кончайте обжираться! — недовольно крикнул Виктор. — Пошли работать!

— Пошли! — подхватил Феодосий. И, глядя на растерявшегося Кирю, добавил: — Хватит чаевничать!

От нахлынувшего смеха Феодосий поперхнулся. Закашлялся.

— Ой, Киря, Киря... насмешил!

— Завтра никуда я дальше не поплыву! — высунул голову из кукуля Докучаев. — Это ты меня, хитрец, заманил к своей длинноногой старухе!

— Врешь, сам напросился: познакомь с Анной Викентьевной, своди послушать гитару! Хитрый: хочешь всю вину на меня свалить. Скажи, кто у директорши под расписку деньги брал, а потом не вернул? Так знай, мне пришлось ее упрашивать, принять за долг товарища мамыны торбаса. После уж сказал тебе, чтобы те деньги мне отдал. А старухины деньги недействительны уже.

— Камчатские они. На них три вулкана. Кырганский конюх Капитон за те деньги мне две собаки продал.

— Дурак твой Капитошка, за дерьмо собак отдал. Расписку-та у директорши взял?

— Нет.

— Ну и ты дурак!

— Чем обзывать, Фень, ты бы лучше подсказал, как дальше быть?

— Голова устала. Давай спать. Утро вечера мудреней, говорят.

К утру Феодосию снилось: сидит он на полке в бане парится. Слишком горячо. Выскочил в предбанок. И тут жарко. Не одеваясь, шагнул за порог. Из-за угла Лукша на шею кинулась, сдавила в крепком объятии:

— Приплыл, мой Фенечка? Приголубь меня, пожалей! Феня, я беременна, скоро тебе медведя рожу, лохматенького.

Отталкивает Феодосий Лукшу от себя. Ворочается в спальном мешке.

— Не толкай меня, Фень,— слышит он наяву вместо Лукшиного голоса тяжелое мужское бормотанье.

— Чего тебе надо? — вылезит он, тяжело дыша, из кукуля и видит навалившегося сверху Докучаева.— Ты?

— Я. Знобит меня,— застучал зубами Кирьяк.— Хотел выйти из палатки да свалился на тебя. Подняться силы не хватает. Дай тут отдохну.

— О, Киря, у тебя жар,— пощупал Феодосий Кирилл лоб.— Видать, сильно ты заболел. Придется нам вращиваться в Мильково. Опять же директорша не поверит. Ты надолго заболел?

— Кажется...

— Тогда отговоримся.

Феодосий стаскал вещи в бат, положил на дно товарища, укрыл палаткой и повез его в Кырганик.

Деревня от берега недалеко, а маленькая речушка, впадающая в Камчатку, подходит почти что к крайним избам. Подплыли к самой ближней избе и сошли с бата. На крыльцо вышел колхозный конюх Пермяков Капитон. Он явно был под хмельком. Ухватясь левой рукой за перила, заколыхался как запорный кол на быстрой реке.

— Вот ты мне где попался! — вытянул он руку в сторону Докучаева.— Я-то думаю, кого бог в такую погоду послал, а это обманщик приплыл. Ну иди, иди сюда.

Феодосий подхватил под руку Кирьяка и подвел к крыльцу.

— Слушай, Капитон, он сильно заболел и сейчас к нему с ерундой не приставай! Дай товарищу немножечко побыть у тебя. Я только к председателю сбегаю.

— Ерунда, говоришь? Ты сильно нацальником стал, да?

Из избы вышла жена Капитона и толкнула с крыльца мужа.

— Заходите, парни. Этот с кривоногим налил шары, совесть потерял! Убирай из избы своего Афоньку. Он всю постель загадил!

— Не трогай Афанасия! — погрозил пальцем жене Капитон.— Он почти что милиционер и может плута Кирю наказать. Негодные деньги мне подсунул!

Феодосий провел Докучаева до следующей избы, на счастье это был дом председателя кырганского колхоза «Красное знамя». Председатель попросил охотника Чур-

кина Петра Емельяновича помочь Феодосию подняться на бату до летника, а там он разрешил взять на день двух коней.

Петр Чуркин известный каюр на Камчатке. Сейчас ему лет за пятьдесят, но выглядит молодо. Гордая осанка. Волос отливают синевой. Подстрижен «под горшок». В 1930 году, увидев его, кинорежиссер северной киноэкспедиции Литвинов воскликнул: «Да это же Емельян Пугачев!» и предложил ему поехать в Москву и сняться в фильме. Но каюр отказался.

Взяв обессиленного Докучаева на руки, Петр Чуркин понес его к бату.

— Какая такая хвороба так его быстро скрутила в дороге? Как он до этого чувствовал себя? — спросил Феодосия каюр.

— Веселым был, частушки пел. Вечером поели медвежатину... может быть, с нее. Мы мало варили.

— Случается, паря, с нее. Дохтурша Валерия должна определить. Ее работа. Помню, как-то приехал к нам в Кырганик дохтур Василий Тюшов. А в это время мой дядя Яким брюхом маялся, крюком ходил. Тюшов расспросил его и потом возьми да и скажи: «Вон видишь яр с белой глиной, так придется тебе, Яким Семенович, глину с того яра поесть. Поел дядя Яким глину и через три дня распрямился. Славный был дохтур! На всех горячих ключах дощечки с надписями развесил: какой ключ против какой болезни. Доброй души дохтур был!.. Ты, Феодосий, встань на нос, а я — на корму. Не сомлевайся: силенка у меня еще есть.

На летнике парням под роспись дали двух коней и они сразу же решили продолжать путь, надеясь на светлую ночь. На радость Феодосия, Петр Емельянович объявил:

— Пойду-ка я тоже с вами в Мильково. Ноги крепкие — не отстану, а случится что — помогу...

Феодосий знал, что многие верующие из других сел приходят на богослужение в Мильково, а в дни церемоний и непогода им не помеха. А службу справляет все тот же Агафангел.

После дождя дорога становится грязная, с большими лужами. Трудная дорога. Приехали в Мильково лишь ранним утром. Проезжая по переулку, Феодосий заметил в окошке учительницы Варвары Федоровны свет. И дрогнуло сердце...

ПЕЧАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

— И чего это ты, дева, в такую несусветную рань поднялась? — заглянула Конкордия Ивановна на стук в комнатку квартирантки. — Аль клопы-гадины не дают спать? Наверняка их мой Иван привез. Третиоднясь останавливался в Кырганике у сестры Поликсеньи, у той они извечно не выводятся. Полынь вокруг постели на ночь кладут...

— Нет, Конкордия Ивановна, клопов не видно. Просто нас Анна Викентьевна предупредила прийти пораньше. В клубе драматический кружок надумала создавать, всем учителям приказано в нем участвовать. Когда-то я активисткой в училище была: читала стихи со сцены, в спектаклях разные роли давали. Бывало и плясала!

Учительница взяла наискось платок и с приступком прошла по комнатке.

— Хорошо, матушка! — всплеснула руками хозяйка. — Я-то думаю: какой там стук? Оказывается, у меня квартирантка мастерица отплясывать. На Октябрьском праздничке попрошу тебя выйти на круг, гостей потешить.

— А что — пойду! Вот решила новое платье надеть. Примеряю. Каково оно?

Оглядывая платье, хозяйка прошлась вокруг квартирантки.

— Не знаю, дева, как тебе сказать. Тяжелое оно. В том ты была словно солнышко, а в новом не такая, веселости нету в нем. Прости, Варвара Федоровна, если неладно сказала, я-от окромя ситцевых платьев никаких других не носила.

Учительница погляделась в зеркало.

— Мне тоже больше то нравится. Но видите ли, директорша посоветовала одеваться для выхода на сцену построже, не на гулянку, мол, собрались, пришли искусство проповедовать народу.

Хозяйка поправила на голове старенький платок.

— Чего я понимаю в вашем деле? Дура я... Погоню корову в стадо, дома никого не остается. Еда в духовке, молоко — на столе. Кушай без нас.

— Хорошо. Вчера получила письмо от Фаддея Егорыча. На Чукотке он, в Марковском районе. В тундре, в кочевой школе он учительствует.

— Будешь ответ писать, передай ему от нас привет. Ну я пошла.

Варвара Федоровна достала с полки новенькую книгу, сунула ее под мышку и вышла на улицу. Времени до назначенного Ключевой сбора оставалось еще много, и она свернула с Партизанской к дому Подкорытовых. У окна суежилась Антонида Егорьевна.

— Доброе утро, хозяйюшка! — поздоровалась от калитки учительница. — Можно к вам?

— Проходи. Здравствуй, дева! Давно не забежала. Кто-то ночью окно камнем расколошматил. Осколки собираю, но ничего, видно, не получится. Придется подушкой затыкать. Стекла-то нету в магазинах. Проходи в избу, чего у калитки стоять?

Хозяйка провела гостью в избу, посадила за стол.

— Говори.

— От Фаддея Егорыча получила письмо, привет с поклоном вам передает. Второй год кочевым учителем работает. А я год потеряла...

— Как он там? Рассказывай.

— В тундре он. На Чукотке. Первый год не писал, боялся, что не выдержит, убежит. Не принимали его, приходилось иногда из одного стойбища переходить в другое, по сто километров отшагивал. Сейчас тоже где-то далеко от селения. Куда пастухи — туда и он идет...

— Достается там Фаддею, — опечалилась Антонида Егорьевна. — Да что поделаешь? Кому-то надо быть первым зачинателем. Чего греха таить, впереди идти, девонька, всегда труднее. Возьми в пример наших каюров: ведущий на лыжах в поту по целику дорогу бьет, мучается бедняга, зато следующий за ним легко на нарте едет. А сколько раз ошибешься, пока научишься правильную дорогу выбирать!

В клубе на разные голоса гомонила разбитая на кучки молодежь. Гремел барабан, гудел бас. Шоркали гармошки, тринькали на балалайках. В уголке, словно прижатая всей этой тягостной шумихой, визжала скрипка.

А на сцене в глубоком раздумии, отреченная от мира сего, вышагивала Анна Викентьевна. И когда Мария Решетова было пустилась в пространный рассказ о добросовестном выполнении ею порученного дела, та небрежно махнула на нее рукой и продолжала свое безмолвное хождение. Наконец она остановилась, приподняла руку, и все смолкло.

— Я собрала вас, товарищи, в клуб затем, чтобы с

сегодняшнего дня вы стали на селе пропагандистами искусства, проповедниками новых советских произведений. Я написала революционную пьесу на основе событий, происходивших на Камчатке. Всех участников драматического кружка прошу подняться на сцену для ознакомления с пьесой и распределения ролей. Музыканты, пожалуйста, в пристройку, остальные — тихонечко занимайтесь в зале.

«...С океана в Авачинскую бухту вместе с орущим ветром залетела бессонная ночь. На черных волнах качался черный военный корабль,— начала читать Анна Викентьевна.— Сквозь порывы ветра до берега долетали вопли: «Спасите! Люди-и-и...» Петропавловск не спал».

После прочтения пьесы директорша стала распределять роли.

— Варвара Федоровна, вам досталась роль героини пьесы, комсомолки Шуры. Думаю, что вы справитесь.

— А я? — обиженно выкрикнула Мария Решетова.— Что я — старая?

— Нет, что вы, что вы — молодая. И даю тебе не менее интересную роль: сыграть любовницу начальника Петропавловского гарнизона, командира «батальона смерти» Ильина.

— А Ильина кто будет играть? — провела взглядом Мария по присутствующим.

— Его пока нет,— ответила директорша.— Роль Ильина предназначена для Феодосия Коршунова.

— Этого можно,— согласилась Решетова.

— А сейчас для начала прослушаем пролог к первому действию революционной пьесы «На заре Большого дня». Варвара Федоровна, прошу.

Учительница вышла на середину сцены. Сосредоточилась. И с дрожью в голосе начала читать:

«Раскройте занавес времени, пусть люди заглянут в годы суровых битв и испытаний! Нам тогда, молодые зрители, было столько же, сколько и вам... Мы часто, собравшись в нашем старом домике, за стенами которого слышался шум говорливой бухты, с жаром и волнением, до полуночи, иступленно спорили и представляли себе: каким оно будет, наше будущее, а ваше настоящее. Многие нам было непонятно, многого мы не знали, но ко многому приходили через боль и страдания. Мы так же, как и вы, любили и стеснялись своей любви.

Это были наши первые шаги в самостоятельную

жизнь, полную тревог и неожиданностей, поисков и открытий.

Откройте занавес времени!»

Участники драматического кружка замерли в немом молчании. Из двери пристройки высунулись головы музыкантов. В зале царила тишина. Волнение Варвары Федоровны передалось всем присутствующим.

— Молодчина, Варенька! — похвалила директорша. — А представьте: декорацию, свет, музыку! Идите, учите свои роли! До следующей репетиции!

Варвару Федоровну взялась проводить Мария Решетова.

— Вы понимаете, Варенька, ваша роль была предназначена для меня, — стеснительно она сказала учительнице. — Но ради вас я готова на все. Конечно, в театрах за роли дерутся — слава, деньги, но бесплатное представление в малокультурном селе...

— Простите, я отнимаю у вас время. Не провожайте меня.

— Что вы, Варвара Федоровна, я сегодня свободна. Хоть один денек в неделю я могу ведь отдохнуть? Семья заставляет нашего брата всю неделю вертеться белкой. Свари, постирай, приберись в комнате, дай сыну Ромке наставление, пожури мужа за то, что не вовремя пришел. А он у меня высокодолжностной. Но я хочу, чтобы он меня поревновал. У нас в кружке есть симпатичные парни... Жалко, Анна Викентьевна задумала уезжать.

— Как уезжать?

— Ай! Я ведь первая пришла в школу. Двери открыты. Вижу: она с чемоданами возится. Слышу, бормочет: «Последний нынешний денечек... вы еще об мне вспомните!..» Я потихоньку убралась от дверей подальше. Крикнула: «Где вы, Анна Викентьевна?» Она выглянула из дверей и мне в ответ: «Здесь я, дорогуша! Побудь в коридоре, я в доме приберусь и приду!» Вы как думаете?

Варвара Федоровна смутилась. Не ответила. На крыльце дома хозяина квартиры она увидела милиционера Мясоедова.

— Ого, к нам гость пожаловал. Видите, ждет?

— Ой! — воскликнула Решетова. — Я его побаиваюсь. В нем есть что-то бычье. Он даже не улыбается. Под его взглядом стоишь будто голая. Я побегу домой, там,

поди, Ромка голодный. Муж вот-вот должен на обед прийти. К вечеру обязательно навещу. До встречи!

Однажды в марте Мария, разодетая в собольи меха, направилась к Анне Викентьевне. На пути повстречался Мясоедов. Он прощупал ее суровым взглядом и возмущенно бросил: «Охота на соболя запрещена, а в Мильково жены начальства в меха одеваются!» Сказал, как холодной водой окатил.

Варвара Федоровна направилась к калитке. Навстречу ей с крыльца спустился милиционер.

— Здравствуйте. Мясоедов,— кивнул он.

В ШКОЛУ

Лежит Егра на берегу Антоновки, нежится. Под боком приятно сухая трава шуршит. Сверху ласковое солнышко нежно по щекам гладит. На тополине торжественно каркает ворона. Хорошо! Блаженствует Егра. Вот кто-то рядышком протопал. Пусть идет! Не хочется глаза открывать, а то бы узнал проходящего.

— Ушел? — спрашивает сам себя блаженствующий.

— Нет, назад вернулся,— отвечает сам себе блаженствующий.— Ой-мой, в изголовье остановился. Орет.

— Ну-ка в реку! Егру — в реку!

По голосу узнал Василия Федоровича, мужа старухи Евленин.

Сладкая блажь начисто слетела. Сердце застучало, будто дятел. Скараулил-таки злопамятный старик! В голове наскоро мыслишка родилась, подсказывает: «Подпрыгни зайцем и подальше в сторону отскочи. Ты же, Егра, ловкий, бойкий!»

Но разумный голос предупреждает: «Прыгнешь впопыхах — и брякнешься с яру!»

Приоткрыл Егра потихоньку правый глаз, видит: над головой петух базланит:

— Ку-ка-ре-ку-куу-куу!

— Фу ты, заяка, дрянь горластая, напугал меня! — легко вздохнул Егра и дрыгнул ногой.

— Ты чего нас лягаешь! — обиженно вскрикнули рядом.

Обиделся: под боком меньшие братья на оленьих шкурах лежат. Только теперь дошло до сознания: на чердаке он.

Сквозь тесовую крышу во все щели сочится утренний свет. Смеется!

— Слава тебе, господи, что с избы не прыгнул,— посмотрел Егра вниз и сплюнул.— Ох и долго спите, черти-лежебоки, я уже на речке побывал. Оставайтесь, дрыхните. Мне пора в школу, поди опозднися.

— А кто корову в лес погонит? — поинтересовались братья.

— Кто же, кроме вас? Вы, неучи. Кто не учится — тот коров пастушит,— узаконил старший брат и стал слезать с чердака.

— Ого, ядреный корень, ученое светило с чердака скатилось,— встретил шуткой отец сына.— Здорово, Егор Герасимович.

— Здорово, коли не шутишь,— подал Егор правую руку.— Пойду-ка я, как бы не опоздать.

— Рано еще. Ты сначала зайди поешь, да поплотнее, не то проголодаешься там.

— Не хочу. Говорят, с еды на сон тянет.

— Как знаешь, тебе виднее. Сумка и белье на комоде лежат. Мать-то почти всю ночь на тебя ухайдокала, обшивала. Целый день на поле будет сном мучиться. Не хулигань там, учись хорошенько.

— Постараюсь.

— Ты, Егор Герасимович, на песни нажимай, тогда грамота сама в голову, без всяких понуканий пойдет. По своему опыту знаю.

Отец сына в торжественные минуты называет по имени-отчеству. При крещении в честь друга назвал. Когда родился Егра, не было радости конца. Из Милькова во главе с тестем Андреем Акиндиным понаехали на крестины родственники жены. Хотя Герасим и не верил в бога, но теща Анна Яковлевна настояла, чтобы новорожденного крестили. Отец-безбожник, на радостях гуляя с друзьями, не заметил, как ребенка в церковь унесли. Хватился — родни в доме нет. Побежал в церковь. Поп вышел навстречу взбудораженному папаше: «Поздравляю раба божьего Герасима с крещенным чадом, нареченным Анемподистом!» Раб божий вытаращил глаза: «Анемподист звучит — не попадись. Если ласково — Небеса, то подобие турнепса. Слышишь, лохматый, перекрести! Переделай на имя друга! А то не будет приношения».

Кругом недовольно зашумели. А поп быстренько вы-

хватил ребенка из рук крестной матери, распеленал его и снова бултыхнул в купель и елейно пропел: «Поздравляю раба божьего Герасима с крещенным часом, нареченным Егорием!»

— Ладно, буду на песни нажимать,— говорит Егра.

— Ну ступай. Сегодня вернусь поздно, молодняк через речку станем на батах перевозить.

— Коня Белоногого тоже на ту сторону?

— На ту.

— На ком теперь буду кататься? — тягостно вздохнул Егра.

Ему в этом году исполнилось восемь лет. Сегодня первое сентября. Он — ученик!

Чтобы как-то показать себя перед людьми, Егра надел через плечо яркую матерчатую сумку, застегнул на все пуговицы голландку-рубаху, вздернул голову, как председатель сельсовета Дедов, и, напевая по-афонькиному: «Ванька-ключник — злой разлучник со княгиней живет», пошагал к рѳдникам. Зашел во двор к бабушке. Андрей Акиндиныч около амбара чинил алыки. Заметив нарядного внука, откинул с колен упряжь. Встал с чурбака.

— Давненько не заявлялся. Куда так вырядился?

— В школу. Где бабушка?

— В огороде ковыряется. Пойдем в избу? Чай горячий.

— Некогда, тороплюсь. Напьюсь, а тама-ка, может, уборная все время занята, ребят-та много!

— Видно, придется тебе от чая отвыкать. Эхе-хе,— с грустью вздохнул Акиндиныч.

— Пошто, дедушка, затуманился?

— Егра, Егра... сегодня ты открываешь свою книгу, а я, паря, свою заканчиваю отлистывать... Не кури в школе!

— Бросил я.

— Ну-ка заскочи в огород к бабушке, покажись, какой ты есть!

Бабушки в огороде не было, она работала в палисаднике, осторожно выкапывала деревцо.

— Бабушка, зачем вы черемошину выкапываете? — поинтересовался внучек.

— Это ты, Егра? Чего не заходишь? Помоги мне черемошину пересадить. Большую-то летось букарки испоганили, на дрова придется срубить, а молоденькая, слава богу, нетронутой осталась, так надо в сторонку пе-

ресадить ее, может быть, корни у старой ушли далеко. а в них букарки зимовать остались.

Внучек помог бабушке пересадить деревцо и заторопился:

— Ой, побегу я!

— Куда?

— В школу, бабушка.

— То-то и вижу: весь в обнове. На память о первом дне черемошинку посадим. Твоя будет, каждый год черемухой угощать станет. Ну беги в школу. Не опоздай, трижды крещенный!

— Пошто трижды?

— Два раза у батюшки да раз в Аваче.

После крещения Егры гости выехали в Мильково. Уезжали с ними и Ерофеевы. Анна Яковлевна не решалась оставить дочь с внуком вдалеке от себя, боялась разгульной жизни зятя. Внука доверила везти старшему зятю Евгению, мужу дочери Веры. Все мужики ехали под добрым хмельком. Когда переправились через быструю реку Плотникову, то хватились: именинника нет ни у кого на седле. Мать упала в обморок, отец схватился за ружье. Быть бы беде, да вовремя заметили: рядом, в тальниках, закутанный ватным одеялом, качается Егра на волнах. Достали — жив! Акиндиныч вылил всю брагу, отхлестал соленым словом зятьев и взял к себе на коня внучонка.

От бабушки Егра побежал к тетке Вере.

В пригончике взлетали на качелях двоюродные братья Андрюшка с Кенькой. Егра остановился около ограды и стал наблюдать за ними. Старший братан Кенька лукаво ему улыбнулся, подпрыгнул на плахе и дал «киселя». Андрюшка, перекувыркнувшись в воздухе, хлопнулся задом на свежую навозную кучу. Егра невольно засмеялся. Андрюшка вскочил, было бросился в драку, но, увидев на младшем братане чистенькую наглаженную одежку, передумал.

— Это уж какой кисель! — брезгливо он сморщился. — Ну-ка ты попробуй с ним покачаться?

Егра посмотрел на перепачканного братана, пожал плечами.

— Всегда пожалуйста, но я тороплюсь в школу.

— Торопись, торопись, пока там не заделался уборщицей.

— А цо?

— Лучше опоздать. Я второй год пойду и хорошо знаю: рано в школу не ходи, а не то у директорши будешь помой из комнаты выносить. Она двух чушек держит, и Аннушка много опаны им варит. Директорша такая чистюля, не приведи господи, таким быть, то и знай моется да моется. Вся белая стала, как белохвостка. Поэтому у нее ведро всегда полное с грязной водой. Директорша строгая — ужас! Не ходи первым, она приметит и будешь всегда помой выносить. А вообще, как хочешь, мне-то, впрочем, все равно. Из-за тебя меня дедушка больно выпорол.

Егра поправил на плече нарядную сумку и впервые направился в школу. Он не очень доверялся словам брата. Как-то они заспорили: есть ли бог? Андрюшка предложил: «Вечером, перед тем как молиться, возьми у бабушки переверни иконы вверх ногами и ты увидишь, что никакой бог не покарает». Егра перепугался, но согласился. Бог действительно не покарал, зато дедушка, который никогда ремнем не наказывал, тут так рассерчал, что Андрюшка два дня ел за столом стоя, а Егра еще больше. С той поры он и обегал дедушкин дом. А сегодня решился заскочить.

Идет Егра в школу, выдумывает песенку: «Первый раз в первый класс, ждет там таз—вот те раз!» Увидел нужник, остановился. Засунул по привычке руку в карман, а там пусто — нету табака. Вспомнил: дал отцу честное-пречестное слово больше не курить. Отец поверил, но напоследок все же крепко отстегал крапивной веревкой да еще припугнул: «Будешь курить — вырастешь маленьким окурком и черным, как Васька Черешок». Егра струхнул, решил отныне не курить, а лучше попробовать научиться закладывать за губу лемешину.

Охотники не курят, ибо курящий далеко в горах не уйдет, быстро выдохнется, а вот лемешинку за губу закладывают, видно, находят в ней какое-то удовольствие.

Егра заметил шагающего навстречу колхозного шорника. Обрадовался; говорят, что у него добрая лемешинка!

— Дядя Михей, дайте лемешинки для папы, не успел намолоть он,— соврал парнишка.— Завтра вернет, я принесу.

Шорник достал костяной колтон, постукал по нему заскорузлым толстым пальцем и на подставленную чу-

машком детскую ладонь отсыпал щепотку лемешины. Покачал головой.

— Врешь, хитрец, по глазам вижу. Твой отец лемешинку не кладет. И никто в долг не берет. Экой ты обманщик.

— Это для дедушки Луки. Он без лемешины жить не может,— вывернулся проситель.

Егра заскочил за угол избы, оттопырил нижнюю губу, заложил всю лемешину и стал ее слюнявить языком. В голове закружилось, что на быстрой реке во время установки запоров, закачалась земля под ногами, как при сильном извержении вулкана. Парнишка поспешно выплюнул лемешину и обалделыми глазами уставился на Валагинский хребет. Горы насмешливо кланялись ему. Чтобы не шлепнуться плашмя на землю, он сел на траву. Пощупал губу. Кожица отставала лохмотьями.

— Ой-мой,— пробормотал Егра.— Ну ее. Зубы почернеют и без губы останусь.

Итак, Егра отправился в школу без своих пороков: без крестика на груди, без табака в кармане. Вспомнив Андрюшкины наговоры о директорше, он не пошел в помещение школы, а остановился около клуба и взялся рассматривать надписи на памятнике святому отцу Иринарху. Егра часто ходил с отцом на ликбез и выучил все буквы назубок, так что мог читать по слогам.

Памятник был сделан из семи больших мраморных кубов, привезенных с Большой земли дочерями покойного. Надписи вывели на церковно-славянском языке.

— Не по-нашему истолковали,— огорчился Егра и заключил:— стервецы!

От нечего делать Егра отколол камнем от куба два мраморных кусочка, накинул на голову пиджачок и во тьме начал высекать искры. Рядышком слышались шаги. Егра глянул в рукав пиджака и ужаснулся: прямо на него шла с насупленными бровями сама директорша. Парнишка отскочил в сторону, сдернул с головы кепчонку и по-стариковски поясно поклонился.

— Доброго здоровья вам! Я в первый класс.

Та промолчала. И тут он увидел: в нескольких шагах от директорши, сзади, шли в милицейской форме Фильянов с Мясоедовым. Фильянов даже не заговорил с ним. А как дружили! «Наверное, за карты сердится»,—

подумал Егра. Позавчера на берегу с ребятами играли в «пантики» и не заметили, как на носочках подошел Фильянов. Отобрал карты да еще отцу нажаловался. Наказали. «А как с ним дружили!»—тяжело вздохнул парнишка.

— И куда с утра повели директоршу? — поинтересовался Егра у пробегавшего мимо всезнающего Кленьки.

Тот остановился и, озираясь зверьком, пояснил:

— Она троскиска — враг народа! От брата Коли слышал. Ой, побежим быстрее в школу, лучшие сиденья выберем!

КАРАВАЙ

— Заходи, Аганя, лепешки из черемухи пробовать!

— Да ты, сватья, чего? Скоро в Казенку пойдем на колхозную пирушку! Сытым-та че там делать?

Игриво перекликнулись через ограду соседки и засмеялись.

К обеду мельковчане веревочкой потянулись в Казенку. Правление колхоза наметило здесь отпраздновать день урожая. Вдоль поляны вытянулись три длинных крепких лесных стола. У речки поперек им встали три домашних стола, накрытые красной скатертью, украшенные бумажными цветами и геранью. Венчали эти столы тугие снопы пшеницы. Возле них ходили гости и цокали языками, порой они искоса поглядывали на длинные столы, на спинах которых горбился душистый хлеб и поблескивали на солнце начищенные самовары.

— Когда-то купцы тут делали нам угощение,— вспомнил Аббакум и недовольно сморщил лицо,— но не то, не то было! — А тут-ка поставлен самородный хлебушек... ньчо-ньчо-ньчо!

Правленцы кого-то ожидали: переговаривались, ходили по берегу и посматривали на реку.

Антонида Подкорытова, низко склонив голову к земле, прислушалась.

— Мужики, идут! — обрадовалась она.— Слышите? По реке шел отдаленный постук батовщиков.

— Слух у тебя, Антонида, как у моей Угли,—ласково потрепал за загривок охотничью суку Викентий Шишкин.— Слышит и чует за версту. Ну и собака!

Из-за поворота реки один за другим медленно выплыли баты стариков. Посередке их, держась руками за борта, сидели старушки.

— Долго идут,— глянул на часы Василий Дедов,— тяжело толкаются старики.

— Да, тяжело,— поддакнул председатель колхоза Мальцев Михаил и тут же кольнул:— Доживи-ка до их лет, тогда ты совсем не будешь толкаться, течением под хлам затащит. На бату толкаться, это тебе, паря, не чужие бумажки от себя отталкивать.

— Согласен. Может быть, они ныне нас с тобой и заткнули бы за пояс, если бы вы колхознички-безбожнички их в лес не загнали,— отшутился Василий и вскипятился:— Какие такие бумаги я отталкивал? Если ты насчет несознательного элемента — Гагарихи, то она этого заслуживает. Николай Бобряков тоже стал из себя Ришелье корчить.

— При чем тут Ришелье?

— Сильно далеко видит.

Василий Дедов не любил, когда его упрекали в беспечности или укоряли и напоминали какой-либо проступок.

После закрытия Бабушкиного острова Гагариха помирилась с Агафангелом и спарилась с ним в артель. Ковыча стала общей. Как-то у костра за трапезой вдовушка, опечаленная житейскими неурядицами, пожаловалась напарнику: «С ремонтом крыши Васька «кишку тянет». Отдала сельсовету насовсем добрый бат, за него пообещал крышу отремонтировать. А теперь стороной за версту обегает». Агафангел ей предложил: «А ты, матушка, сходи-ка в сельсовет и при народе потребуй. Пусть люди посмотрят, как Васька к людям относится!» Пришла в сельсовет Гагариха. Один Васька. Голову к потолку задрал. Думает. Сказала: «Крыша у меня протекает». Ответил: «Частным сектором не интересуюсь». Опять сказала: «Я обижаюсь и буду жаловаться». Он выпрямил голову и повеселел: «На нас обижаются, на нас жалуются, но мы не унываем!» И в это время в приоткрытую дверь просовывается голова Агафангела: «Я — свидетель!» Сказал и исчез. Агафангел написал на имя секретаря райкома пространное письмо об оскорблении вдовушки Агафьи председателем сельсовета и его обмане. Дедова вызвали и дали нагоняй. Гагарихина артель восторжествовала. Крышу отремонтировали.

Вскоре Дедов потерпел второе поражение. Поражение от бумаги.

Утром секретарша подает бумагу-предписание о не исправной печке в сельском Совете. Положил в папку «свежие поступления». Через неделю поступает новая бумага. И опять о печке. Сказал секретарше: «Подшей. Такая уже была». Поступает третья бумага. Прочитал: «Несмотря на неоднократные устные и письменные предупреждения председателю сельсовета В. Дедову о не исправности сельсоветской печки, меры до сих пор не приняты. Печка не отремонтирована. На основании постановления Мильковского райисполкома «О пожарной безопасности в районе» председатель сельсовета В. Дедов оштрафован на десять рублей. Деньги в течение трех дней внести в госбанк на счет госбюджета. Начальник пожарной охраны при РК милиции Н. Бобряков». А через несколько дней в областной газете в разделе «Остолом в спину» была помещена заметка «Волокитчик» и подписана: «Глаз». Василий догадался, кто про него настрочил, но назло ему так и не отремонтировал печку. А дважды по одному и тому же делу не штрафуют!

Подплыли старики.

— Эй, ребята! — крикнул Михаил парням, устроившим между собой борьбу на берегу. — Силу вам некуда девать, так вытащите старичкам баты на песок!

Парни спрыгнули с яра. Подхватили баты.

— Э-эй, дубинушка, ухнем! — гаркнули они по-молодецки и вместе с батовщиками и их женами вытащили на песок.

Старики поднялись на берег. Огляделись.

— Много вас собралось. Доброго здоровья вам! — поприветствовал Акиндиныч колхозников.

— И вам доброго здоровья! — отвечивал за всех Михаил. Он подошел к гостям и каждому пожал руку. — Прошу пожаловать к нам на праздник, на день урожая... — тут он умолк, растерянно пошарил глазами в народе и как гаркнет: — Музыканты, ядреный корень! Целый день пиликали марш, а тут их нет!

К столам подбежали пятеро парней. Сели. Три балалайки и две гармошки дружно залились: «Белая армия, черный барон...»

Услыхав музыку, из лесу выскочили ребяташки с самодельными цветами и сунули их в руки дедушкам.

— Сам сделал? — спросил Акиндиныч внука Егору.

— Конечно сам. Девчонки только бумагу на карандаш наворачивали.

Нежданно-негаданно к поляне подъехал на пегом жеребце Кубасов. Недавно его избрали секретарем райкома партии. На днях он был в городе и вдруг—здесь.

После ареста Ключевой в Мильково нагрянула комиссия по проверке работы райкома. И после жаркого заседания выездного бюро обкома партии секретарь Решетов был исключен из рядов ВКП(б) и снят с работы, а Мильковскому бюро вынесен строгий выговор. Первым секретарем райкома выбрали его, Кубасова. И в этой должности он впервые появился среди колхозников.

К жеребцу подбежал парторг Павел Корелин и схватился за уздечку. Кубасов махнул рукой и невольно засмеялся. Вспомнился верхнекамчатский случай. Его предшественник Решетов был тучным мужчиной. При выезде у райкома его всегда кто-нибудь подсаживал на коня и так же по приезду помогали слезать на землю. Однажды он приехал в Верхнекамчатск, и никто не подбежал, чтобы помочь спуститься. Решетов попробовал обойтись без посторонней помощи, но нога выскользнула из стремени и он свалился, а жеребец отпрянул от него и умчался в Мильково. Раздосадованный Решетов накинулся на председателя колхоза Дионисия Зимова: «Почему у вас до сих пор плохие надои на каждую корову?» Дионисий оскорбился: «Дак откуль им хорошим-то быть? В коровах одна кровь течет. Я вам уже говорил, что нам надо доброго быка. Вы-от с Кубасовым здесь были и уехали, а коровы как были яловыми, так и остались яловыми».

Так и вошло в привычку: помогать секретарю спуститься с коня.

Привстав на стременах, Кубасов поприветствовал:

— С праздником вас, колхозники, с днем урожая!— и, уже ступив на землю, с лукавинкой в голосе спросил:— Ну что, хозяйева, принимаете меня в гости аль нет?

— Милости просим к столу! — добродушно развела руками Антонида Подкорытова.— Кому-кому, а вам всегда рады. Проходите вон к красному столу.

Михаил обратился к народу:

— Товарищи, садитесь за столы! Правленцы, давайте за красный. Лукиян Семенович,— помахал он бонда-

рю,— иди на почетное место. Ты много помог колхозу, так что достоин.

— Да вы чего это, ребята! Я уж вон к своим старичкам причаляю, там вроде бы вкуснее пахнет.

Михаил обождал, пока все усядутся, затем, волнуясь, заговорил:

— Товарищи колхозники и все уважаемые гости! Сегодня мы впервые отмечаем день урожая. Когда-то на Камчатке такое было заведено, но потом забыли. Я думаю, что такой праздник отныне будем проводить ежегодно. Это наш большой праздник — итог завершения полевых работ. А поработали мы в этом году, скажу не преувеличивая, славно. Но прежде чем начать наш праздник, мы, члены правления колхоза, решили сначала сказать о наших лучших охотниках.

— Скоро новая охота начнется, а правленцы все еще старым днем живут! — перебил Виктор Михайлов. — Когда-то никонианцы...

— Перестань, Виктор! — остановил его Михаил. — Сам хорошо понимаешь: не могли мы тогда в разгар полевой работы людей отрывать на собрания. Ваши подарки целыми остались... Сбил ты меня... Так вот: лучшим охотником сезона признан Викентий Шишкин. Похлопаем ему! Давай, паря, иди сюда на вид.

Викентий поволок к красному столу черную суку, упирающуюся всеми четырьмя лапами.

— Угля, Угля, за мной, за мной, — стал он ласково просить собаку. Та села на зад, яро замотала мордой, стараясь освободиться от ошейника. Боясь, как бы сука не вылупилась да не убежала, охотник подхватил ее на руки и посадил на табуретку. Сам сел с нею рядом. Застыл, как перед фотоаппаратом.

— Векша, ты сейчас словно боженька на иконе, — прошептал ему через стол Виктор Михайлов. — Пошто не Двоглазку, а сучку привел?

— Удрал куда-то проклятуший! — вслух ответил ему Викентий и, как бы опомнившись, что сказал не то, подскочил и обратился к народу: — Вы, товарищи, не смотрите, что перед вами сидит сучка, она любого кобеля за пояс заткнет. Благодаря ей, Угле, мне удалось опередить многих охотников. Она достойна премии. Вызываю на соревнование Виктора Михайлова.

— Постой, паря, — остановил его Мальцев, — его другой человек вызывает. Письмо в правление прислал.

— Ну-ка кто там такой? — заинтересовался Виктор.
— Кто там письмами кидается?

— Слушайте! — Не торопясь, председатель вынул из конверта листок и, поглядывая на Виктора, зачитал:

«Я, Докучаев Николай Григорьевич, из деревни Шаромы, вызываю на социалистическое соревнование охотника Михайлова Виктора Анисимовича из селения Мильково на досрочное выполнение и перевыполнение плана пушных заготовок по установленным нормам на ружье. План на четвертый квартал выполню не меньше чем на 1150 рублей. Докучаев».

— Чего, Виктор, не говоришь? — ухмыльнулся в бороду Акиндиныч. — Невесело?

— Весело. Бумага все вытерпит. Напишите ему от меня, начальники, что в четвертом квартале он будет сидеть на хвосте, сдам пушнины не меньше чем на 1150 рублей и одну копейку.

— Как понять: одну копейку? — изумился Михаил.

— Я его этой копеечкой придавлю.

— Значит, вызов принят! — захлопал в ладоши Кубасов.

Виктор вытянул вверх руку. Встал.

— Да я ему вышлю вызов на полторы тысячи! Просто меня поздно отпустили со стройки на охоту, не то бы за столом сидел мой кобель вместо викентьевой сучки Угли.

— Не получилось, паря, так чего на чужое место зариться? — погладил Викентий собаку. — Она на своем стуле сидит. И в другой раз на нем будет сидеть.

— Следующую премию... — поглядел Михаил в сторону Луки Попова, — правление решило... — сделал паузу.

Лука Попов это лето бондарничал в колхозе, и благодаря ему артель засолила на зиму рыбу. До нынешнего года не в чем было заготавливать рыбу впрок, при какой-либо надобности приносили ее из дому. Лука с помощниками подростками понаделал бочек не только для колхоза, но и для колхозников. На селе все ему благодарны. Михаил долго думал, как остановить кочевую жизнь Луки и заставить его навсегда остаться жить в Милькове. Что и говорить, старик мастер на все руки, мог бы многому научить колхозную молодежь. Но не сидится Луке на одном месте, бродит по всей Камчатке от родственника к родственнику. Говорит, Кутха всю

жизнь бродил, а я что, хуже его? И вот председатель надумал: надо сделать так, чтобы Лука дал при народе слово долго трудиться в колхозе. Старик на слово тверд и не нарушит его.

— Следующую премию нашему уважаемому бондарю! Подходи, Лукиян Семенович, получай подарок от колхоза да скажи народу доброе слово.

Лука не ожидал такого сюрприза, растерялся.

— Да как же, за что же это мне? — он принял из рук председателя ящик, раскрыл. Заблестели на солнышке сверла, стамески, полотна разных пил... — Господи, какое богатство!

— Говори, наш колхозный бондарь! — подтолкнул его Михаил.

— Цо вам, люди, сказать? — глянул Лука на правленцев, на их приготовленные к хлопкам руки. — А скажу так: получая эту премиячку, я обязуюсь, — Лука тяжело вздохнул и весело закончил, — если позволит времячко, то я еще у вас поработаю.

Михаил вгорячах хлопнул по столу.

— Да сколько же, Лукиян, можно бродить по белу свету! Лукиян Семенович, неужто в колхозе для тебя плохо? Не такого ответа ожидали колхозники.

— Хорошие вы люди, как не остаться. Но нет у меня душе покоя, не нахожу себе места. Вы же знаете, как бередила когда-то жена мое сердце... Инструмент возьмите, тяжел он в дороге... вольный я человек, с посохом в руках умру! К весне, может, опять к вам загляну, поработаю...

Не появлялся больше в Мильково Лукиян Семенович Попов. Где-то на крутой камчатской дороге ударило сердце в последний раз о вольную грудь и не стало героя-дружинника, вечного путника — Луки.

— Эх, Лука! — прикусил губу Михаил. — Вольному — воля! Антонида Егорьевна, — потрянул он головой, — порадуй гостей! Музыку!

Музыканты заиграли марш. Нарядные девицы поднесли старикам хлеб-соль. Акиндиныч посмотрел на солнцеликий каравай, поданный Улей Мальцевой, и не нашелся, что ответить, сдавило в горле... И тогда он три раза низко поклонился: девушкам, правленцам и всему народу.

— Все ли верно делается? — повернулся Кубасов к

старикам.— Что нам скажут гости, наши уважаемые отцы?

— Хорошо делается,— переборол волнение Акиндин.— В кои времена могли мы думать без боязни за будущий день? Не знали, с чем препожалует к нам новый год: аль с голодухой, аль с какой войной. Колхозники неплохо живут. Вот и хлебушко вырастили...

Веселым гулом наполнилась Казенка. Загуляли колхозники.

Кубасов, обуреваемый нахлынувшими думами, встал из-за стола и направился к тополям. Вспомнился Максим Красильников со своими пылкими советами и жгучим вопросом: «Ты, паря, к нам навсегда или как?».

Поглядел на поляну.

Под балалаечный разговор и гармошечьи вздохи у задумчивых тополей парами кружится молодежь. Из всех танцующих выделяется долговязый веснушчатый парень, одетый по-городскому: в клетчатом костюме, в фетровой шляпе, при красном галстуке. Это Николай Щерба. Приехал сюда вместе с партийной комиссией. Приехал ненадолго, но получилось так, что пришлось остаться надолго. Комсомольцы его, как старого знакомого, выбрали секретарем, вместо Феодосия Коршунова. Обком комсомола дал согласие.

Жесткий ветер северняк порывом хлестнул по верхушкам деревьев. Вздогнули тополя. И посыпались грустные листья на праздничный стол.

Старик Анисим вытянул к закату руку и ладошкой смерил расстояние от сияющего светила до холодных вершин заснеженных гор.

— Эка, быстро время катится! Нам бы, старики, к вечеру домой поспеть, работенка ждет.

— Делу — время, потехе — час, — поддержал его Акиндин.— Спасибо вам, колхозники, за хлеб-соль. Вы — люди молодые, веселитесь на счастье, а нам, старикам, пора уходить, толкаться на бату по речке.

— Оставайтесь с нами,— попросил их подошедший к столу Кубасов.— Парни баты пригонят. Поговорить бы с вами.

— Некогда, некогда,— заторопились старики.

— Тогда обождите минуточку,— спохватился Михаил Мальцев.— Антонида Егорьевна! — крикнул он, выискивая в народе хозяйку праздника.— Где она? Найдите, люди!

Из поварской палатки вышла с помощницами Антонида Подкорытова. Подойдя к столу, она притопнула.

Ой, чай пила, самоварничала.

Всю посуду перебила —

Накухарничала!

— Смотри, Антонида Егорьевна, — кивнул в сторону стариков Михаил, — наши гости домой собираются. Вы там приготовили им?

— Как же? Приготовили. Сейчас с девчонками принесу.

На удивление стариков, каждому из них девчата поднесли по мешочку пшеничной муки свежего помола и с горсть зерна.

— На родной земле посеяли и вон какая уродилась, — похвалился Михаил. — На другой год гречихи побольше посеем, своя крупа появится. Нынешней зимой коней начнем овсом подкармливать... Люди, скажите там ребятам-плясунам, чтобы помогли батовщикам домой добраться!

Парни мигом стащили баты на воду. Взялись за шесты.

— Ты куда так прытко пробегаешь мимо дедушки? — остановил Егору Аркадий Плотников. — Не вырывайся! — крепко схватил он мальчонку.

— Ой-мой, наш класс домой уходит!

— Не выйдет у тя, паря. Ну-ка вставай на нос и шестом потолкайся, хватит тебя дедушке катать, теперича ты покатай его.

— Ну и встану. Отпусти! Думаешь, не умею?

На стоянке, выходя из бата, Акиндиныч похвалил внучонка:

— Хорошо толкаешься, Егра! Ишь как незаметно мне напарничек вырос. Можя, на будущий год с тобой, внучек, пойдем запоры ставить. Наша стариковская артель-то распадается. Не стало той силушки, что раньше была, ушли наши бойкие годы... Слышишь, внук, ружьецо тебе выделил, одностволку. Видел, в амбаре висит? Там и патроны к ружью. В твои-то годы я, паря, сам уже стрелял, втихаря от взрослых научился. Отец споначалу ругался, хотел выпороть ремнем, а потом видит, что я ему охотой пособку делаю, похвалил!

Похвалил дед внучонка, а вечером из амбара исчезли и дробовик и патроны.

ОСЕНЬ

Егра горд! За спиной у него дробовик — настоящий, через плечо — патронташ. Он спешит засветло добратся до глухой речушки Синайки. Зябкий северняк поторапливает легко одетого парнишку.

«Ничего, у костра согреюсь! — успокаивает сам себя Егра.— И пошто раньше не додумался, что дедушка для него, для любимого внука повесил ружье в амбаре? Ой-мой,— сожалеет он,— без всякой спешки тогда бы на охоту сходил. Ребят бы для компании взял, все-таки не так было бы страшно лесную ночь коротать. Ой-мой,— вздыхает Егра.— Еще тут вдобавок старик-черт чуть-чуть не до смерти напугал. И чего так долго не может умереть?»

Это он думает о старике Македоныче, доживающем последние дни в доме двоюродного брата Андрюшки. Стащив из амбара ружье, Егра забежал к братану. В избе никого не было. Подумал: Андрюшка, наверное, заметил его из окна и нарочно спрятался. Пошел искать. Заглянул на кухню за припечек. Нету. Оглянулся на дверь и увидел перед собой Македоныча. Вот-те на! Старика давным-давно положили в углу горницы под цветами умирать, и он никогда не поднимался с постели. И вот-те раз — встал! Тощий, словно осенняя юкола, с распущенными желтыми волосами, что осока, и холодным, как луна, лицом. Он стоял в дверном проходе и бесцветными рыбьими глазами смотрел на Егру.

— Кто карррх? — с бульканьем вырвалось у него из глотки.

— Это я тогда нечаянно в вас снегом попал,— на всякий случай оправдался Егра,— думал, кто-нибудь другой...

Старик широко расставил ноги и оперся руками о косяк, преградив Егре дорогу на улицу.

— Чего он растопырился? — испугался Егра. Он словно чебук — снежный баран — при драке, нагнул голову, подпрыгнул и бросился в узкий свободный промежуток. Краем уха парнишка услышал, как сзади брякнулся старик, но оглядываться было некогда. Он вылетел на улицу и припустил по Партизанской.

— Куда ты? — окликнул его Андрюшка.

— Не знаю! Там твой старик! — прокричал он на бегу.

За рытвиной Егра достал из кустов шиповника ружье с патронташем, и страх пропал. «Теперь хоть сто стариков нападай»,— воинственно повернулся он назад.

На подходе к Синайке он зарядил дробовик и, крадучись, стал приближаться к берегу. Внизу шумно плескались селезни. От их плеска у Егры по телу прошла сладкая дрожь. Подождал, когда утки соберутся в кучу. Выстрелил. Ружье отдало в плечо и прикладом ударило по носу. Впереди, перед взором, застлало пороховым дымом. Но какая обуяла радость, когда он увидел на воде двух подстреленных им уток! Егра бросил наземь дробовик, нашел длинную сухую талину и стал подгребать к берегу дичь. Одного селезня он достал, а второго жалостливым взглядом проводил до выхода Синайки в Камчатку.

— Ладно, плыви. Один есть! — утер рукавом ново-явленный охотник раскровавленный нос.— Сделаю укрытие, еще убью.

Из веток и травы Егра смастерил шалашик, к входу натаскал дровишек для костра. Глянь, уже густые сумерки окутали землю. Хотел зажечь огонь — спички забыл взять, в карманах одна бумага для растопки.

— Ой-мой, куда теперь впотьмах пойдешь домой? — растерялся Егра.— А ночью тут холодно сидеть и страшновато.

С другого берега реки громко по-жеребьячи заржало: — Ни-иии!

Где-то рядом по-кошачьи ответило: — Ма-ааа!

И пошел гулять по реке жуткий хохот с мяуканьем и ржанием. Тут-то Егра пожалел, что рано расстался с нательным крестиком, но с надеждой на чудо часто закрестился: с нами бог, с нами крестная сила! Сгинь, нечистая сила!

Дикий хохот не унимался, наоборот, как бы в насмешку сильнее пошел гулять в гулкой ночи. Егра трясущимися руками вытащил гильзу и зарядил дробовик новым патроном. Поспешно нарвал полосками бумагу и, слюнявя ее, наклеил вдоль ствола. Такое он заметил у дедушки, когда тот в сумерках стрелял из ружья. Оглядываясь на орущую реку, Егра попятился в лес. На великую свою радость, он заметил на излучине реки костерок. Заспешил. Вскоре до его слуха донесло песню.

«Наверное, какой-то старик там,— подумал Егра, но тут же усомнился:— Почему не по-людскому поет? Ишь, какие-то одни горлохрипения у него! Конечно, там были водяные черти, тут — леший. Куда теперь?»

Но от костра вдруг повеяло молодостью.

Егра воспрянул духом. Вышел из лесу и напрямую, через полянку, заспешил к костру. И вдруг почувствовал, что наступил на что-то упругое и его подкинуло вверх. Упал. Распластался на земле. Закрыв глаза, Егра пролепетал:

— С нами крест...

Над головой заржало.

— С нами крест, крест...— не сдавался Егра. Потихоньку раскрыл глаза — над ним стоял конь. — Фу-ты!— заорал несчастный.

— Кто там? — гаркнуло от костра.

— Я! Егра! — обрадовался парнишка. И уже тише: — Охотник!

— Выходи, парень! — позвал требовательный голос.

Егра подошел к костру. Около палатки, округлив ноги калачом, с кружкой в руке сидел круглолицый ламут.

— Садись рядом на шкуру, паря. Ты чей?

— Я внучек Андрея Акиндиныча.

— О-о-о, знаю Акиндиныча. Как он?

— Медведь его мял. Старой стает... мне ружье подарил.

— Рановато тебе с ружьем-то. Однако гляди: утку убил!

Егра отвязал от пояса селезня, положил у ног.

— Ага, две. Одну унесло... Я вас сразу узнал, у Гаврилы жили. Скажи, Павел Гаврилович, кто на реке смеется и по-конски кричит?

— Испугался?

— Ага.

— Это, паря, гагары. Я тоже в твои годы боялся ихнего крика. С виду они на чертей похожи... Чаюй да поспим немного. Завтра меня к дедушке сводишь?

— Ладно. А какую вы ненашенскую песню пели?

— Про свою родину пел, про Алней. В середине прошлого века мои родичи от нужды и горя убежали с родных мест, оставили Большую землю и поселились на Камчатке у сопки Алней. В честь нее они придумали песню, которая передается по наследству. Недавно я

встретился в Срединном хребте с геологом Василием Кулаковым, он перевел ее на русский язык. Хочешь научиться по-нашему петь?

— Хочу.

— У нас песни дарят девушкам. Как повзрослеешь, так подари свою песню любимой.

— Ладно.

В темном лесу забеспокоились птицы и звери. Вздрыгнула земля. На таганке закачался чайник.

— Какая-то сопка закурилась, трясение от нее пошло,— пояснил Ичанга и искоса поглядел на струхнувшего Егрю.— Сейчас кончится.

Мимо, близ костра, проскочили заяц с лисой.

— Видишь: как перед страхом все равны! — засмеялся Ичанга.— А ты случаем не знаешь, чего там в сопке горит?

— Не был я там, не видел,— пожал плечами Егря.— А цо-та в ней горит.

— Горит. Как-то я заехал в Толбачик. В это время как раз сопка закурилась. Вижу: у конюшни люди собрались. Любуются ей. Подхожу к ним. А русский конюх так эта высокомерно обмерил меня снизу доверху и с издевкой спрашивает: «Ответь, товарищ ламут, чего там в Толбачике горит?» Все с ухмылкой на лице уставились на меня. Я конюху отвечаю: «Не знаю, товарищ конюх. Кто-то там затопил». Он довольный такой от моего ответа. Покачал головой: «Ай-яй-яй, отстаеете от понятий, товарищ ламут.— И начал меня на людях просвещать:— Как тебе попроще пояснить? Горит там всякое сорье, ну разный навоз, сено. Кумекаешь?» Отвечаю ему: «Газы магмы и камни там горят, товарищ конюх!» Он вылупил на меня глаза и задом попятился к конюшне. Тут люди подняли его на смех... Давай, Егор, ложиться спать. Смотри, уже заря занимается. Залезай в кукуль.

Егре в кукуле снилось: он легко летает над землей, то вознесется к облакам, то плавно кружится над лесом. Сладостно ему! Глянь: внизу с посохом стоит старуха Евления, трясет желтыми волосами. Ожидает его. Хотел улететь от нее подальше — тело начало тяжелеть, потянуло книзу. Ветром прямо к старухе подбивает. Все ниже, ниже, ниже... Теперь видит: уже не старуха стоит, а огромная гагара бегаёт и хохочет. Проснулся. Слышит, рядом жеребец ржет. Вышел из палатки. У костра Ичанга зарядкой занимается.

— Становись рядышком, Егор!

— Здорово получается. Красиво.

— Когда я приехал в Эссо и утром стал делать зарядку, то народу собралось со всего стойбища. Они подумали, что я им новый танец привез. Даже бубен принесли...

Приторочив к седлу выючные мешки, путники направились в село: Егра — на лошади, Павел — пешком. Зашуршала под ногами опавшая листва. От леса веяло тоской. Землетрясение полностью оголило деревья.

В темном логу, откуда ни возмись, навстречу путникам из кустов выскочили Егрины двоюродные братья. Закричали:

— Кеша, вот он! Быстрее сюда!

— Попался, пропащий!

— Достанется теперь!

На тропу вышел самый старший из всех внуков Акиндиныча — Иннокентий. Он встал на тропе и приказал:

— Слезай, Егра!

— Не хочу.

— Дедушка наказал нам, чтобы мы нашли тебя и отобрали дробовик. Ты пока еще не дорос до охотника!

— Ой-мой, дедушка сам мне подарил. Я хозяин дробовика. Ишь, какие хитрые: чужим ружьем распоразаться. Поедем к дедушке, и он вам даст от ворот поворот.

— Может, тебе даст! — выкрикнули братанья Андрюшки.

— Мне не даст. Я утку самостоятельно дospel.

Иннокентий посмотрел внимательно на хозяина коня и узнал его. Когда-то Ичанга приходил любоваться его вертушками, самолетами-самоделками. Слушать игру на мандолине.

— Павел Гаврилович, снимите упрямца с коня.

— Нет уж, ребята, пусть он доедет до села, а там идите к дедушке и разбирайтесь, кто прав, кто виноват.

— Тогда попеременно поедem! — запротестовали Андрюшки.

— Пожалуйста, — согласился хозяин коня.

В Мильково ребята въехали в добром согласии. Около райисполкома остановились, помогли Ичанге занести вещи в сени.

Павел спросил:

— Братишки, не сможете ли вы хотя бы до обеда понаблюдать за конем? Мне надобно кое-куда сходить.

— Ладно. Мы коня у нас привяжем,— ответил Иннокентий,— зелени полно около дома.

— Заранее благодарю вас. Вечером приду мандолину слушать.

Ичанга вышел на Милицейскую улицу и направился в ее конец. Улица была пустынна, не с кем обмолвиться, поговорить. Зашел в здание милиции. Еще в коридоре он услышал громкий разговор, вылетающий из кабинета начальника.

Ичанга постучался и широко раскрыл дверь.

— Товарищ начальник, разрешите войти?

— Ох ты, Павел Гаврилович! Входи, входи, покажись: какой ты есть! Говорят, большим начальником стал — председатель райисполкома. Слышал такое, слышал.

Павел огляделся. В кабинете, кроме Фильянова, были еще двое. У окошка за столом друг против друга сидели Мясоедов и мальчишка с заплаканным лицом.

— Здравствуйте,— кивнул им Ичанга.

— Здравия желаю,— не вставая, ответил Мясоедов и начал листать исписанный журнал. Он нервничал. И Павел догадался: это его голос вырывался в коридор.

На столе начальника кроме брошюры не было ничего, видимо она являлась предметом его занятости. Ичанга прочитал заглавие: «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков».

— Присаживайся,— поставил табуретку гостю Фильянов.— Давно приехал?

— Только что. Ночевал в Синайке. Любили мы там с покойничком Гаврилой Васильевичем у костерка сидеть. Наша рыбалка когда-то была на той речке... Прошное вспомнил. А утром — сразу сюда, решил навестить друзей.

— Как тогда тебя земляки встретили?

— Хорошо. Обрадовались. Распаковал я ваши подарки, а в них каждый положил кальсоны. Роздал я их пастухам. На завтра пошел гостевать. Куда ни зайду — пастух в кальсонах расхаживает, моим подарком хвастается. Постепенно обжился. Нужен я там. Теперь, Василий, тундра — моя забота, гордость и боль. На областную сессию еду.

— Чего так рано?

— Закупить для района кое-чего требуется. Позвонил мне Кубасов, дескать, давай приезжай да вместе поедem. А он теперь секретарем... председателем-то кто сейчас?

— Чуйков.

— Не знаю. Надо познакомиться и выезжать с ним, пока из других районов не съехались да лучшее не раскупили. Женат, Василий?

— Нет. Не успел.

— Чего так долго тянешь? Смотри, опоздаешь, парни всех красавиц расхватают...

У окошка недовольно прокашлял Мясоедов. Ичанга увидел, как мальчишка сжался в жалкий комок. Глянул на начальника.

На взгляд Ичанги Фильянов ответил:

— Аникин Егор Михайлович. Всего лишь тринадцать лет, а уже вор, да притом с большими запросами. В Ключах похитил шесть тысяч рублей. Все около школы вертелся, там его и задержали. Не сознается парнишка...

В дверь постучали. Вошли Феодосий Коршунов с Кирей Докучаевым.

— Можно? — спросил Феодосий. — Здравствуйте.

— Докучаев, там постой, а ты проходи к столу, — ответил Мясоедов. — Дежурный, уведите Аникина!

Поймав холодный взгляд Мясоедова, Ичанга заторопился:

— Извини, Василий, что от работы оторвал. Мне пора идти. Хочу Акиндиныча навестить. Завтра, наверное, выедем...

Фильянов пожал на прощание Павлу руку.

— Счастливого пути! На обратном пути заходи.

— До свидания, — сухо простился Мясоедов.

Ичанга вышел из милиции. Глянул на утренние горы. Залюбовался.

— Гляди: словно великан сметал огромные стога! — остановил он первого встречного — Василия Дедова. — Красота неопиcуемая!

— Несравненная! Лучше, Павел, села не найдешь. Мильково — во! — показал Василий большой палец. — А ты куда-то в горы умотал. В Эссо...

— Не скажи, товарищ председатель сельсовета. У нас там кругом лиственницей пахнет. От нее и пошло

название селения — Эссо. Лиственничный лес по-нашему — эссаг. А тишина там какая, паря! Треснет веточка под ногой — и сам испугаешься!

— Глухомань — она и есть глухомань, — поддел его Василий.

Ичанга обшарил глазами улицу. Послушал.

— Вот у вас глухомань! Ни человечка на улице.

— У нас народ уже ушел за село прорубать просеку. Из города должны выйти трактора. Мильково будет иметь свою машинно-тракторную станцию. Все там. Куда держите путь, начальник?

— Акиндиныча пошел навестить.

— Навести старичка. Не буду задерживать. Заходи в сельсовет.

Ичанга не застал дома Акиндиныча. Он осмотрел его хозяйство. Все будто было бы так же, как и раньше, при нем: изба, амбары, баня, ограда, стайки с пригоном... Но время наложило на них темные краски, придавило к земле, обезлюдило. От них веяло самой осенью.

Павел нашел Акиндиныча на берегу реки, около вешалов. Старик кормил собак. Он вытаскивал сайком из сруба-шайбы белохвостку и подносил каждому псу.

— Здорово, приятель Акиндиныч! — радостно поздоровался Ичанга.

Акиндиныч оглянулся, прищурил глаза.

— Пашка, ты эта? Откуль появился? — обрадовался старик. — Здорова, залетный. Давненько не виделись. Давай присядем на шайбу, поговорим.

— Как, Акиндиныч, живы-здоровы? Где дети? С вами?

— Дети мои окрылились, разлетелись. Одни со старухой остались.

— Чего к ним не переедете? Место для родителей всегда найдется, поди.

— Много ли нам, старикам, надо. В старой избушке свой век доживем. Потихоньку тружусь: вот собачек кормлю, зимой на ушканов капканчики ставлю.

— Дети навещают?

— Навещают. Акиндинша-каналья редко пишет. Внучок у меня ружьишко уволок. Не наделал бы беды.

— Встретил я ночесь в Синайке вашего Егру. Селезня он убил. Бойкой парнишка. Вместе до села доехали. Должен был с братишками к вам прийти.

— А я, паря, уже отстрелялся. Вон видишь, Павел,

книзу вода уходит в песок, так вот и жизнь моя уходит. Весной опять тут будет много воды, а осенью снова уйдет в песок. Мы уйдем — внуки заменят нас. На медведя я отохотился...

Павел глянул на лицо старика и заметил, что один глаз белой пленкой затянут. Акиндиныч, перехватив пристальный взгляд гостя, потускнел.

— Крепко, паря, я тогда с медведем покумился. Повадился он по вечерам на рыбалку приходить, разбой мне на вешалах делать, юколу воровать. Все-таки я его скараулил. Выстрелил да плохо задел. Стрелял с близкого расстояния, а попал худо, видно рука дрогнула, не та стала. Подмял он меня под себя, покусал, глаз повредил. Хорошо, что скатился в кислую яму. Медведь не отважился ко мне спуститься, в лес убрался. Теперь уж и не помню, как сумел до собак доползти. Запряг я их, паря, в нарту, крикнул Аттай: «Домой, домой к Анне, к Аннушке вези!» — так я ему часто приговаривал, когда возвращался с охоты домой. Повел он упряжку. Собаки нарту по земле тащили. Тяжело им. Если какая собака отказывалась алык тянуть, то Аттай задавал ей такую трепку, что та уже больше не останавливалась. Дотащили-таки. Спасибо доктурше Валерии, она меня на ноги поставила. Вышел из больницы и дал себе клятвенное обещание: не убивать Аттая. Когда состарится, пусть он сам умрет своей смертью. Да и рука после такого случая не поднялась бы на него. Вот он!

К вешалам подошла старая тощая собака. У Павла больно шевельнулось сердце: неужто это тот кобель, старый друг Валвы?

Качаясь из стороны в сторону, Аттай доплелся до первой собаки. Та отодвинулась от рыбины. Но старый вожак не стал есть предложенной ему еды, он подошел к следующему псу, и тот тоже молча отошел от своей рыбины. И так Аттай обошел всех ездовых собак, затем он направился к молодому гнезду.

— Давно уже не водит упряжку, а посмотри-ка, какое уважение к старику, — похвалился Акиндиныч. — Запомнился им сильным вожаком. Ты-от должен хорошо его знать.

По небу к селу от Валагинского хребта бежали Микучи — черные дождевые тучки.

— Помню: сильная была собака... — задумчиво ответил Ичанга.

Разговор их прервало злобное рычание молодого черного пса. Аттай подошел к молодому гнезду и только хотел прикоснуться к рыбине, как тот мгновенным рывком полосанул его клыками и крепкой грудью отбросил в сторону. Аттай встал на ноги и недоуменно посмотрел на рычащего пса и снова побрел к нему. Акиндиныч встал, крепко сжал пальцами палку. Черный пес вновь с налету ударил грудью Аттая. Старый вожак тяжело поднялся, подошел к хозяину, и они грустно уставились друг другу в глаза. Павел видел, как они замерли в немом разговоре и как у обоих стариков глаза наполнились горючей слезою.

Они оплакивали свою безвозвратную молодость.

Конец второй книги

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Послесловие

Извилист путь реки Камчатки. Она, как глубокая морщина мудрости, пролегла вдоль таежной долины: от вулкана Бакенинга до Великого океана. И на берегу той реки-труженицы живут камчадалы, люди с дивной судьбой. Их предки, рожденные матушкой Сибирью, в давние времена пришли сюда с другой реки — Илим, чтобы на околице Руси посеять свой трудный хлеб и крестьянской песней разбудить необжитый край величественных вулканов. Поселились они у речушки Милки и навечно связали свою судьбину с благодатной землей.

Сквозь толщу веков мне слышится их голос:

Прощай, хозяйюшка Сибири!
Опять крестьянину дорога —
Казак другую даль открыл,
Придя к восточному порогу.
Камчаткой нарекли тот край —
Знать, каменистая земляца.
Да мужику лишь волю дай —
И там заставит хлеб родиться.

А волюшку-то тогда крестьянину не дали...

В 1732 году из Илимска отправили на Камчатку 50 крестьянских семей. Тернистым был их путь. Исследователь Камчатского края А. С. Сгибнев в своей статье рассказал об их муках в дороге:

«Илимские крестьяне были задержаны Берингом в Якутске для экспедиционных работ и только в 1740 году доставлены в Охотск, где Беринг, по недостатку морской провизии, отобрал у них весь скот, а самих приказал отправить на Камчатку».

На Камчатку было привезено всего лишь 24 крестьянских семьи. Их расселили в разных местах полуострова, в том числе на реке Шигачике две семьи и рядом на реке Мильковой — три семьи...

Так, ровно 240 лет назад илимские крестьяне-переселенцы в центре долины Камчатки положили начало селу Мильково. Это о них напоминал нам певец Дальнего Востока Петр Комаров:

Землепроходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрым именем помянуть.

И народная память запечатлела.

Место, где поселились первые крестьяне, стало называться Авачей (от ительменского «авачх», то есть «русский»). После здесь появилась улица Авачинская.

По-ительменски «билькуу» означает «милая». Мыслью и звуком роднится с русским Мильково. И мильковская река подковой легла между Валагинским и Срединным хребтами. Когда-то нашли ее сибирские землепашцы на счастье своим потомкам.

Недавно мне посчастливилось побывать на семинаре драматургов в городе Иркутске. В свободное время нас познакомили с достопримечательностями области. Как-то в пути я рассказал своим товарищам об истории Милькова и назвал три фамилии коренных жителей села: Пинигиных, Бобряковых, Синаевых. На остановке ради любопытства мы подошли к стоявшей на обочине девушке. Состоялся такой разговор:

— Вы, девушка, здешняя?

— Здешняя.

— А папа, а дедушка?

— Все здешние.

— А как ваша фамилия?

— Ольга я, Пинигина.

Ребята рассмеялись. А я, на удивление девушке, низко ей поклонился, поклонился поясно всей Сибири-матушке от имени потомков первых землепашцев Камчатки.

И вошло в добрую традицию у мильковцев заносить историю села в название улиц.

12 апреля 1922 года в Милькове собрались делегаты от тринадцати волостей Камчатки для участия в работе Чрезвычайного второго Петропавловского уездного съезда Советов. Для охраны съезда прибыл партизанский отряд. Он трижды прошелся маршем по самой длинной улице и в начале ее, на доме камчадала Еланцева, поднял красный флаг. С тех пор и зовется улица Партизанской.

А Поперечную улицу нарекли Почтовой, ибо на ней было построено первое здание почты (и современное находится на той же улице). Здесь жили линейщики.

Здесь проходил Чрезвычайный второй Петропавловский уездный съезд, председателем которого был избран связист Илларион Васильевич Рябиков, пламенный боец за торжество новой жизни...

Параллельно Почтовой пролегла улица с редким названием — Милицейская.

Много было дел в те беспокойные годы у народных избранников в милицию. Тогда называлась она рабоче-крестьянской. Милиционеры не только охраняли общественный порядок и обеспечивали безопасность населения от вражеских элементов, но и помогали жителям Милькова и других сел долины в их крестьянской работе.

В честь славных дел мильковских милиционеров была названа эта улица.

Большой и знаменательный период жизни мильковцев был запечатлен в названии улицы Колхозной.

В апреле 1923 года мильковская боевая молодежь создала первую комсомольскую ячейку, которая смело повела антирелигиозную пропаганду в боговерующем селе. А в 1931 году в Милькове был организован колхоз «Безбожник». Четверть века—его история. И эта история внесена в название улицы Колхозной...

Людская память священна!

В любом поколении,
В каждом селении
Живет своя гордость людская.
Явью рожденная,
Непреклоненная,
В народные сказы врастая.
Пусть жизнь обновляется,
Время меняется,
Но подвиг, народом воспетый,
Пером от жар-птицы
Сквозь годы-страницы
Лучится немеркнущим светом...

Хорошие традиции передаются на добрую память детям и внукам. А с ними и продолжается жизнь...

АВТОР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

На перепутье

3

Часть вторая

Колхоз «Безбожник»

65

Часть третья

Осень

161

Жизнь продолжается

Послесловие

205

Поротов Георгий Германович

На околице Руси, кн. II

Редактор Е. Гропянов

Художник А. Гаристов

Технический редактор

и корректор Н. Сухачева

ИБ 609. ВИ02966. Сдано в набор 18.12.80 г. Подписано к печати 28.04.81 г. Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,85. Усл. кр.-отт. 11,08. Литературная гарнитура. Печать высокая. Бум. тип. № 3. Тираж 10 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 51.

Дальневосточное книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Камчатское отделение, 683602, Петропавловск-Камчатский, Советская, 50.

Камчатская областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Камчатского облисполкома, 683024, Петропавловск-Камчатский, Лукашевского, 5.

70 коп.